МАЛАЯ ЦЕРКОВЬ

Настольная книга прихожанина

Печатается по благословению Архиепископа
Вологодского и Великоустюжского Михаила

МАЛАЯ ЦЕРКОВЬ

Настольная книга прихожанина

Москва
«Русский мир»
1992

ББК 86. 37
М 18

Книга относится к разряду душеполезного семейного чтения и адресована самому широкому кругу читателей, как верующих, так и неверующих,— всем, кто интересуется проблемами духовной жизни, взаимовлиянием западного и восточного христианства, церковными праздниками и особенностями Богослужения, богословием и церковным искусством, а также историей Русской Православной Церкви и ее современным состоянием. В книге раскрывается сущность и значение религии вообще и христианства в частности — системы высших нравственных ценностей, основанных на Божественном Откровении, освященных Таинствами и обрядами Церкви.

Один из важных разделов — толковый молитвослов с избранными молитвами и словарем наиболее употребляемых церковнославянских слов и выражений.

«Малая Церковь» может служить ценным пособием для катехизатора и практическим руководством для новокрещеных.

Этот сборник — первый выпуск подготавливаемой к печати издательством «Русский мир» серии книг, посвященных 2000-летию христианства.

М $\frac{0403000000—021}{074\ (02)—92}$ Без объявл.

ISBN 5-85810-003-1

© Информационно-издательское агентство «Русский мир», 1992

© В. А. Никитин, составление, 1992.

© Е. Г. Капустянский, художественное оформление, 1992

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга, названная нами **«Малая Церковь»,** предназначена прежде всего для чтения в кругу семьи, так как семья по давней благочестивой традиции именуется *малой Церковью,* согласно богословской формуле святителя Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского.

В семье как малой Церкви каждый ее член призван жить в согласии и единомыслии с другими, следуя заповедям Господним и воле Небесного Отца.

Глубоко поучительно, что если в браке один из супругов — неверующий, то верующий супруг, являя в своей жизни пример христианской добродетели, тем самым духовно спасает другого: *«Ибо неверующий муж освящается женою верующею, а жена неверующая освящается мужем верующим»* (1 Кор. 7, 13),— назидает святой апостол Павел.

Каждый член семьи призван, таким образом, терпеливо нести «бремена друг друга», исполняя тем самым «закон Христов».

Распространяя эту аналогию на сферу общественной жизни, то же самое можно сказать о членах общества — членах *большой Церкви.*

От идеального «домостроя» в семье — прямой путь к миру и гармонии в обществе, к порядку и взаимодействию в государстве. Там, где, согласно заповедям Христовым, царят взаимное прощение и любовь,— там нет и не может быть никакого места для классовой или межнациональной вражды. Эту простую истину нам прежде всего и хотелось бы засвидетельствовать и напомнить читателю в предлежащей книге.

Задача же ее в целом на нынешнем этапе сложного и, быть может, критического периода отечественной истории — внести свою скромную лепту в процесс *возрождения* русской духовной культуры и, следовательно, русской нации.

Возрождение это началось с пробуждения общественной совести, с призывов к покаянию.

Но подлинного покаяния (греч. метанойа — перемена образа мысли), то есть *духовного прозрения* еще, пожалуй, не наступило. Такое прозрение, безусловно, явится моментом откровения и наступит уже как *результат* пробуждения не только общественной, но и индивидуальной совести, совести каждого из нас.

Именно совесть выражает собой *зов Божий* в душе человека, являясь единственным бесспорным критерием истины, непоколебимой основой общечеловеческих нравственных ценностей.

В лоне Церкви совесть человека не только раскрывается полностью, как бутон, но и расцветает пышным цветом, плодоносит, принося добрые плоды покаяния. Вот почему, собственно говоря, задача духовного возрождения — миссия, призвание и обязанность прежде всего Церкви.

Как справедливо отмечают наши патриоты, ревнители сугубо *православного* Возрождения (а может ли быть в исконно православной России возрождение *иное?),* обретенные сегодня гласность и свобода печати сами по себе не дают гарантий для обращения секуляризованного общества ко Христу и Его Истинной Церкви, частью которой является Русская Православная Церковь.

Отнюдь не случайно в условиях так называемой *перестройки* столь оживились всякого рода увлечения восточными культами, нецерковной и внеисповедной мистикой, в частности псевдомистикой оккультизма.

Господство материализма привело нашу страну не только к безусловной духовной деградации, *кризису совести,* но и к материальному упадку и кризису, ложным учениям и суевериям и, увы, всякого рода бесовщине. Тысячу раз был прав Ф. М. Достоевский, с гениальностью пророка предвидевший все это. Ибо нечто вторичное и производное (материя), положенное во главу угла, с неизбежностью обнаруживает свою вопиющую шаткость и непригодность.

Так называемый диалектический материализм фальсифицировал понятие свободы («свобода есть познанная необходимость»), сведя ее к общественно-экономическому детерминизму («бытие определяет сознание»), игнорируя реальную проблему свободы (свобода выбора) и единственную подлинную и спасительную свободу — свободу личности во Христе: «Где Дух Господень, там свобода» (2 Кор. 3, 17).

Вот почему в первой части нашей книги мы обращаемся к теме **духовной жажды в современном мире** — жажде слышания слов Божиих, которая, по библейским пророчествам, особенно обострится и усилится в последние времена. Этой теме посвящен фрагмент из работы приснопамятного протоиерея Александра Меня (1935 — 1990). Отец Александр рассматривал религию как основополагающий духовный фактор в жизни человечества. Эту концепцию он развивал в ряде своих популярных произведений: «Магизм и единобожие», «У врат молчания», «Дионис, Логос, Судьба», «Вестники царства Божия», «Таинство, слово и образ», «Сын человеческий», а также в замечательной лекции, прочитанной в московском Доме техники накануне своей мученической кончины (см. «Литературную газету» от 19.12. 1990).

Путь веры ведет к Богочеловеку — Христу, вера в которого поистине творит чудеса. «Вопрос о Христе есть вопрос о спасении»,— подчеркивает проф. Тюбингенского университета Карл Адам, раскрывая в своей книге «Иисус Христос» сущность сверхъестественного и чудесного как *своеобразие Божественного*. Читателю будет интересно ознакомиться с важной главой из этой книги.

Чудо есть «любимое дитя» веры, но оно не противоречит подлинно ученому познанию, сознающему величие и непостижимость творения. Соотношение науки и религии превосходно раскрыто выдающимся русским мыслителем С. Л. Франком (1877—1950) в известной, ставшей хрестоматийной работе, которую мы полностью перепечатываем по тексту одноименной брошюры. Работа эта даст читателю путеводную нить в лабиринте современного естествознания, ее главные положения не устарели до сих пор и, более того, удивляют своей актуальностью.

Вместе с тем следует сказать и о том, что проблема взаимоотношения науки и религии, знания и ве-

ры, в общих чертах успешно решенная С. Л. Франком, требует развития в современном контексте. Глобальные перемены, последовавшие в эпоху термоядерного синтеза, космических полетов и генной инженерии, не говоря уже о новейших сенсациях, связанных с «жизнью после жизни», далеко отодвинули горизонты науки, продолжают потрясать воображение. Об этом замечательно ясно сказал в свое время Альберт Эйнштейн: «Чем больше наука делает открытий в физическом мире, тем более мы приходим к выводам, которые неуклонно направляют нас к вере». Относительные истины науки могут со временем устаревать и заменяться другими, но Истина Откровения неизменна. (В этой связи будет уместно рекомендовать читателю работу С. П. Божича «Ошибки современной науки». М., «Прометей». 1990).

Вторая часть книги посвящена преимущественно «русской теме» — истории Русской Православной Церкви за 1000-летний период ее канонического бытия, вкладу Русской Церкви в развитие отечественной государственности и культуры, а также характерным особенностям русского благочестия и святости.

Тема эта рассматривается отнюдь не изолированно от давнего спора славянофилов и западников. Интересную попытку его разрешения представляет опубликованная за подписью митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима статья «Русская идея и взаимовлияние западного и восточного христианства», вошедшая в практически недоступный читателю сборник «Tausend Jahre zwischen Wolga und Rhein» («Тысяча лет между Волгой и Рейном». Цюрих, 1988).

Третья часть книги посвящена прежде всего изложению сущности православных Таинств и обрядов, описанию порядка и особенностей церковного Богослужения. Затем следует повествование об основных православных праздниках, изъяснение их смысла и значения.

Раздел завершает работа епископа Уфимского и Стерлитамакского Анатолия «Русская икона», вводящая читателя в прекрасный мир церковного искусства. Она как бы иллюстрирует евангельские слова, сказанные Христом: *«Где сокровище ваше, там и сердце ваше»* (Мф. 6, 21); *«Приготовляйте себе сокровища на Небесах»* (Лк. 12, 33).

Поистине, человек — *мера всех вещей* в той мере, в какой он сам постигает свое место в Богосотворенном мире и, не сокрушаясь о своей телесной ограниченности, может совершить прорыв за грань земной реальности, в мир ноуменальных сущностей. Прорыв же этот осуществим лишь благодаря подвигу веры и молитвы. Свободное, с сыновней любовью и смирением, подчинение Богу отнюдь не умаляет достоинства человека, как раз наоборот: облагораживает и освящает его творческий порыв, поднимая его на недосягаемую ранее высоту. В этом тайна нашего **молитвенного общения** с Богом,— и этой чрезвычайно важной теме посвящена последняя часть книги. Учение о человеке в христианской традиции в связи с проблемами современного общества изложено в кратком, но весьма насыщенном антропологическом этюде «Тело, душа, совесть».

Далее разъясняется поведение христианина, заповеданное Евангелием, дано практическое руководство к молитве и, наконец, приведен толковый молитвослов с избранными молитвами.

Благодарственный акафист «Слава Богу за все!» — образец для современного литургического творчества, автором которого является выдающийся проповедник митрополит Трифон (Туркестанов) (1861 — 1934),— завершает весь сборник.

В приложении дан словарь наиболее употребительных церковнославянских слов и выражений, встречающихся в молитвах. Словарь этот поможет сознательному усвоению некоторых привычных для верующих священных формул и молитвословий, что, безусловно, облегчит нам свидетельство о вере, тем самым способствуя решению главной задачи настоящего издания. Ведь каждый христианин, по слову святого апостола Петра (1 Петр. 3, 15), призван и должен уметь ответить совопросникам о своем духовном уповании, дабы не оскудела в мире благая весть. В заключение выражаем глубокую, сердечную благодарность директору издательства «Жизнь с Богом» Ирине Михайловне Посновой за любезное согласие перепечатать некоторые статьи из книг, выпущенных ее издательством.

Мы стремились, чтобы «бесценный бисер Христов» (тропарь святому равноапостольному князю Владимиру) стал доступен самому широкому читателю,

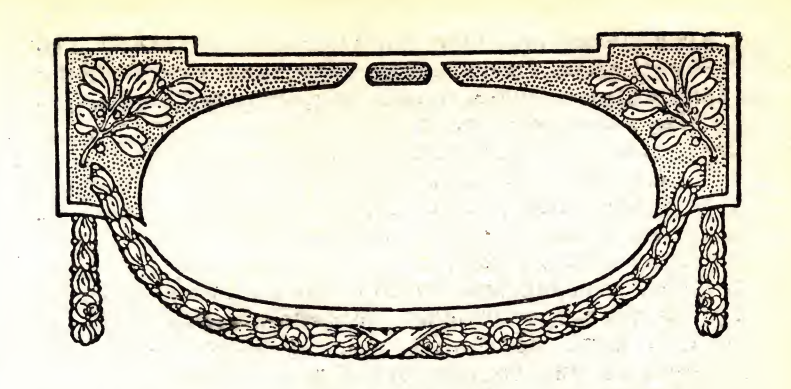
устремившемуся сегодня в Церковь. Отсюда, в известном смысле, установка на катехизацию, миссионерская (в самом общем плане) направленность сборника.

Мы верим, что эта книга поможет читателю обрести подлинное, нетленное сокровище в святыне Православия, что нам всем еще может быть дано восчувствовать свое сердце «в руце Божией», ибо в сердце живет душа, а «душа человека по природе — христианка» (Тертуллиан).

Хочется надеяться, что эту книгу с интересом прочтут не только верующие, но и скептики-правдоискатели, и даже не совсем «закосневшие» агностики, стоящие на мировоззренческих перепутьях.

Да поможет им Бог обрести правую веру во Святом Православии.

Валентин НИКИТИН,
старший редактор
Издательского отдела
Московского Патриархата,
главный редактор
журнала «Православный путь».

Часть 1

ЦЕРКОВЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Протоиерей Александр Мень

Духовная жажда в современном мире*

Вдумчивому наблюдателю трудно найти в духовной жизни людей фактор, который на протяжении веков играл бы большую роль, чем религия. От каменного века до термоядерной эры, претерпевая удивительные изменения и метаморфозы, живет она неразрывно с человеческим духом, с мировой культурой. Египетские храмы и вавилонские гимны, Библия и Парфенон, готические витражи и русские иконы, «Божественная комедия» Данте и творения Достоевского, мысль Платона и Кьеркегора, музыка Баха и Бриттена, социальные идеи Савонаролы и Мюнцера — все это коренится в религии, которая вносит в земную жизнь высший смысл, связуя ее с Непреходящим.

Религия была решающим импульсом во многих исторических движениях. Принятие Азией буддизма, проповедь Евангелия в античном мире, экспансия ислама, Реформация Западной Церкви стали подлинными вехами в жизни человечества. Даже сама борьба против религии есть косвенное признание ее значения.

---

* Текст воспроизведен по изданию: *Прот. Александр Мень (Э. Светлов).* Истоки религии. 2-е изд. Брюссель, изд. «Жизнь с Богом». 1981. С. 13 — 29.

Влияние религиозной веры простирается от грандиозных социальных потрясений до интимнейших глубин человеческого сердца. И именно последнее составляет ее главную силу.

Обращаясь к религиям минувших веков, мы сможем убедиться, что они имеют не только исторический интерес, но в них есть нечто вечное, актуальное в любую эпоху.

Однако многие, соглашаясь признать роль религии в прошлом, уверяют, что для людей XX столетия она умерла или умрет в ближайшем будущем. Говорят, что мир окончательно входит в период безверия.

Справедливо ли это? Не кроется ли именно за борьбой против религии, которая ведется на протяжении почти всего нашего века, бессознательный страх перед ней и неуверенность ее врагов в своей правоте?

Еще в античные времена считалось, что нет ни одного народа, который был бы совершенно лишен веры. Это утверждение сохраняет силу и поныне. Как отмечает известный современный историк Арнольд Тойнби, даже атеистов нельзя считать людьми по-настоящему неверующими. В их воззрениях проявляется смутное религиозное чувство, хотя и направленное на земные объекты, личности, идеи. Антирелигиозные доктрины нередко бывают связаны с внутренними порывами мистического характера; идеологические мифы, принимаемые на веру, есть по существу перелицованная религия.

Одним из немногих атеистов, рискнувших довести свое богоотрицание действительно до логического конца, был Фридрих Ницше.

«Бог умер!» — восклицал он и лихорадочно спешил изгнать из жизни людей все, что о Нем напоминает. Бог умер, и, следовательно, Вселенная — не более чем игра слепых стихий. Небо пусто, мир пуст, все повторяется в бесконечном течении времени. Смысла нет, цели нет, нет ничего, что имело бы цену. И как смешны поэтому притязания человека на величие! Он вышел из небытия и уйдет туда же вместе со своей жалкой цивилизацией и планетой. Естественно, что Ницше отверг все нравственные принципы христианства, ибо закон властительницы-природы — это торжество сильнейшего. Он с презрением говорил и о возможности любых социальных преобразо-

ваний: что такое общество, как не проявление все той же мировой бессмыслицы?

Тем не менее лишь редкие люди решались на столь радикальные выводы. Большинство атеистов отшатывались от мрачной картины обесцененного бытия и прибегали к тому, что Ницше называл «тенью Бога». В мертвой пустыне безверия они разбрасывали между камнями цветы, принесенные из далеких садов, стараясь смягчить зловещее впечатление от ее ландшафта. (Сам Ницше в конце концов не устоял и попытался найти прибежище в идее сверхчеловека.) В результате возникали верования атеизма, украдкой привносящие смысл в бессмыслицу, предназначенные примирить человека с тем, что он по самой природе своей не может принять. Вот почему многие непоследовательные атеисты говорят о величии добра, о том, что людей непременно ждет высочайший расцвет, ради которого нужно быть готовым к самым большим жертвам. Они ценят самоотверженность, героизм, справедливость.

В наши дни этот разлад между атеистическим взглядом на мир и жаждой идеала особенно ярко проявился у Альбера Камю. Настаивая на «абсурдности» бытия, он тем не менее стремился опереться хотя бы на нравственную волю человека. Он боролся за права людей против тирании, обличал, проповедовал. Между тем подобная позиция едва ли вытекала из его теории абсурда. Камю сам признавался в этом своим оппонентам. «Сказать по чести,— писал он им,— я с трудом находил для спора с вами другие доводы, кроме властной тяги к справедливости, которая, в конце концов, столь же мало разумна, как и самая неожиданная страсть».

Есть что-то трагическое и волнующее в этом стремлении атеистов укрыться от бездны равнодушной Вселенной, от пустого холодного неба. Тут — не просто страх и тревога, но неосознанное тяготение к тому, что догматика материализма отрицает: к Смыслу, Цели, разумному Началу мира. И никакие доктрины не в состоянии искоренить это присущее человеку таинственное тяготение. Его признает реальным фактом даже такой атеист, как известный психоаналитик Эрих Фромм. «Изучение человека,— пишет он,— позволяет нам признать, что потребность в общей системе ориентации и объекте преклонения

глубоко коренится в условиях человеческого существования».

Откуда же подобная потребность могла возникнуть? Ведь все в мире имеет какие-то реальные корни. В частности, никто не станет оспаривать того, что потребностям нашего тела соответствует объективная жизненная необходимость. Если же дух человека веками стремится к красоте, добру и чему-то Высшему, достойному преклонения, правильно ли будет видеть в этом лишь пустой самообман? Не естественнее ли признать, что подобно тому как тело связано с объективным миром природы, так и дух тяготеет к родственной ему и в то же время превышающей его незримой Реальности? И разве не показательно, что, когда человек отворачивается от этой Реальности, вместо нее возникают суеверия и секулярные «культы»? Иными словами, если люди уходят от Бога, они неизбежно приходят к идолам.

Создатель психоанализа Зигмунд Фрейд пытался вывести идею Бога из подавленных желаний человека, вытесненных в подсознательную сферу души. Но нет ли у нас права поставить вопрос иначе? Не являются ли атеистические суррогаты религии результатом вытеснения чувства Бога, которое тем не менее дает о себе знать? Легко убедиться, что отрицание Высшего само находит пищу в подспудной стихии веры.

Так в эпоху, предшествовавшую Французской революции, философия энциклопедистов стала источником энтузиазма, очень близкого к религиозным переживаниям. Барон Гольбах, патриарх «просветительного» безбожия, после своего обращения в «новую веру» упал, как рассказывают, на колени перед Дидро в порыве какого-то атеистического экстаза. А его последователи в дни революции клялись «не иметь иной религии, кроме религии природы, иного храма, кроме храма Разума». Вера в человека, в скорое осуществление «свободы, равенства и братства», вера в науку, разум, прогресс — все это время от времени внушало людям благоговение и даже порождало своеобразные формы культа. Напомним хотя бы об основателе позитивизма Огюсте Конте и его почитании «Великого Существа» — человечества.

Немецкий биолог Эрнст Геккель в конце прошлого века создал «монистическую» религию природы, продолжением которой стало учение другого биолога, Джулиана Хаксли. Отрицая личного Бога, Хаксли считал, что предметом поклонения можно сделать жизненную силу космоса, созидательную энергию эволюции.

У русской интеллигенции служение «народу» носило явно религиозные черты. В «народе» видели соль земли, якорь спасения, источник высшей мудрости. Этот культ породил немало своих героев и мучеников. История гражданской войны в России двадцатых годов — яркий пример того, как в е р а в будущее, в справедливость и в своего рода Царство Божие на земле побеждала все преграды. Хорошо обученному и вооруженному противнику противостояли главным образом убежденность и энтузиазм, перед которыми должна была отступить внешняя сила.

Не случайно материалисты, хотя в теории и признают примат экономики, на практике предпочитают апеллировать к «сознанию», «идеям», «вере». Мао Цзэдун, например, признался однажды, что намеренно поощрял культ своей личности, чтобы «вдохновить» массы. Именно это поклонение псевдобогу, а вовсе не обещание материальных благ сделал он главным рычагом своей борьбы и политики.

Многие атеисты, как мы видим, отнюдь не считают зазорным именовать свои взгляды религиозными. «Мы,— писал в начале века один из них,— тем более имеем право отвергать «небо», чем более уверены в силе и красоте земной религии». И впоследствии эта «религия» создала свои непререкаемые авторитеты, догмы, писание, обряды и святых.

На другом общественном полюсе мы также находим нечто подобное. «Ныне,— писал идеолог национал-социализма А. Розенберг,— пробуждается новая вера: миф крови». Он и его единомышленники превратили биологический расизм в лжемистическое вероучение, увлекшее народ, у которого в те годы были подорваны христианские корни.

Можно привести немало других примеров того, как изгнанная из сознания мысль о Боге все же возвращается к человеку, хотя и в искаженном, едва узнаваемом виде. Это свидетельствует о неистреби-

мой потребности людей связывать свою жизнь с чем-то высшим и священным.

Апологеты атеизма силятся изобразить свою идеологию как результат умственного процесса, как самую «современную» идеологию. В действительности же, как мы увидим, она существовала задолго до возникновения главных мировых религий и во все времена являлась симптомом духовного оскудения, упадка и кризиса.

«Массовый атеизм» нашего трагического века — факт не случайный. И дело совсем не в том, что у народов европейского круга исчерпала себя вера в Бога. Отход от нее имеет три главных причины. Первая заключается в том, что христианство оказалось в «эпицентре» урбанизации, которая нанесла тяжелый урон духовным ценностям и нравственному состоянию общества. Этот ураган не достиг в полной мере народов, исповедующих ислам и другие религии. Основная тяжесть удара пришлась на христиан. Вторая причина связана с ошибками руководителей Церквей, с извращением некоторыми из них подлинного духа религии. Третья коренится в плоской «духовной буржуазности», о которой говорил Николай Бердяев, в идеях секуляризма и человекобожия. Эти идеи впервые зародились в древнем мире; наиболее же яркое выражение они нашли в эпоху Ренессанса. Тогда, около 400 лет назад, западный мир оказался перед соблазном языческого гуманизма и в значительной своей части не устоял перед ним. Человек как «мера всех вещей» был возведен в ранг божества, его разум объявлен высшим судьей в глубочайших вопросах бытия, его природа провозглашена гармоничной и прекрасной в самых своих основаниях.

Идеологи «просветительства» и рационализма создали теоретическую платформу для подобных притязаний. Возник настоящий культ науки: социальные преобразования стали казаться единственным лекарством от всех недугов мира, а идея неуклонного прогресса, расцветшая в XIX веке, укрепила эти позиции.

Атеистический гуманизм, отвергнув гуманизм христианский, не уставал предсказывать гибель религиозной веры. Однако она не только выстояла, но и продолжала жить полной жизнью. Период от XVI до XIX века дал Церкви множество святых, подвижни-

ков, богословов; расцвела деятельность миссионеров, которые вывели христианство за пределы Европы, возникли новые духовные движения.

В ответ на это были предприняты прямые попытки *уничтожить* христианство силой.

Еще в годы Конвента вспыхнули массовые гонения на Церковь. Казнили епископов и священников, храмы превращали в клубы, оскверняли гробницы святых (в частности, св. короля Людовика). Собор Нотр-Дам стал местом, где поклонялись разуму. По улицам Парижа провезли катафалк, нагруженный священными предметами, что должно было знаменовать «похороны Бога». Но вскоре стало очевидно, что «похоронили» атеисты отнюдь не Бога, а всего лишь кучу церковной утвари.

С Французской революцией «штурм Небес» не кончился. Вновь и вновь продолжался он то под знаком эволюционизма или библейской критики, то под предлогом борьбы с реакцией. Бисмарк и французские министры, немецкие социал-демократы и русские революционеры с разных сторон вели упорные атаки на христианство. Однако на рубеже XX века опрос, проведенный среди деятелей культуры, показал, что, по мнению большинства из них, религия далека от упадка. Известный американский философ Уильям Хокинг писал в те годы: «Не следует спешить с суждениями о том, что наш век нерелигиозен. Потенциально люди становятся более религиозными. Это развитие религии еще скрытый факт». А поскольку факт этот постепенно становился все менее скрытым, атеизм снова прибегнул к насилию.

В первой трети XX столетия социальные перевороты в России, Мексике, Германии и Италии привели к настоящей войне против христианства и других религий, войне, которая в КНР и Албании приняла впоследствии тотальный характер. Весь возможный арсенал средств — от пропаганды через печать и радио, трибуны и кафедры до жестоких массовых расправ — был пущен в ход, чтобы покончить с религией. Рука об руку с воинствующим богоборчеством против нее шли индифферентизм и пошлая рассудочность, обывательский материализм и «новый» гуманизм — эпигон ренессансного. Но победа, на которую так надеялись гонители, не наступала.

Эти битвы, которые были предсказаны еще в Библии, христианство предвидело давно, и в той же Библии Церковь черпала уверенность в своей неодолимости.

Правда, находились и среди христиан такие, чья воля оказалась парализованной натиском секуляризма. Их мучил вопрос: имеет ли Церковь будущее? Но задавали они его себе так, будто она есть т о л ь к о человеческий институт, забывая о словах Христа, сказанных апостолу Петру: «Создам Церковь Мою, и врата адовы не одолеют ее».

Разумеется, это обетование — не призыв к пассивности. Что было бы, если бы ученики Иисусовы вместо того, чтобы «проповедовать Евангелие всей твари», заперлись в своих домах? Но даже и в этом случае дело Христово продолжалось бы в мире. Умолкли бы апостолы — «возопили бы камни». Христос нашел бы Себе иных служителей...

С другой стороны, законен вопрос: не потерял ли сегодня сам мир потребность в вере? Разве не довольствуется он тем, что дает ему «светская» культура?

Некоторые признаки этого есть: длительный натиск антирелигиозных сил не мог пройти бесследно. Но в то же время лишь предвзятый человек может отрицать, что жажда веры постоянно возрождается даже в атмосфере гонений, секуляризма и утилитарной бездуховности.

Современная ситуация позволяет более отчетливо увидеть и саму душу, подлинную сущность религии. От того, что в наши дни уже не ходят на ипподром с пением молитв, как в Византии, и не топят еретиков в Волхове, как в древнем Новгороде, вера не пострадала, а только выиграла. Теряя связь с государством, она освобождается от балласта номинальных последователей. Превращение христианства в официальную идеологию чаще всего приводило к уродливым явлениям, отравляющим церковную жизнь. Гораздо лучше, когда «язычник» любой формации исповедует себя таковым, чем когда он в угоду среде называется христианином.

Нынешний атеизм не какая-то принципиально новая ступень сознания, но вскрытие реального соотношения духовных уровней в обществе. На Западе многие представители Церкви жалуются на то, что «храмы пустуют», однако при этом они забывают, что ку-

да хуже, если храмы полны, но пустуют сердца. Внешнее исполнение обрядов далеко не всегда показатель благополучия веры, и, напротив, слабая посещаемость храмов отнюдь не доказывает ее упадка. К тому же внешние формы церковной жизни всегда менялись в прошлом, будут меняться они и в дальнейшем. Поэтому неизбежны периоды, когда необходимость перемен сказывается на числе людей, систематически ходящих в церковь.

Но ключ к проблемам нужно искать глубже: в запросах самого человеческого духа. Не говорит ли мятеж «новых левых» — этих современных нигилистов — о том, что, даже потеряв Бога, люди страстно ищут абсолютного, что они не могут довольствоваться наличной действительностью? Сегодня вновь повторяется драма Фауста — человек открывает в себе вечное стремление ввысь и неудовлетворенность тем, чего он достиг. Показательно, что это стремление особенно сильно проявляется в развитых странах, пришедших к материальному благополучию. Чем сильнее становится власть «массовой культуры», техники и урбанизации, тем острее чувствует индивидуум тяжесть новых оков, возложенных на него; религия же, по верному замечанию одного современного исследователя, «остается наиболее личностной из всех форм человеческой деятельности». Поэтому именно в ней дух, затерянный в лабиринтах цивилизации, вновь и вновь обретает для себя прочную основу и внутреннюю свободу. Личность, т. е. высшее проявление человеческого, всегда будет находить оплот в Святыне.

Разумеется, прогресс веры нельзя измерять одной статистикой. «Если,— говорит английский писатель К. Льюис,— и впрямь началось христианское возрождение, развиваться оно будет медленно, тихо, в очень маленьких группах людей». И это незаметное возрождение действительно происходит повсюду, даже там, где его меньше всего могли ожидать.

Не следует, однако, игнорировать и те явления, которые обнаруживаются на поверхности. После всего, что выпало на долю религии в эпоху секуляризации, верующими в наши дни считают себя почти 90% населения земли. Коммунистический автор, приводящий эту цифру, правда, оговаривается, что среди

формально религиозных людей есть немало равнодушных; но ведь и среди тех, кого относят к атеистам, — множество скрыто верующих или близких к вере.

Есть основания утверждать, что в XX веке религия, вопреки прогнозам скептиков, стала играть роль в чем-то даже большую, чем в минувшие века. Это можно проследить в самых разных сферах культуры. Например, если двести или триста лет назад многие художники, обращаясь к евангельским темам, видели в них главным образом сюжетную канву, то теперь в основе творчества таких выдающихся мастеров, как М. Шагал и Н. Рерих, Ж. Руо и С. Дали, мы находим подлинно мистическое мироощущение. Религиозные и мистические проблемы волнуют в наши дни писателей так, как не волновали сто лет назад, за исключением, пожалуй, России. В защиту высших духовных ценностей выступали: Ш. Пеги, Л. Блуа, П. Клодель, Ф. Мориак, Ж. Грин и А. Сент-Экзюпери во Франции; Г. К. Честертон, К. Льюис, Т. С. Элиот, И. Во и Г. Грин — в Англии; Т. Манн, Г. Гессе и Г. Белль — в Германии; М. Булгаков, Б. Пастернак и А. Солженицын — в России; Д. Селлинджер, Р. Бредбери, Дж. Апдайк — в Америке; Д. Папини — в Италии. Драматизм духовных исканий и кризисов с необыкновенной силой изображен в творчестве Ф. Кафки и Р. М. Рильке. И даже критикуя религиозную жизнь своих современников, многие писатели делают это во имя очищения и обновления веры. Таков же был смысл и обличительных речей древних пророков и Отцов Церкви, которых всегда отличала непримиримость к любым искажениям подлинной религиозности.

Среди представителей науки и в прошлом подавляющее большинство не видело противоречия между религией и естествознанием. Напомним хотя бы имена Кеплера, Ньютона, Пастера. В наши же дни среди ученых речь идет уже о *синтезе* веры и знания. На это указывает лауреат Нобелевской премии Чарлз Таунс, создатель лазеров. «Цель науки,— говорит он,— открыть порядок во Вселенной и благодаря этому понять суть вещей, которые мы видим вокруг себя, в том числе понять жизнь человека. Цель религии может быть определена, мне кажется, как постижение (и, следовательно, принятие) цели и смысла Вселенной, а также того, каким образом мы связаны с ним. Эту высшую целесообразную силу мы и назо-

вем Богом». Приведенные слова — не случайное, частное мнение. Его разделяют люди, которым принадлежит создание современной картины мира. А. Эйнштейн говорит о значении веры для ученого, М. Планк, Н. Бор и Э. Шредигер — о связи науки и религии, А. Эддингтон, Д. Джинс и П. Иордан считают познание мира путем к Богопознанию.

Во многих отраслях науки ведущие специалисты XX века стоят на позициях, противоположных материализму. В физике — это В. Гейзенберг, в математике — Г. Кантор, в биологии — Р. Шовен, в нейрофизиологии — Д. Экклс, в антропологии — П. Тейар де Шарден, в палеоархеологии — А. Брейль, в этнографии — В. Шмидт, в историографии — А. Тойнби, в психологии — К. Г. Юнг.

Показательно и положение в философии. Крупнейшие мыслители нашего столетия — будь то интуитивист А. Бергсон, томист Ж. Маритен, «органицист» А. Уайтхед, экзистенциалист К. Ясперс или «рыцарь свободы» Н. Бердяев — провозглашают высшую духовную ценность религии.

Наступило время и небывалого расцвета богословия, которое представлено в православии такими именами, как С. Булгаков, П. Флоренский, В. Лосский, в католичестве — Р. Гвардини, И. Когнар, К. Ранер, в протестантизме — К. Барт, П. Тиллих, Р. Нибур. Развивается религиозная мысль и в иудействе (М. Бубер), и в индуизме (Ауробиндо Гхош).

Растет интерес Запада к мистическим учениям йоги и дзен, возникают новые направления не только в христианстве, но и в исламе, буддизме и даже язычестве. Характерно, что некоторые представители общественно-политической жизни нашего столетия, например М. Ганди и М. Л. Кинг,— исходили в своей деятельности из религиозных принципов.

Значение всех этих явлений отнюдь не умаляется тем, что порой в них обнаруживается много незрелого и противоречивого. Само многообразие идей и поисков (от крайней левизны — до крайней ортодоксии) показывает, насколько полноводной становится река религии.

Подъем ощущается, естественно, и в самой церковной жизни. Ни одно из минувших четырех столе-

тий не знало столь популярного папы, каким был Иоанн XXIII. Созванный им Второй Ватиканский Собор открыл новые перспективы в диалоге между Церковью и миром, проложил новые пути в богословии, экуменизме, апостолате, богослужении и понимании Библии. То, что Собор вызвал волну дискуссий и кризисов, которые по своему накалу напоминают о временах ранних Соборов, лишь доказывает силу и жизненность христианства. Смелая и свободная критика религиозных институтов со стороны самих верующих и теологов есть также признак полнокровной жизни Церкви.

Новых путей ищет и протестантизм. Огромный успех евангелического проповедника Билли Грейма показал, как сильно в людях стремление к Слову Божиему. Протестантская инициатива, приведшая к созданию Всемирного Совета Церквей, говорит о такой жажде общехристианского единства, какой еще не знала история. И замечательно, что экуменизм зародился и живет именно тогда, когда в мире усилились расовая нетерпимость и шовинизм.

Поразительной оказалась жизнеспособность Православной Церкви, которая за последние десятилетия выдержала в России ни с чем не сравнимые внешние и внутренние испытания. Правда, английский теолог Дж. Робинсон в своей нашумевшей книге пытается умалить значение этого факта, связывая его с так называемой «вторичной религиозностью», т. е. усилением веры в исторически угасающих обществах. Однако причислять Россию к такого рода обществам — значит плохо понимать динамику современного мира.

В США, этом классическом образце «общества потребления», где погоня за комфортом уже стала угрозой для духовных ценностей, неожиданно возникло широкое движение обратившейся к Евангелию молодежи, движение, получившее название «Иисусовой революции». В Европе христианская община Тэзе привлекает к себе сотни тысяч молодых людей из разных стран, членов различных церквей. В Африке и Азии множится число новых течений и проповедников.

О многом свидетельствует и судьба Библии в современном мире. Не только астрономические цифры ее тиражей, комментированные и иллюстрированные

издания, не только популярность библейских тем в музыке, на экране и на телевидении говорят о ее неумирающей притягательности, об этом говорят сотни новых исследований и книг, появившихся в результате небывалого прежде расцвета библейской науки.

В XX веке впервые возникает серьезный диалог как между Церквами, так и между религиями, между верующими и неверующими. Даже коммунисты вынуждены активно включаться в этот диалог. Одновременно в ряде стран, например в Латинской Америке, епископат и духовенство становятся в ряды борцов за свободу и социальные преобразования.

Если прежде коммунисты говорили о религии как о своем непримиримом враге, то теперь многие из них вынуждены изменить отношение к ней. Член ЦК чилийской компартии О. Мильяс, говоря о социальной борьбе христиан, подчеркивает, что они «видят смысл своей религиозности в горячей любви к ближнему, в безоговорочной вере в человека. Католикам такого рода **их** верования нисколько не мешают быть революционерами, но, напротив, помогают им в их борьбе». Учитывая именно это, Фидель Кастро писал, что его революция «никогда и ни в какой форме не была антирелигиозной».

Подобные же голоса раздаются и в Европе. Так, Жорж Марше открыто утверждает, что «у христиан есть основания, чтобы участвовать в движении за демократические перемены и содействовать построению более свободного общества». Это уже очень далеко от третирования религии как «опиума».

Нередко приходится слышать, что религия существует до сих пор лишь потому, что «приспосабливается» к нуждам и запросам любой эпохи. Но, признавая это, атеизм невольно свидетельствует в пользу религии. Ведь хорошо известно, что именно свойство приспособляемости означает жизнеспособность организма.

Говорят также, что обращение к религии есть «дань моде». Быть может, в отношении многих поверхностных умов это и справедливо. Но «мода» далеко не всегда играет отрицательную роль. Разве не она помогла огромному числу людей понять и оценить иконопись и древнюю церковную архитектуру? И вообще, не примечательно ли, что «мода» возникла именно на то, что старались уничтожить так долго и

упорно? А ведь мода часто есть не что иное, как упрощенное отражение глубинных процессов, протекающих в недрах общественного сознания.

Знаменитый физик Макс Борн, говоря о пропасти, в которую катится цивилизация, подчеркивал, что только религиозные идеи могут вернуть здоровье обществу. «В настоящее время,— писал он,— только один страх вынуждает людей сохранять мир. Однако такое положение неустойчиво и должно быть заменено чем-либо лучшим. Нет необходимости искать где-то далеко принцип, который мог бы стать более прочной основой для устройства наших дел... В нашей части мира этот принцип содержится в христианской доктрине, Мохандасу Ганди удалось воплотить его в жизнь».

Итак, можно считать очевидным, что люди, говорящие о «гибели религии», либо близоруки, либо намеренно закрывают глаза на действительность, либо, наконец, являются жертвой дезинформации.

Сегодня как никогда актуально звучат слова апостола Павла, сказанные две тысячи лет назад: «Нас почитали умершими, но вот — мы живы».

Карл Адам

Путь веры*

Так как наш глаз стал невосприимчив к невидимому, святому и божественному, мы, современные люди, прежде чем обратиться к вопросу о действительности Христа, должны сначала упорядочить и подготовить нашу духовность. В нашем случае это значит, что нашим христологическим изучениям должны предшествовать некоторые предпосылки, относящиеся к теории познания, по крайней мере в том смысле, что прежде всего мы должны вспомнить о той духовной установке, которая одна допустима по отношению к божественным возможностям. Мы должны поэтому поставить вопрос, как современный человек должен быть душевно настроен, какие субъективные условия должны быть с его стороны подготовлены, чтобы слушать весть о Христе не внешне только,

* *Адам Карл.* Иисус Христос. Брюссель, изд. «Жизнь с Богом». 1961. С. 23—49.

но внутренно. Какие духовные установки религиозный акт уже предполагает наличными для живого исповедания Христа? Бесцельно говорить о Христе прежде, чем станет ясным особый способ Его познавать.

Немалая заслуга феноменологической школы в том, что она обратила наше внимание на существенную связь акта и предмета, на внутреннюю связанность познания и познаваемого. Каждый познавательный процесс определенного предмета требует особой установки к нему. Применим это к вопросу, как приходить к вере во Христа. Мы получим следующее: если существует возможность, что Божественное явилось во Христе, если — иными словами — это Божественное во Христе признается хотя бы только возможным предметом исследования, то эта возможная Божественность своей особенностью и своим своеобразием налагает соответствующую окраску и на познавательный акт, на весь ряд познавательных актов, а этим и на самый метод, с помощью которого мы пытаемся подойти к этому Божественному. Своеобразие Божественного, даже если мы примем во внимание только его сущность, еще не останавливаясь на Его действительности, лежит в его предполагаемой абсолютности, в безусловности, с которой Оно себя утверждает, и нас, вопрошающих, принуждает осознать нашу безграничную обусловленность, наше творческое и моральное бессилие. Когда в наше поле зрения попадает Божественное, хотя бы только как возможность, тогда человек сразу, прежде чем он установит что-либо определенное о Его бытии, уже принужден оставить чисто внешнюю, безличную, чисто научную постановку вопроса и усвоить установку личного, заинтересованного подхода. Его вопрос неизбежно становится вопросом о **спасении**, практическим вопросом, следовательно, не из тех, которые подсудны только теоретическим соображениям, не только проблемой мышления и знания, но экзистенциальной проблемой, то или иное решение которой определит все наше бытие. Уже одна возможность иметь дело с самим Богом возлагает на человека обязательство прислушаться, действительно ли говорит Бог? Если действительно Он говорит, то это не кто-то такой, к кому можно и позволительно оставаться равнодушным, но Господь, мой Господь, которому я, если Он действительно существует, обязан всеми фибрами своего существа...

Простая возможность, что Бог может открыть Себя в человеческой природе, открыть Себя до самой ее глубины, до вочеловечения Своего Сына, имеет для человека нечто до того потрясающее, вдохновляющее, внушающее трепет и столь чудесное, что он, если только не хочет грешить против основ своей собственной сущности, не может просто пройти мимо этого и перейти к порядку дня. Вопрос о воплощении Бога в человеке стоит по определению совершенно в другой плоскости, чем вопрос о строении муравьев или об образе жизни насекомых.

Какое значение имеет это обстоятельство для нашего исследования о Христе? Мы хотели прежде всего добиться ясности в вопросе об основном, о подходе исследователя. Далее мы должны выяснить, каков должен быть конкретный акт искания и нахождения Христа, какова должна быть наша вера.

Так как этот вопрос — не просто вопрос знания, но вопрос нашего спасения и вопрос нашей совести, то добросовестность, моральная серьезность, благоговение и полная правдивость постановки и разрешения проблемы составляют не только научную, но и морально-религиозную обязанность. Поверхностная возня с мелкими гипотезами и мимолетными мыслями, несвободное от литературного тщеславия желание блеснуть разительными теориями, не считающимися ни с какой трезвой критикой насилия, искажения, порча первоначальных текстов, дикая безудержная критика этих текстов, — все это составляет не только погрешность против исторической истины и реальности, но и легкомысленно-кощунственную игру с возможностью злоупотребить Словом Божиим, вочеловечившимся Словом Божиим, и даже отвергнуть его. Если со времени Вольфенбюттельского исследования фрагментов радикальные исследования жизни Иисуса расцениваются с той точки зрения, насколько предлагаемые теории излагаются с моральною серьезностью и благоговением, которых их высокий предмет безусловно требует от всякого порядочного человека, все же нельзя удержаться от замечания, что здесь зачастую с жуткой поверхностью прикасаются к самому святому. Мы имеем здесь в виду не самих богословов, которых не нам судить, а их методы работы. Столько когда-то смело выдвинутых теорий, как, например, о литературном и анонимном про-

исхождении христианства, о противоречиях в образе Христа у синоптиков и у святого Ап. Павла, о чисто эсхатологическом характере учения Иисуса, рассыпались все вместе и каждая в отдельности; безмерная критика евангельского текста не только затрудняет понимание исторического христианства, но делает его совершенно невозможным, настолько, что сама критика запуталась в своих собственных построениях и от развалин исторического образа Иисуса вынуждена искать спасения в метаисторическом образе Христа: сами эти факты вызывают подозрение, что критическое богословие в изучении и оценке библейского текста не проявило той тщательности и добросовестности, которые подобают исследованию о священном. Все вскрытые источники ошибок этой критики — отсутствие должного пиетета, недостаток благоговения — осветились как молнией тогда, когда такие авторы, как Кальгоф, Смит, Иенсен, Древс, перешли от предпосылок этой критики к выводу о том, что Иисус никогда не существовал. Само собой понятно, что возмутительный способ, с каким эти люди, Древс особенно, свой крайний, можно сказать, бессмысленный скепсис по отношению ко всем христианским высказываниям и пояснениям соединяли с постыдным отсутствием какой бы то ни было критики по отношению к собственным открытиям и утверждениям, вызвал моральное возмущение «против наглости их неприкрытой постыдной тенденции» именно в кругах критиков же. Все же эти люди довели до конца им свойственным способом то, начало чему было положено «критической» богословской школой. Они были «дух от ее духа». Кто слеп к существу религиозного, святого, тот по природе не способен оценить основные религиозные писания, в особенности же Евангелия во всей значительности их содержания. И кто вследствие этой же слепоты ко всему священному не может принять всерьез притязание Евангелия на то, чтобы быть принятым как Слово Божие, как весть о вочеловечившемся Сыне Божием, кто подходит к Иисусу Евангелия с установкой юриста, которому предстоит судить подозрительного обвиняемого, тот с самого начала лишает себя всяческой возможности углубиться в тайну Божественного. Где для человека, для твари, для грешника издали появляется хотя бы только возможность Божественного, там уже

бессмысленна иная установка, кроме благоговейного, смиренного вопрошания, возникающего не из научной любознательности, а из нашей реальной потребности в спасении и достижении блаженства, из нашего начального сознания собственной недостаточности и изломанности... Кто не прочувствовал этой изломанности до последней глубины, для того весть о Христе всегда остается внешним словом, а не вестью для сердца, для внутреннего человека. Пробуждающееся устрашенное сознание и есть то подходящее плодоносное место, где Евангелие Христа пускает корни и порождает цветы. И только здесь также и то место, где научный подход к Евангелию обещает успех. Исследователь или критик, который не молится, не взывает из глубины своего сердца: «Господи, научи меня молиться! Господи, помоги моему неверию», тот должен свою руку взять прочь от Евангелия.

Другое, что связано с особенностью вопроса о Христе, как вопроса о спасении и совести, это честная открытость, чистая, нелицемерная непредвзятость по отношению ко всему, что дано возможностью Божественного. Поистине свободен от предвзятости в этом смысле только тот, кто готов все связанные с явлением Христа сверхприродные факты сейчас же признать, если только они засвидетельствованы достаточно для его знания и сознания, безразлично, соответствуют ли они или нет привычному механически-техническому мышлению. Здесь пункт, где проявляется дальнейшая специфическая слабость критического метода: основные положения вульгарно-исторического метода не задумываясь переносят на исследование жизни Иисуса, не принимая во внимание того, что здесь речь идет о качественно иной области — Божественной. Бог, если мы допускаем Его даже только как возможность, есть по существу начало существенно новое, по существу ничем не опосредованное, никогда не стоящее в бытийственной зависимости от тварных вещей и их возникновения. Если этот Бог явился во Христе, тогда заранее нельзя допустить, что Его исторический образ может быть исчерпывающе понят из предыдущей истории и среды на основе обычного для историков закона соотношения. Если так, то Он должен был засветить в истории мира как нечто новое и непосредственное, как наступление но-

вого дня. И тогда напрасна попытка обычный для историка принцип аналогии неосмотрительно применять ко Христу, т. е. судить о жизни и деятельности Иисуса по тому, имеются ли аналогичные явления в мировой истории. Если Христос обладает божественной природой, то именно поэтому Его сущность и деятельность должны превышать все человеческое и тварное и должны взрывать все нормы опыта, притом в самых решающих отношениях. Боязнь необычного, всего, что совершенно ново во Христе, имеет своим источником дурное непонимание своеобразия Божественного. Историк может остановиться перед этим новым и заявить, что его научные средства не позволяют ему проникать дальше; он может и даже должен с точки зрения своих предпосылок тщательно исследовать, нельзя ли все же это новое включить в цепь исторических событий и на этом основании истолковать. Но он не имеет права предвзято и принципиально оспаривать возможность непосредственного прорыва Божественного в тварный мир. Иначе он подвергается опасности во имя предвзятых мнений, во имя слепой веры в свою собственную идеологию насиловать факты истории, реальность Бога. В принципиальном отрицании чудесного в истории, Deus mirabilis (Бога чудес) лежит новый и особенно опасный источник ошибок для исследований истории Христа. Если разобраться в «критических» постановках вопросов и решениях с точки зрения скрытых интимных намерений, то в большинстве случаев мы натолкнемся на боязнь чудесного, проистекающую из деистически-монистических установок. Окажется, что именно эта боязнь чудесного стала для многих критиков решающим гносеологическим принципом, основным средством, будто бы позволяющим отличать изначальное предание от позднейших и легендарных наслоений. Этим из евангельских первоисточников устраняют на деле то, что составляет их сердцевину, и это делают, даже их еще не исследовав. Усваивается такое представление о Боге, которого не было и не признавалось никогда и нигде, где только процветала живая религия. Человек молитвенно преклоняется только там, где перед его душой стоял Бог чудес, тот Бог, чей огонь во дни пророка Илии попалил жертвенных животных: «И весь народ пал на лицо свое и сказал: Господь есть Бог, Господь есть Бог» (III Цар. 18, 38—39).

Тот факт, что вопрос о Христе есть вопрос о спасении, определяет не только общую установку исследователя, но влияет также и на самый акт познания, т. е. на тот акт, в силу которого я верю во Христа. Это качественно отличает религиозное познание от светского прежде всего тем, что в нем участвует весь человек, а не только его сухое мышление, не только его рациональные, но и его эмоциональные силы. Светские науки построяются чисто рационально в том смысле, что их вопросы и ответы вытекают только из объектов их предметного мира и ими определяются. Они принципиально отказываются как бы то ни было учитывать субъективные потребности и интересы.

Светское знание имеет своим источником только стремление к истине, потребность установить и выяснить внешний и внутренний мир опыта. У религиозного же исследователя действует не только стремление к истине. Так как тут речь идет о возможности Божественного и святого, в нем будятся также и те стремления и предрасположения, которые направлены на Божественное. Человеческая душа не «чистая доска». Как конечное и обусловленное бытие, она направлена на последнее в себе самом находящееся Абсолютное, и она ощущает эту направленность в глубине своего жизненного чувства как мучительную загадочную незаконченность, как внутреннее беспокойство, как тоску по вечности и целостности, как боль о Боге. Августин выражает эту основную в опыте данную боль в предложении: «беспокойно наше сердце, пока не успокоится в Боге». Эта метафизическая тревога человека возникает из ощущения космического целого, его первоосновы и того, что есть за ним, из целостного охвата его отдельных элементов в их последнем по смыслу и ценности единстве. Другими словами: наша метафизическая тревога предполагает некий метафизический смысл или, по меньшей мере, метафизическую потребность. У нормального и пробудившегося к моральному сознанию человека эта тревога и эта потребность приобретает своеобразную окраску или, точнее, внутреннюю углубленность и утонченность вследствие присоединения чувства своей вины, тревоги перед нравственным и святым, ясного сознания того, что мы отпали от заданной нашему существу и предначертанной высочайшей цен-

ности личности. Пронизывая друг друга, метафизический и этический трепет перед высшим бытием и высшей ценностью создают в человеке религиозные чувства, то, что древние философы и богословы называли «врожденною верою», ту особую, качественно отличающуюся от всех других человеческих чувствований способность восприятия Божественно-святого, которая совсем по-особому реагирует на проявление Божественного, и только на него, и останавливается на том, в чем это проявление подлинно.

Мы не будем осложнять наше изложение вопросом, первично ли и заложено ли в самой нашей природе это чувство святого, возникшее из слияния метафизического и этического стремлений, или же оно приобретено в течение более чем тысячелетнего человеческого развития: установим только, что оно было всегда живо в историческом человеке. Оно было так живо, что, согласно свидетельству истории религии, оно проявляло творческую силу и из себя самого порождало фиктивные реальности. Из этой метафизической потребности возникали пестрые образы богов старых культурных религий и их богатые мифы, которые, в свою очередь, пробуждали и оплодотворяли античное мышление. Моральная потребность и ею вызванное чувство вины проявлялись не только в широко распространенном среди примитивных народов обряде покаяния, но прежде всего в той поразительной жажде искупления, которая почти во всех религиях породила искупительные обряды и жертвоприношения, а также веру в искупителя и в посредника и новые религиозные мистерии. Взаимопроникновение метафизической и этической потребности, т. е. религиозное чувство, было так сильно и плодотворно, что оно изолировалось от здорового и трезвого мышления, стало самостоятельным и овладело человеком так, что он, как в горячечном бреду, воображал осуществленными свои им порожденные потребности и идеалы, чего в действительности не было. Можно признать характерной чертой языческой религиозности, что она и возникла только из этой потребности, как дикая поросль, буйно разросшаяся в иррациональном, чисто эмоциональном порядке.

Какова познавательная ценность этой религиозной потребности? Насколько она повлияла на веру во Христа?

Нам нет надобности в настоящее время входить в разбор теории, заложенной Шлейермахером и разработанной Ричлем, согласно которой это религиозное чувство должно было рассматриваться как единственный орган всего религиозного опыта. Мы имеем право сказать, что учение о чувстве ценности и на нем основанная чисто психологическая оценка откровения принадлежат уже прошлому. Этому в значительной степени способствовали и представители «диалектического богословия», которые разрушили его прямым фронтальным ударом. Оно и в самом деле было незащитимо как с точки зрения теории познания, так и с богословской стороны и в себе самом носило зародыш смерти. С точки зрения критики познания — простые оценки, которые не базируются на отчетливо объективных суждениях, необходимо остаются в субъективной сфере, следовательно, не являются источником объективной уверенности. В познании действительности примат принадлежит не ценности, но бытию, и потому руководящую роль здесь имеет не чувство, дающее оценки, а мыслящее познавание. С богословской же точки зрения теория чувства ценности потому неприемлема, что основой и содержанием христианства, согласно этой теории, оказался бы чисто человеческий, тварный факт — именно это религиозное переживание ценности — а не вечная действительность Слова Божия. Слово Божие было бы профанировано, низведено из возвышенной трансцендентности до места человеческого успокоения. Образ Христа был бы тогда не откровением и делом Божиим, но откровением и делом нашего религиозного чувства, которое, как синтетическая категория, априорно истолковало бы и оформляло бы в религиозном смысле тот опытный материал, который дается Евангелиями.

Объективный образ Христа при таких условиях был бы невозможен. Но именно потому, что в вопросе о Христе речь идет о действительности, об объективном установлении фактов, находящихся вне меня, мое субъективное переживание не может иметь решающего значения; решающим может быть только то человеческое свойство, которое создано и приспособлено для мысленного овладения действительностью, для объективного опознания и критической оценки, т. е. наблюдающий рассудок, критическое мыш-

ление. Таким образом, и вопрос о Христе стоит в отчетливом, ясном, холодном свете Логоса, а не в смутном полумраке ощупью продвигающегося чувства.

С другой стороны, столь же бесспорно, что религиозное познание, именно как всего человека охватывающее экзистенциальное познание, теснейшим образом переплетено с оценивающими религиозными чувствами. И эта переплетенность имеет место как в начале, так и в конце познавательного акта. В начале постольку, поскольку религиозное чувство дает интересу к истине вполне определенное направление, а именно туда, где следует искать Божественно-священное. Оно, следовательно, предъявляет миру явлений определенные конкретные вопросы. Оно подсказывает мышлению определенные возможности и побуждает его обследовать мир явлений с точки зрения этих возможностей. Таким образом, оно дает толчок познавательному акту — поскольку это человеческий акт — и направляет его в определенную сторону. Но в тот момент, когда исследующий интеллект встречает следы присутствия Божия, такие факты, которые вызывают у него предположение о действии сверхтварной силы, где, следовательно, разум оказывается перед непонятным, перед прерванной цепью причинности, перед некоторой пустотой в тварном бытии и перед фактами, которые он может объяснить не натуралистически, а лишь действием Бога, там — дело религиозного чувства подкрепить это объяснение непосредственным жизненным переживанием и оценить его как откровение Божественного всемогущества, справедливости и любви. Следовательно, в то время как рассудочное мышление судит только о фактической стороне событий, об их связи с прошлым и будущим, об их особом месте в совокупности опыта познаваемой действительности,— даже тогда, когда это особое место можно определить лишь негативно как пустоту, как выпад из этой действительности, и на этом основании становится необходимым допустить причинность сверхъестественную, — религиозное чувство воспринимает живую полноту сверхприродной ценности, содержащейся в этих фактах. Интеллект, например, может судить о воскресении Христа, поскольку оно относится к области пространственно-временного опыта и имеет свою внешнюю историю; он может также ясно установить пункт, где прерваны

все возможные эмпирические отношения, где зияет пустота, где обнаруживается неслыханное, обнаруживается чудо, он может даже собственными силами установить с очевидным правдоподобием, что теперь и здесь имеет место действие необъяснимое в природной причинности, действие сверхприродной силы. Но он не в силах проникнуть во внутреннее религиозное содержание, в возрождающую силу, в возвышающую полноценность воскресения из мертвых. Здесь дополнительно выступает религиозное чувство, которое проникает в глубину раскрытого разумом фактического положения вещей. Оно высвобождает его внутреннюю жизнь, теплоту и пыл и этим осуществляет самую интимную, раскрывающую ядро личности встречу с тем или другим фактом, объединение объекта и субъекта, познаваемого и познающего, и лишь в глубине религиозного чувства — с человеческой точки зрения — совершается решающее внутреннее приятие познанной истины. Предварительно осуществленное интеллектом философское и историческое понимание превращается при воздействии религиозного чувства из вещного безличного знания в личную заполненность. Истина «в себе» становится пережитой истиной, моей, твоей.

Религиозное чувство в процессе религиозного познания имеет, таким образом, свою особую функцию; только она ни в коем случае не ведущая, но завершающая, дополняющая и потому внутренне постоянно зависящая от предшествующих рассудочных суждений. Там, где функция чувства отделяется от рассудочной, как, например, при переживаниях искупления в языческих мистериях, она с необходимостью теряет свою укорененность в удостоверенных фактах, свою истинность, надежность и теряет вместе с этим характер настоящего, истинного длительного переживания. Мир христианских переживаний отличает от внехристианских именно это — что он базируется не на самом себе, а имеет рациональное основание и поэтому способен прочно привязывать к себе души.

Тот факт, что в религиозном познании, в отличие от светского, с ведущими рациональными элементами переплетены также элементы и эмоциональные и что лишь взаимодействием тех и других в их соответствии друг другу обеспечивается личная заполненность, пронизанность истиною, — этот факт отнюдь еще не ис-

черпывает сущности религиозного акта. Собственно говоря, этот факт объясняет лишь одно предварительное чисто человеческое условие настоящего религиозного знания, — устанавливается наличие необходимого орудия, которое только со стороны человека делает возможным возникновение религиозного акта — веры во Христа. Сам религиозный акт не может быть понят с человеческой стороны, но только с божественной. Так как объект религиозного познания — живой Бог,— так как христианская теология своей особой целью имеет свидетельствовать о том вечном троичном движении любви, которое вырывается из таинственных глубин Божественной жизни и открыто нам Богом в Сыне; так как речь идет, таким образом, об установлении реальности, превышающей границы чисто человеческого опыта и возможной лишь благодаря абсолютной свободе не поддающихся учету божественных воли и любви, то и знание всех этих обстоятельств ни в коей мере не может исходить от человека, но может иметь своим источником только Бога. Коротко говоря, тут возможен только один путь познания: от неба к земле, а не от земли к небу. Так как Бог один только знает о Своем Божестве, о бесконечном богатстве Своей внутренней жизни: о «тайне от века сокрытой» (Рим. 6,25), и так как от Него одного, от Его свободной благодати зависит, можем ли мы и насколько можем знать об этом Божественном, — это знание, если оно вообще должно иметь место, возможно только путем благодатного самооткровения со стороны Бога и благодатно данной веры со стороны человека. Бог в этом смысле — вечный Субъект, вечно творчески одаряющий, по благодати Себя открывающий. Нам не подобает никакая другая установка по отношению к Нему, как вера и доверие, когда Его слово доходит до нас. С одной стороны — благодатное Божественное откровение, с другой — наша вера — вот единственные пути, на которых мы можем встретить Христа.

Отсюда ясно, насколько превратна претензия «критического» исследования одними средствами филологического и исторического метода, т. е. от земли и данного на ней «окончательно» и решительно раскрыть божественную тайну Христа и Его искупительного дела — или, по крайней мере, сделать вид, что оно их раскрыло. Критический бурав переламывается как раз

там, где настоящий вопрос только поднимается, — вопрос о сверхприродном бытии и действии Христа. Критический метод, пригодный только для области опыта, всегда и неизменно остается только по сю сторону этой линии. Он как раз не может проникнуть туда, где находится царство сверхприродной действительности Бога и Его Христа, которое если может быть найдено, то только иным путем. Именно поэтому «критическая теология» была вынуждена своего «Иисуса истории» внутренне отделить от «Христа веры» и даже поставить обоих в непримиримую противоположность друг к другу, и Христа полноты, целостности, стоявшего в сердце молящейся первообщины, принести в жертву мифу. Можно сказать, критическое богословие с необходимостью потерпело крушение потому, что оно к вопросу о Христе принципиально применило метод, которым можно было продвинуться только до порога настоящей тайны.

Его трагическая вина состояла в том, что оно, несмотря на недостаточность своего метода исследования, скудные знания попадавшего на его пути безоговорочно выдавало за сумму своих знаний об Иисусе, за исчерпывающее, законченное знание о Нем; оно останавливалось там, где, собственно, было начало, и это начало оно принимало за конец.

Сама особенность предмета приводит к тому, что о Христе и о Его сверхприродной тайне, если она вообще открывается миру, мы можем знать только поскольку Бог сам открыл Себя Самого в Своем Слове, следовательно, только на пути откровения и веры. Изначальное исповедание богословия «Credo Deo Deum» стало «Credo Christo Christum» (Верю в Бога через Бога; верю во Христа через Христа). Только верою мы объемлем Христа.

И даже эта вера в тайну Христа, в вечное рождение Сына от Отца, в вочеловечение Божественного Слова, в спасительную смерть Вочеловечившегося не есть во всех отношениях наше собственное свершение. Правда, эта вера с внешней точки зрения принадлежит человеку. Человеческая воля, захваченная величием Бога, дающего откровение, понуждает наш ум сказать твердое «да» тайнам Христа, хотя они и после откровения еще остаются далеко непроницаемыми. Но наш интеллект, который может быть удовлетворен только

ясным усмотрением, не поддавался бы такому принудительному воздействию воли, требующей от него превозмочь всю неясность, он не мог бы поэтому сказать твердое «да» откровению Бога, если бы он, благодаря особой сверхприродной одаренности, не был сделан восприимчивым к этому (ср. S. Thomas, De Verit., qu. 14 ad 4; 2 ad 10).

Богословы поэтому говорят о влитой в нас способности к вере (habitus fidei infustus). Наша воля также никогда не могла бы решиться на принятие царства сверхприродной действительности, если бы божественная благодать не приготовила ее внутренно для этого (S. Thomas, Summ. Theol. 2, 2, qu. 6 ad 1). Поскольку **благодать** раскрывает, таким образом, наши природные способности для царства сверхприродной действительности, св. Фома называет ее «главнейшей и действительнейшей причиной» (1. с.), а наше познание по вере называет предвкушением (praelibatio) небесного созерцания (Comp. Theol. ad Regin. C I).

Еще лучистее светит это благодатное состояние в той вере, которая стала живой, плодотворной, сверхприродной, благодаря любви. «Дары Св. Духа», прежде всего дары «разума» и «знания», сообщенные душе вместе с влитой в нее святой любовью, делают наш дух «как бы родственным божественным вещам» и углубляют нашу полную решимости веру до радостного переживания очевидности.

Таково начало каждого настоящего, полного, целостного познания Христа, своего рода его сверхприродное априори: тот основной факт, о котором Сам Иисус засвидетельствовал, когда Петр в первый раз назвал его Христом: «не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой небесный» (Мф. 16, 17).

Вера во Христа не есть непосредственно прозреваемый результат трудного исследования, не вывод из какой-либо предпосылки. В отношении к тайне Христа нет никакого в строгом смысле убедительного, доказательного богословия. Вера во Христа в своем возникновении и бытии есть дело Божие, поцелуй Его свободно дарящей любви, Его творческое слово к нам. Нет истинной веры в Него, как только в Духе Святом. Всякое чисто научное познание с этой точки зрения — только введение, только подготовительная работа. Оно может пристроить только ступени к святилищу или

скорее обнаружить их. Оно никогда не может ввести в само святилище. Это может только Отец Небесный и Его Дух Святой.

Отсюда сейчас же возникает вопрос: в таком случае не есть ли вера во Христа нечто совершенно иррациональное, — непонятное мистическое событие, которое Бог непосредственно насаждает во мне, без подкрепления моими человеческими усмотрениями и переживаниями, без углубления с моей стороны в чрезвычайные Божественные удостоверения, в Его знамения и чудеса? Если в своем существе вера во Христа «влита» (fides infusa), есть непосредственное собственное дело Бога, то не отпадают ли тем самым все чисто человеческие натуральные исторические удостоверения, все то, что богословы называют «основаниями возможной веры» (motiva credibilitatis)?

Некоторые представители «диалектического богословия» считают необходимым сделать эти выводы. Разбирая под конец эту точку зрения, мы одновременно можем в известной мере выяснить отношения рационального и эмоционального элементов веры к ее сверхприродной сущности.

Решительно отклоняя «психологическое» богословие Шлейермахера и его школы, выводящее религию из переживания ценностей, «диалектическое богословие» считает своей задачей во что бы то ни стало сохранить трансцендентность Бога, Его самодовлеющую действительность, независимую от всяких субъективных переживаний. В этом своем стремлении оно, несомненно, встречается с благороднейшими намерениями католического богословия. Но оно сейчас же опять удаляется от него вследствие особого и своеобразного способа, которым оно описывает и утверждает Божественную трансцендентность. Оно обращается в этом случае к кальвинистическому наследству. Если Лютер и Кальвин старую истину о вседейственности Бога исказили в положение о единодейственности Бога, то диалектические теологи заострили в духе Кальвина это положение в том смысле, что Божественная единодейственность коренится в бесконечном качественном отличии Бога от мира, в таком отличии, которое метафизически делает невозможным какую бы то ни было «воплощенность». Мир и все то, что с ним дано, вся этика и культура, вся богословская наука, даже види-

мая Церковь, даже слово Библии и даже самое человечество Иисуса, поскольку оно есть частичка мира, стоят в скобках с отрицательным знаком, в полной сомнительности, в пределах линии смерти, так что отсюда, с плана земного бытия, ни в каком смысле нельзя перекинуть мост познания или переживания к потустороннему Богу. Поскольку и Евангелия также находятся в плену пространства и времени, их голому тексту, их буквальному смыслу, а следовательно, и данному ими образу Христа свойствен признак проблематичности, спорности. С точки зрения мира, нет никаких оснований историческое явление Иисуса, особенно Его знамения и чудеса, понимать иначе как по аналогии с прочими основателями религии и их чудесами, следовательно, в большинстве случаев как продукт мифа и благочестивой фантазии. И потому всякая попытка вывести из одного библейского текста, чисто научным человеческим усилием, исторический образ Иисуса и от этой исторической основы продвинуться дальше к вере в Небесного Христа, иными словами, всякая попытка получить из Евангельских повествований основания для веры — с самого начала безнадежна и для веры ошибочна. Она тем более безнадежна и бесплодна, что человек, отягченный первородным грехом, даже и после оправдания и прощения остается по самой своей природе грешником и, как грешник, уже не имеет органа для восприятия святого и Божественного. Он и по этой причине не может открывать в Евангелиях следы Божественного, познавать и переживать их. Таким образом, с точки зрения «диалектического богословия» не только таинственный мир христианской веры, содержание откровения, но и самый акт Откровения Бога, самый факт, что Он Себя открыл, становятся достоверными для человека не через человеческое познание и переживание, но исключительно через данную Богом благодать. Для чисто человеческого взора на плоскости евангельской истории лежат только обломки. Ищущий человек подобен потерпевшему кораблекрушение на Северном полюсе, который только по колеблющимся обломкам льда, друг с другом сталкивающимся, раскалывающимся, громоздящимся друг на друга и друг от друга отталкивающимся, ищет свой путь с ослепленными светом глазами и с окоченевшими руками. Если же он тем не менее ищет путь и находит, то он обязан

этим «тем не менее» только Богу и Его благодати. И потому его вера не содержит ничего человеческого, ничего от познания и ничего от переживания. Это — только дело Бога, Богом произведенное метафизическое событие в душе, без всякой психологической связи или основы.

Здесь не место проверять в подробностях это понятие веры «диалектического богословия». Мы устанавливаем здесь просто и без хитростей, что ни первые христиане, ни Сам Христос никогда и нигде не рекомендовали этот путь, на котором не должно быть ничего, кроме одной благодати. Вся проповедь Иисуса, тем более Его чудеса и знамения, имеют своим высшим намерением призвать человека к самостоятельному суждению о Его изречениях и притязаниях.

«Исследуйте писания... они свидетельствуют обо Мне» (Ио. 5, 39). «Если вы не верите Моим словам, то верьте по самим делам» (Ио. 14, 11). Уже воскресший из мертвых, Он апеллирует не к одной благодати, но к моральной обязанности эммаусских учеников исследовать писания (Лука 24, 25).

Сами евангелисты хотели одного — выдвинуть в исторической жизни Христа те признаки, которые ведут мыслящий рассудок к тайне Христа. Они сознательно становились на путь апологии, чтобы, как говорится в прологе Евангелия от Луки (1, 4), убедить верующих в «непреложности слов», которым их учат. В этом отношении весьма значителен факт, что апостолы после самоубийства Иуды считали чрезвычайно важным на его место избрать такого ученика, который был свидетелем, своими ушами и глазами, «за все то время, когда Господь Иисус ходил между нами от крещения Иоаннова до того дня, когда Он был взят от нас» (Деян. Ап. 1, 21 и далее). Очевидно, они не знали никакого другого пути к тайне Христа, как только Его историческую жизнь и деятельность. Следовательно, вера, которую имели в виду Иисус и Его евангелисты, не была лишенной корней. Бесспорно, что содержание Его притязаний, Его божественности и спасение Им мира в их существе и их сверхприродности должны быть отнесены к сверхисторической сфере, следовательно, к области веры; но столь же бесспорно, что и само притязание, вместе со свидетельствами о Себе, которыми Он его подтверждал, принадлежат к исторической действи-

тельности и нуждаются, как и всякое другое историческое явление, в рационально-критическом исследовании и обосновании. Я могу и имею право, как мыслящий и сознательно ответственный человек, сказать «да» Божественному откровению только тогда, когда исторический факт этого откровения мне достаточно засвидетельствован, когда он представлен вероятным моему сознанию и моей совести. Говоря языком богословов: сверхприродная, Богом данная вера в тайный мир Христа имеет своей предпосылкой рациональное усмотрение достоверности «исторического» Иисуса и Его свидетельства. Только если мне исторически известно, что однажды был человек, который сознавал себя Сыном Божиим и искупителем человечества, и если далее я исторически убежден в том, что этот человек безусловно заслуживает доверия, я имею право и даже обязанность своим сознанием и совестью доверять также и тому отягченному тайной, простирающейся до глубин триединого Бога, самосвидетельству этого человека, которое я бессилен исторически проконтролировать. Путь к тайне Христа не идет, следовательно, через недоступные контролированию тайны сверхисторического, мимо бездны парадокса и невероятности, но он идет через ярко освещенную ясную равнину исторической жизни Иисуса. Это — путь веры: через Иисуса ко Христу, или, говоря еще яснее словами блаженного Августина: «Через человечество Христа к Его Божеству».

Но с другой стороны, как бы решительно трезвое раздумье ни противилось всякой преувеличенной мистике веры, оно столь же далеко от искушения доверять исключительно чисто природному углублению в мотивы, оправдывающие веру. Скорее оно придерживается разумной середины, т. е. того, что благодать и сознательное мышление, Бог и человек совместно действуют и здесь. Правда, чисто на себя опирающееся, здоровое человеческое мышление с помощью надежного метода, пробужденное и воспламененное религиозным чувством, может и от себя с уверенностью высказать нечто об Иисусе и Его делах и утверждать достоверность Его личности и Его высказываний о Себе Самом, доходящую до очевидности. Бесспорно, что неиспорченное человеческое сознание на основе этих очевидных усмотрений может быть непосредственно призвано и побуждено к свободному решению обратиться ко

Христу и к обусловленному этим полному перевороту и обновлению своего внутреннего человека. Но с другой стороны, бесспорно также, что человек, отягощенный первородным грехом, человек с дурными наклонностями обычно не проявит сразу эту геройскую свободу решения, что он скорее и здесь, т. е. на пути к вере, будет нуждаться в спасительной силе благодати, чтобы освободить себя от своих земных пут, из сети опутавших его дух чувственных похотей и представлений и получить ту независимость и свободу мысли, с которыми должно быть совершено дерзание веры. Только то таинственное движение и та таинственная сила Божественной любви, которые наш дух, наш особый способ чувствовать, познавать и желать освобождают от всех эгоистических пут и снабжают более чистым и тонким чутьем к особенностям Божественного самооткровения, к действующим в глубине силам истории, — только они и дают нам способность воспринять и со всею силою, невинностью и уверенностью до глубины души просвещенного и поэтому решившегося человека признать в ткани природного, исторического, изменившегося черты сверхприродного, вечного, неизменного. В путанице тысяч тварных, человеческих голосов мы можем под влиянием этой освобождающей благодати с новой неслыханной восприимчивостью к святому и небесному прислушаться к голосу Отца и с несравненной уверенностью исповедовать: аминь, аминь, Он, Он один, Господь и Бог говорил.

Обобщая сказанное, мы получим следующее:

1. К сверхприродной тайне Христа, к исповеданию цельного Христа мы приходим только путем веры, а не знания. Эта вера — дело Божие, сверхприродный как по своему предмету, так и по своему происхождению «дар Божий» (Ефес. 2, 8).

2. Эта сверхприродно-рожденная вера в тайну Христа отнюдь не лишена корня. Напротив, она базируется на ясных исторических усмотрениях Иисуса, и Его дела внушают доверие. Через Иисуса ко Христу. Доказывая, что Иисус внушает доверие, богословы если не обеспечивают сверхприродную веру в Него, то имеют возможность ее подготовить.

3. Даже и это установленное на основе историко-рациональных соображений правдоподобие получает для нашего духа, отягощенного следствиями первород-

ного греха, свою убедительную и непреодолимую силу только тогда, когда спасительная Божественная благодать освобождает человеческое мышление и волю от их земной связанности.

Итак, в начале и конце нашего пути ко Христу стоит благодать. Стоит Отец светов, не человек, не человеческое слово, но Божественная истина и любовь.

Когда-то, в четвертую стражу ночи, ученики плыли через Геннисаретское озеро. Там они увидели Иисуса, идущего по воде. «Все Его видели» (Мк. 6, 49). Видели Его отчетливо. И тем не менее их охватил страх: не призрак ли это, не привидение ли? «И они закричали». Но Иисус Сам тотчас заговорил с ними: «Ободритесь; это — Я, не бойтесь!» В следующих главах мы будем переправляться через бурное море чисто человеческих, хотя и религиозных знаний. Мы будем видеть Христа, будем Его видеть отчетливо.

Но может быть, иногда страх охватит и нас: не призрак ли это, не привидение ли это только? Где только человеческое, там возможна ошибка. Только когда Сам Иисус заговорит, только когда Его Божественное Слово и Его благодать коснется нас, только тогда все возможности ошибки и весь страх исчезнут. «Мир вам — это Я! Не бойтесь!»

Семен Франк

Религия и наука*

Каково отношение между религией и наукой? Согласимы ли они между собой? Может ли научно образованный и мыслящий человек иметь религиозную веру?

Если поставить эти вопросы современному русскому образованному — или, вернее, полуобразованному — человеку (ибо подлинно образованных людей на свете мало), то на них последует быстрый и решительный отрицательный ответ. Прежде всего, быть может, найдется немало людей, которые, как бы они ни относились к советской власти и господствующим коммунистическим идеям в других областях, в этом вопросе

* *Франк С. Л.* Религия и наука. Брюссель, изд. «Жизнь с Богом». 1953. С. 3—26.

серьезно верят казенной доктрине, что религия есть «опиум для народа», что она «выдумана» «жрецами» или «попами» для того, чтобы одурачить народные массы, держать их в повиновении и извлекать из этого личные выгоды для касты священников или вообще для господствующих классов. Серьезно спорить с таким взглядом нет никакой надобности; он может быть опровергнут в двух словах, и всякий хоть немного, но подлинно образованный человек знает, что такой взгляд есть одновременно плод и чудовищного невежества, и жалкого недомыслия. История показывает, что все народы мира, первобытные и грубые и самые культурные, имеют религиозные представления и религиозную веру, в том числе и те народы, у которых еще нет никакого деления на классы или сословия; что есть многие народы, у которых вообще нет касты «жрецов» или священников, но которые вместе с тем глубоко религиозны (например, хотя бы народы античного мира). Словом, элементарное историческое образование достаточно, чтобы усмотреть, что религиозная вера никем сознательно не «выдумана», а есть коренное, исконное свойство человеческого духа, что как у всякого народа есть какие-то, никем нарочито не придуманные, а сами собой возникающие представления о добре и зле, о праве и нравственности, какие-то порядки семейной, хозяйственной, общественной жизни, так у всякого народа есть какие-то религиозные верования. А вдобавок к этому нужно лишь небольшое усилие ума, чтобы сообразить, что для того, чтобы «попы» или «жрецы» могли что-нибудь вообще «выдумать» и начать изготовлять свой «опиум», они прежде всего должны *существовать*; а существовать они могут, лишь когда у народа уже *есть* религиозная вера. Коротко говоря, при некоторых знаниях и некоторой сообразительности легко увидеть, что люди, верящие, что религия есть только способ одурачения народа, *сами* наивным образом *одурачены*, поддались гипнозу невежественных и бессмысленных слов.

Гораздо большего внимания и действительно серьезного обсуждения заслуживает другая сторона вопроса. Каково бы ни было происхождение и причины религиозных верований, существенно, в конце концов, только одно: в какой мере они могут притязать на *истин-*

ность, можно ли продолжать разделять их перед лицом научного объяснения мира и жизни? И тут господствующий отрицательный ответ на этот вопрос будет обосновываться приблизительно так. Религия и наука суть два способа объяснения одной и той же реальности, именно: сущности и происхождения мира, жизни, человека. Эти два объяснения резко между собой расходятся, и потому, признавая одно, нельзя признавать другого. Например, религиозное представление о мироздании, где земля находится в центре, наверху, на небе, живет Бог и находится «рай» или «царство небесное», а где-то внизу, под землей, находится ад,— конечно, совершенно несогласимо с научным представлением о бесконечности мироздания, о вращении земли вокруг солнца и т. п. Религиозное учение о сотворении человека Богом несогласимо с выводами эволюционного учения о сродстве всего органического мира и о постепенном происхождении человека из низших организмов. Религиозное учение христианства, например о рождении Христа от Девы Марии, абсолютно несовместимо с самыми элементарными биологическими данными, и с их точки зрения есть совершенный и грубейший вздор. Или, говоря вообще: религия на каждом шагу допускает чудеса, т. е. нарушения законов природы, твердо установленных наукой. Словом, приходится всюду выбирать между религиозным и научным взглядом на жизнь. А так как наука опирается на точные доказательства, а религия требует от нас слепой веры, то в выборе не может быть колебания. Религия несовместима с наукой, и чем более человек научно образован, тем более он имеет оснований отвергать как устарелое и опровергнутое заблуждение религиозную веру.

Это простое и типическое рассуждение представляется на первый взгляд совершенно неопровержимым, абсолютно убедительным. Тем не менее мы утверждаем, что оно не только не доказательно, а в корне ложно, что оно основано на непонимании как природы науки, так и природы религии, и что человек, действительно научно продумывающий этот вопрос, т. е. достигший не туманного и популярного, а подлинного научного знания о сущности как религии, так и науки, должен прийти к прямо противоположному выводу.

Прежде чем доказать это систематически, обратим внимание на следующий факт, который косвенно может заставить усомниться в правильности господствующего представления об отношении между религией и наукой. Как с его точки зрения объяснить, что очень многие величайшие ученые, истинные творцы в области научного знания — и, пожалуй, даже большинство из них — до конца жизни оставались глубоко и искренне верующими людьми? Сошлемся на немногие, самые известные примеры (число которых легко можно было бы дополнить множеством других). Ньютон, открывший законы движения небесных тел, как бы разоблачивший величайшую тайну мироздания, был верующим человеком и занимался богословием. Великий Паскаль, гений математики, один из творцов новой физики, был не просто верующим, но и христианским святым (хотя и не канонизированным) и одним из величайших религиозных мыслителей Европы. Творец всей современной бактериологии, мыслитель, глубже других проникший в тайну органической жизни, — Пастер был глубоко религиозной натурой. Даже Дарвин, учение которого было потом использовано полуучеными для опровержения религии, не только никогда не думал сам, что его учение о происхождении животных видов и человека противоречит религии, но, напротив, всю жизнь оставался искренне верующим человеком. Конечно, можно возразить, что ученые бывают не всегда вполне последовательны в своих взглядах. Нельзя отрицать, что часто так действительно бывает, что есть на свете много профессиональных ученых, которые придерживаются того, что было названо «двойной бухгалтерией», т. е. что в своей лаборатории они не думают о религии, а по воскресным праздникам, идя по привычке в церковь, забывают о своей науке и в течение всей своей жизни не удосуживаются и не испытывают потребности привести в порядок свое мировоззрение. Но если это часто случается с ординарными, средними учеными, которые в своей жизни суть простые и подчас даже глуповатые обыватели, то это объяснение совершенно не подходит к великим, истинно гениальным творцам науки, к людям, для которых научный интерес есть величайшая страсть и центральное существо их личности, о котором они ни на мгновение не могут забыть. Сказать о таких людях, что они только по недомыслию, по

умственной лени или робости совмещают веру в науку с религиозной верой, значит придумать объяснение в высшей степени неправдоподобное. Несомненно, что если такие люди совмещали научность с религиозностью, то они имели для этого какие-то глубоко продуманные ими основания.

А теперь обратимся к существу вопроса. Мы утверждаем, в противоположность господствующему мнению, что религия и наука не противоречат и не могут противоречить одна другой по той простой причине, что они говорят о совершенно разных вещах, противоречие же возможно только там, где два противоположных утверждения высказываются об одном и том же предмете.

Выражая эту мысль, сначала, для большей отчетливости, с некоторым сознательным упрощением (которое мы сейчас же далее исправим), мы можем сказать: наука изучает мир, религия познает Бога. Поэтому истины одной так же мало могут противоречить истинам другой, как мало, например, астрономические истины о строении солнечной системы могут противоречить, скажем, экономическому учению о законах денежного обращения.

Но позвольте — возразят нам — ведь религия своим учением о Боге вместе с тем меняет представления верующего о мире, жизни, человеке, т. е. о вещах, которые изучает наука, поэтому предложенное объяснение искусственно и совсем не устраняет трудности.

Возражение это имеет смысл, но оно не опровергает выставленного нами утверждения, а только заставляет нас несколько усложнить его. Точнее надо сказать так: наука изучает мир и явления, в нем происходящие, без отношения их к чему-либо иному; религия же, познавая Бога, познает вместе с тем мир и жизнь в их отношении к Богу. Поэтому, хотя и религия и наука затрагивают отчасти одно и то же — мир и жизнь, но они берут эту реальность в двух разных отношениях и потому говорят все-таки не об одном и том же, а о совершенно разных вещах.

Чтобы уяснить это, приведем пример соотношения некоторых наук. Может ли геометрия противоречить физике? Казалось бы, странный вопрос, на который можно ответить только отрицательно. Однако же гео-

метрия говорит о точках, линиях, плоскостях и развивает о них целый ряд сложных учений, между тем как физик не может даже допустить существования чего-либо подобного. В самом деле, возможно ли существование точек, как чего-то, не имеющего никакого измерения, — линий, имеющих только длину, но не имеющих ширины и толщины; плоскостей, не имеющих никакой толщины (или глубины)? Реально для физика существуют только тела, имеющие сразу все три пространственных измерения. Самое простое наблюдение и размышление показывает, что ни одна вообще геометрическая фигура в том смысле, в каком ее берет геометрия, в физическом мире не существует и существовать не может, а существуют реальности гораздо более сложные и несовершенные, чем те идеальные формы, о которых говорит геометрия. Не есть ли геометрия наука о фикциях, т. е., просто говоря, ложное знание? Бывали мыслители, которые серьезно так и думали (например, английский философ Юм). Но, конечно, это неверно. Дело объясняется просто: геометрия есть учение о *пространственных формах как таковых в их отвлечении* от физических предметов, которым они присущи, и в их практически недостижимой чистоте; физика же изучает тела и их конкретные формы, как они возможны и встречаются в материальных вещах. Обе науки изучают (отчасти) одно и то же — формы тел, но берут их в двух *разных отношениях*; поэтому их выводы не совпадают, но и нисколько не противоречат друг другу. Что верно в отношении идеальных, образцовых форм, взятых независимо от конкретных тел, то неверно в отношении тех же форм, как они опытно даны в физических телах. И это совсем не делает геометрию фикцией, реально ненужной наукой, ибо в физических телах, хотя лишь в приблизительном и искаженном виде, реально присутствуют идеальные формы, о которых говорит геометрия; и всякий инженер знает, как реально важны и нужны геометрические чертежи и относящиеся к ним истины.

Возьмем теперь другой пример соотношения двух утверждений. Допустим, что в вагоне едущего поезда вы обращаетесь к вашему соседу с заявлением: «Будьте добры сидеть спокойно на месте и не двигаться беспрерывно». Сосед обиженно отвечает вам: «Я сижу со-

вершенно спокойно на моем месте», на что вы в свою очередь возражаете: «Как вы можете утверждать, что вы остаетесь на одном месте, когда вы на самом деле с большой быстротой едете вместе с вагоном?» Я думаю, вам угрожает услышать, а может быть, и почувствовать весьма внушительный ответ вашего соседа, который решит, что вы издеваетесь над ним. Но кто же, собственно, прав? Остается ли на самом деле ваш сосед на одном месте или он движется? Конечно, оба правы: в отношении вас и вагона ваш сосед не двигается с места, а в отношении земли и всех предметов вне вагона он движется. Вот пример двух противоположных утверждений как будто об одном предмете (о пространственном перемещении или покое данного тела), которые, однако, нисколько не противоречат одно другому, потому что берут рассматриваемое явление в двух разных отношениях или в отношениях к разным предметам и, следовательно, в сущности говорят о разных вещах.

Этот пример вам полезен не просто как образец возможной вообще согласимости двух противоположных утверждений. Он по самому своему содержанию очень помогает уяснению истинного соотношения между учениями науки и религии. Продолжая эту аналогию, мы скажем: наука изучает отношение и явления, имеющие место внутри вагона, в котором мы все едем, оставляя совершенно в стороне отношение этого вагона и его пассажиров ко всему, что есть вне его; религия же учит нас как раз тому, в каком отношении мы, пассажиры этого вагона, находимся к той более широкой сфере, которая окружает этот вагон и из которой объяснимо его движение как целого. Оба рода знания не противоречат друг другу, а вполне согласимы между собой и оба нам одинаково нужны.

А впрочем, может быть, они не одинаково нужны. При разных обстоятельствах, в разные моменты и для разных людей то одно, то другое из этих знаний окажется гораздо нужнее противоположного. Если я еду без цели и без дела, просто чтобы прокатиться, то мне, пожалуй, безразлично, куда я еду и еду ли я вообще. Мне важно только найти себе в вагоне удобное место, важно, чтобы мои соседи мне не мешали; я, может быть, ни разу не удосужусь посмотреть в окно вагона

или справиться у кондуктора, «где мы» и пора ли вылезать; я всецело буду занят или добыванием себе места спорами об этом с другими пассажирами, или беседой с моими соседями, или чтением. Но если я тороплюсь по делу и помню, куда и зачем я еду, я буду с большим вниманием и интересом следить за тем, куда я еду и где мне слезать, чем за всеми, даже самыми интересными происшествиями, внутри вагона и из-за заботы об удобном месте в вагоне не потеряю из виду движение самого вагона. Но ведь в конце концов — всякому из нас, даже праздному гуляке, где-то придется вылезать; и рано или поздно придется вспомнить, что едешь и куда-то приехал. А кроме того, и во время пути бывают такие толчки, что невольно очнешься, вспомнишь, что ты едешь, и даже против воли заинтересуешься, где ты находишься и что случилось, т. е. в каком отношении вагон находится к тому, что есть и делается за его стенами.

Впрочем, мы несколько отвлеклись в сторону. В какой мере нужно то или другое знание, есть дело отчасти вкуса, отчасти дальновидности. Сейчас нам важно другое: нам важно доказать, что оба рода знания — научное и религиозное — действительно не противоречат друг другу. Постараемся показать это уже без всяких аналогий и проверить это общее утверждение на конкретных примерах столкновения (мнимого, согласно нашему тезису) между наукой и религией.

Раскрывая аналогию с вагоном, мы прежде всего утверждаем, следовательно, в общей форме следующее: наука берет мир как замкнутую в себе систему явлений и изучает соотношения между этими явлениями *вне отношения мира как целого* (а следовательно, и каждой, даже малейшей его части) к *его высшему основанию*, к его первопричине, к абсолютному началу, из которого он произошел и на котором он покоится. Религия же познает *именно отношение мира*, а следовательно, и человека, *к этой абсолютной первооснове бытия — к Богу*, и из этого познания черпает уяснение общего *смысла* бытия, который остается вне поля зрения науки.

Наука как бы изучает *середину*, промежуточный слой или отрезок бытия в его внутренней структуре; религия познает эту же середину в ее отношении

к началу и концу, к целому бытия или к его целостной первооснове.

Возьмем, например, религиозное учение о происхождении человека и сопоставим его с научным учением. Если понимать их как два разных ответа на один и тот же вопрос, две разные теории одной и той же сферы явлений, то между ними, конечно, — безвыходное противоречие. Но на самом деле это именно не так: оба учения говорят не об одном и том же, а о разном: наука — об относительном «происхождении» человека, т. е. о биологической преемственности его от иных, низших организмов на более ранних стадиях органической жизни (для простоты мы предполагаем здесь, что дарвинистическая теория эволюции верна, хотя фактически она существенно поколеблена в современной науке), религия же — об абсолютном происхождении человека, т. е. об его происхождении из самого первоначала бытия и об отношении его к этому первоначалу — Богу. Религия утверждает, что человек есть высшее, особое существо, отличное от всего животного мира, что он сотворен Богом, как «образ и подобие Божие»; и та же религия в своем учении о грехопадении добавляет, что человек позднее (по тем или иным причинам) «пал», т. е. потерял чистоту своего божественного образа и смешался с миром низшей природы, подчинился ему. Выражаясь популярно, можно сказать, что религия раскрывает нам иную, более раннюю эпоху бытия человека, предшествовавшую всей той органической эволюции, которую изучает наука. Ибо эта эволюция уже предполагает готовое бытие мира и есть его история; религиозное же учение говорит как бы о самом рождении мира и описывает место и значение человека в общем плане мирового бытия в самом его начале. Представим себе (после пережитой нами революции это особенно легко представить) некогда знатного дворянина или еще лучше — царского сына, наследника престола, который в результате какой-то катастрофы опустился материально и морально, нищенствует или тяжелым трудом поденщика зарабатывает себе пропитание. Противоречит ли его нынешнее жалкое состояние, его износившееся платье, его тяжкий труд, его порочность опустившегося человека, — противоречит ли длинная история его скитаний и приключений в поисках луч-

шего социального положения и, может быть, мучительно долгие попытки из нищенства выбиться в «люди» его царскому происхождению, его рождению во дворце, тому, что в его жилах и теперь течет царская кровь и что он по-прежнему питает — может быть, несбыточную, а может быть, и осуществимую — надежду некогда наследовать царство своего отца? Вы можете верить или не верить человеку, который, находясь в таком низком состоянии, гордо утверждает, что он царский сын, но вы не можете отвергнуть его утверждения ссылкой на то, что оно «противоречит» достоверно известным вам нынешним условиям его жизни. И вот, религия именно и утверждает, что каждый из нас, нищих или поденщиков — слабых, беспомощных людей, предки которых смешались с животным миром и (по учению Дарвина) оказались в родстве с обезьянами, есть — по исконному своему происхождению и достоинству — царский сын, наследник великого царства. Вы можете этому верить или не верить, но вы не имеете права отвергать это ссылкой на научно установленную судьбу человека в составе органической эволюции мира.

Или, если религия говорит, например, о «земном» и «небесном» мире, то она имеет в виду нечто совершенно иное, чем астрономическое учение о положении земли в мироздании. Ибо «небо» религии есть не видимое нами и не астрономическое небо, а некий высший, иной мир, чувственно нам вообще недоступный, а раскрывающийся лишь в особом, именно религиозном опыте. Если вы никогда не имели, хотя бы в самой слабой форме, этого религиозного опыта, если ваша душа никогда не чувствовала — ни в минуту смерти близкого, любимого человека, ни в минуту собственной смертельной опасности или величайших нравственных потрясений, — что видимый нами материальный мир есть еще не все, что вообще есть, что есть какие-то иные, редко достижимые нам, но в этих достижениях очевидные высшие просветы — то вы, конечно, будете отвергать это религиозное учение о «небесном» мире. Но во всяком случае нелепо говорить, что вера в иной мир противоречит истинам астрономии; это так же нелепо, как говорить, что учение о безграничности Вселенной противоречит «видимой» нами замкнутости горизонта.

Или возьмем намеренно самое парадоксальное, «противоречащее» не только науке, но и «здравому смыслу» учение — например, догмат христианской веры о непорочном рождении Иисуса Христа девой Марией. Вы можете сколько угодно цинически улыбаться и высмеивать «бессмысленность» и «нелепость» этой веры; вы можете также добросовестно и серьезно сказать, что вы не в силах поверить этому — это ваше право. Но вы не имеете права сказать, что это учение противоречит научным данным биологии. Дело очень просто: если бы христианское учение утверждало, что Мария силою своей собственной природы, с помощью одних только женских функций и органов своего тела без участия мужа родила ребенка, то это было бы действительно нелепостью и действительно противоречило бы элементарным выводам или наблюдениям биологии. Но ведь учение это утверждает совсем иное: оно утверждает, что на Марию сошел Святой Дух, что само Божество сотворило себе человеческое тело в ее чреве. Вам кажется это невероятным? Я не буду сейчас об этом спорить и укажу только, что и религия не утверждает, что этот факт есть что-то обычное и естественное; она, напротив, утверждает, что это случилось лишь однажды, что это есть событие неслыханное и чудесное, выходящее из ряда всех естественных, обычных и постоянных явлений человеческой жизни. Но при чем тут «данные биологии»? Биология учит о рождении организмов в порядке постоянных, природных его условий; но биология ничего не говорит о том, что случилось, когда в дело вмешивается само Божество, когда Святой Дух низойдет на избранное им тело святой женщины. Она не утверждает, но и не отрицает ни самой возможности такого вмешательства Божества, ни тех или иных его последствий — просто потому, что она есть биология, а не теология, учение о природных организмах и природных условиях их жизни, а не учение о сверхприродном Божестве, его силах и возможностях.

И теперь мы можем, вместо отдельных примеров, обратиться к рассмотрению основного «противоречия» между религией и наукой, которое обычно усматривается в религиозной вере в чудеса, несовместимые с научной истиной о строгой закономерности всех яв-

лений природы. Конечно, возможна религиозность и без веры в чудеса, и современный т. наз. «образованный» человек, поскольку он вообще приемлет религию, часто ищет такой религии, очищенной от «суеверного» допущения чудес. Но нужно честно признать, что настоящая, горячая и глубокая вера всегда связана с верой в чудеса. Ведь в сущности всякая молитва — а какая же религиозность возможна без молитв — есть просьба к Божеству о его вмешательстве в жизнь, т. е., в конечном счете, мольба о чуде. Религиозный человек верует, что он находится под постоянным водительством Бога; и если он усматривает волю Божию и в сцеплении явлений, обусловленных естественными причинами, то он не может отказаться и от мысли, что если Бог захочет, то Он всегда может и изменить естественный ход событий, т. е. сотворить чудо. Я очень хорошо знаю, какие глубоко вкорененные привычки мысли мешают современному человеку верить в чудо; я понимаю, что нужно уже иметь очень твердую и очень горячую веру, чтобы, не боясь показаться смешным, не боясь противоречить всему, что принято думать среди «образованных» людей, исповедать свою веру в возможность чуда. И я никого не стараюсь убедить, что чудеса действительно бывают. Я утверждаю только, что никакая наука и никакая научность не опровергает и не может опровергать возможность чудес.

Принципиально дело тут обстоит тоже необыкновенно просто. Под чудом разумеется непосредственное вмешательство высших, божественных сил в ходе явлений — вмешательство, приводящее к такому результату, который невозможен при действии только естественных, природных сил. Но наука, изучающая закономерности именно только естественных, внутренних сил природы, именно потому *ничего не говорит* о возможности или невозможности чуда. И, с другой стороны, возможность чуда совсем не «нарушает» установленных наукой законов природы; ибо чудо вовсе не предполагает изменения действия сил самой природы; в его лице лишь утверждается, что возможно вмешательство новой и совершенно инородной силы и что при действии этой дополнительной силы общий итог будет *иной*, чем при действии одних лишь природных сил. Дело, очевидно, в том, что наука познает природу как некую замкнутую систему сил или явле-

ний; она совсем не утверждает, что природа действительно есть абсолютно замкнутая система, что вне ее нет никаких иных сил, которые могли бы в нее вторгаться; она только ограничивается познанием внутренних взаимоотношеий в природе, так как только такое познание есть ее собственное дело, и потому она ровно ничего не говорит ни о возможности, ни о невозможности чудес.

Чтобы уяснить логическое соотношение, возьмем аналогичный пример из области соотношений между самими явлениями природы и их комплексами. Механика Галилея учит, что все тела, независимо от их удельного веса, падают на землю с одинаковой быстротой и ускорением; «противоречит» ли этому закону общеизвестный факт, что пушинка падает на землю гораздо медленнее, чем железная гиря, или что в воде дерево совсем не падает? «Нарушается» ли этот закон тем, что аэроплан вообще не падает, а способен подыматься вверх и лететь над землей? Очевидно, нет. Ибо закон Галилея, подобно всем законам природы, содержит молчаливую оговорку: «при прочих равных условиях» или «если отвлечься от всяких посторонних влияний». Отвлеченно установленное соотношение между землей и телом, ею притягиваемым, нисколько не нарушается, и лишь конкретный итог явлений видоизменяется или усложняется от вмешательства новой, еще не учтенной в законе, посторонней силы: в первом случае — силы сопротивления воздуха или воды, во втором — силы мотора, заставляющей пропеллер вращаться и врезываться в воздух. Методологически совершенно так же дело обстоит и с тем видоизменением хода явлений, которое имеет место при чуде, с той только разницей, что там дополнительной, изменяющей общий эффект силой является уже не другая сила природы, а сверхприродная сила. Если Христос, как передает Евангелие, ходил по воде, как по земле, то этот факт так же мало «нарушает» закон тяготения, как и факт полета аэроплана над землей или плавания в воде тела, более легкого, чем вода. Только в последних случаях действие закона тяготения, не будучи «нарушено», превозмогается силой мотора или сопротивлением воды, а в первом случае оно совершенно так же превозмогается силою божественной личности Христа. Если человек выздоравливает

от смертельной болезни после горячей молитвы к Богу (своей или чужой), то это чудо так же мало «нарушает» установленное медициной естественное течение болезни, как мало его нарушает удачное оперативное вмешательство врача: только в последнем случае болезнь прекращается через механическое изменение ее условий, а в первом — через воздействие на эти условия высшей божественной силы.

Но в том-то и дело, возразят нам, что наука допускает видоизменение явлений природы другими материальными или вообще природными же силами, но не допускает их видоизменения какими-то «духовными», «сверхприродными», «божественными» силами. Это возражение, столь естественное для большинства современных людей, заключает в себе даже не одно, а два недоразумения. Что касается действительной *науки*, то нельзя сказать, что она «не допускает» вмешательства сверхприродных сил; она только не занимается их изучением и отвлекается от них, как бы игнорирует их. Наука, как указано, занимается изучением соотношения *между* явлениями или силами природы; вполне естественно, что, занятая этим своим собственным делом, она не усложняет своей задачи еще рассмотрением тех инородных действий, которые могут иметь место при вмешательстве сверхприродных сил; это так же естественно, как естественно, что, например, архитектор, строя дом, при обсуждении его устойчивости и прочности думает только об обычных, естественных разрушительных силах, но не о бомбардировке из тяжелых орудий. Поэтому также вполне естественно, что наука, встречаясь с каким-нибудь новым, неожиданным явлением, прежде всего старается отыскать, не есть ли оно действие каких-либо не замеченных ею раньше природных же причин, и потому *не сразу* верит в наличность чуда, и в этом смысле *в пределах своей компетенции* «не допускает» чуда; это так же естественно, как то, что, напр., судья низшей инстанции, встречаясь с утверждением, что дело ему неподсудно, так как оно относится к компетенции высшей инстанции (например, есть не простое уголовное, а политическое дело), обязан прежде всего проверить, так ли это и не исчерпывается ли все-таки дело признаками, определяющими его подсудность низшей инстанции; если такого судью обвинят

на этом основании в превышении власти, в отрицании вообще высших инстанций, то это будет совершенно неосновательно и несправедливо. Точно так же поступает и *истинная наука*. Приступая к каждому явлению, она говорит: я прежде всего должна посмотреть, не окажется ли оно подведомственно мне, т. е. не смогу ли я его объяснить; и я откажусь от своих притязаний только после добросовестной и всесторонней его проверки. Но истинная наука всегда свободна от притязания на всемогущество, на неограниченное свое единодержавие и потому не содержит отрицания возможности действия сверхприродных сил, не входящих в ее компетенцию. Напротив, как мы уже видели, в лице величайших своих представителей, обладающих религиозной верой, она фактически признает эту возможность. Более того: некоторые глубокие мыслители, и притом совсем не руководствуясь интересами оправдания веры, заходили в своем ограничении универсальности законов природы гораздо дальше, чем то, что предполагается в этом рассуждении нами. Так, Лейбниц, соединявший глубочайшую логическую проницательность с универсальной ученостью, утверждал, что законы природы суть не что иное, как «привычки природы», т. е. некоторый, только временно наладившийся ее порядок, изменчивость которого мы принципиально обязаны допустить. Скептик и позитивист Юм, чуждый всякой религиозной веры, утверждал, что мы не имеем никаких научных или логических оснований верить в неизменность наблюдавшегося доселе порядка явлений — что из того, что солнце в течение многих тысячелетий или сотен тысячелетий ежедневно всходит, еще совсем не следует, что оно непременно взойдет и завтра.

Действительно отрицает возможность чудес, т. е. сверхприродных или духовных сил (здесь мы переходим к разъяснению второго недоразумения) не наука как таковая, а лишь особая, вненаучная вера, особое миросозерцание, которое невежественные или полуобразованные люди приписывают самой науке и которому действительно подвержены отдельные ученые, но которое не имеет ничего общего с наукой, а есть именно слепая, безотчетная вера; мы разумеем *материализм* или *натурализм*. Материализм отрицает вообще существование духовных начал и

сил; натурализм утверждает, что во всяком случае все силы, обнаруживающиеся в мире, действуют как *слепые силы природы*, и не допускает никаких сверхприродных и разумно действующих сил.

Вот тут мы добрались, наконец, до основного смещения понятий, которое кроется в столь распространенном и с такой решительностью высказываемом утверждении о противоречии между религией и наукой: вместо науки в нем собственно разумеется миросозерцание натурализма (включая в него и материализм). Между *наукой* в подлинном смысле, имеющей своей задачей хотя и великое, но вместе и скромное дело исследования порядка соотношений в явлениях природы, и *религией* как отношением человека к сверхприродным, высшим силам и началам жизни, нет и не может быть никакого противоречия, как это достаточно нами разъяснено. Но есть *действительное и неустранимое противоречие* между натурализмом (включая материализм) и религиозной верой, между миросозерцанием, утверждающим, что все бытие исчерпывается слепыми (или даже материальными) стихийными силами природы, и миросозерцанием, утверждающим за пределами «природы» силы иного, духовного или разумного порядка и допускающим их действие в мире. И корень всей ошибки в том, что наука отождествляется многими с натурализмом (или материализмом), что многим полуобразованным людям кажется, будто быть ученым и знающим — значит быть сторонником натурализма (или материализма), значит питать гордую уверенность, что на свете нет ничего, кроме слепых сил природы, и допущение чего-либо иного презирать, как невежественное суеверие и предрассудок.

И очень легко понять, как происходит это недоразумение, это, по существу, столь нелепое смещение понятий. Когда человек говорит: «Я не верю утверждениям религии, потому что они противоречат истинам науки», то он, собственно, хочет сказать: «Я не верю утверждениям религии, потому что я *верю только в науку*, т. е. я *верю*, что кроме научных истин никаких других нет, ибо нет никакой области бытия за пределами той действительности, которую познает наука». *Вера в единодержавие и универсальность* научного знания, основанная на вере в реальность одного только эмпирическо-

го, чувственного бытия, незаметно смешивается с верой в выводы научного знания и принимается за нее, тогда как по существу она не имеет с последней ничего общего. Отсюда рождается мнение, что «наука» противоречит религии, тогда как в действительности ей противоречит только идолопоклонство перед наукой, идолопоклонство, в котором самом нет ни грана научности и которого не разделяют люди, проникнутые подлинным научным духом.

Итак, прежде всего совершенно очевидно, что натурализм, а тем паче материализм совсем не совпадает с наукой, а есть сам некая, хотя и отрицательная по содержанию вера, которая научно не может быть доказана и с наукой не имеет ничего общего. Одни верят, что мир существует не сам собой, а укоренен в чем-то высшем и абсолютном, что разум и добро суть не выдумки, а лучи доходящего до нас из абсолютного первоисточника бытия, и что человек с его мечтами и надеждами имеет право не чувствовать себя одиноким и покинутым в хаосе мертвых сил природы. Другие, напротив, верят, что этот хаос есть единственная реальность, что в мире нет ничего, кроме бессмысленного столкновения слепых частиц материи, что человек не только целиком во власти этого бессмысленного вихря, но сам есть всецело его порождение и часть и что все его мечты, его жажда счастья, его любовь к добру и отвращение к злу, его искание разума и истины суть лишь жалкие иллюзии, обманчивые искорки, по слепым законам природы загорающиеся и потухающие в тех комплексах атомов, которые называются «человеческим мозгом». Кто это раз сознал до конца, с полной серьезностью и умственной ответственностью, тот знает, что ему приходится выбирать не между «религией» и «наукой», а только между верой в Бога, в добро и разум,— и верой же в то, что Достоевский называл «дьяволовым водевилем». И тот, кто это сознал, понимает также, как непроходимо глупо, на каком почти идиотическом недомыслии основано ходячее убеждение, что человек, отвергнув религию, с помощью разумного научного знания и своего свободного стремления к совершенству утвердит на земле всеобщее счастье, разумный и справедливый порядок и станет вообще хозяином своей собственной жизни. Кто это сделает? Маленький, жалкий комочек мировой грязи, ничем

принципиально не отличающийся от всего остального мира, победит и приведет в порядок чудовищные космические силы всей мировой грязи? И что это вообще значит — для мировой грязи и пыли — «справедливый» и «разумный» порядок! Она есть так, как она есть, она от века крутится, частицы ее слипаются и разлипаются, и те ее комочки, которые называются «людьми», от века дерутся между собой, пожирают друг друга, в положенный срок дохнут и разлагаются, слипаясь с остальной мировой грязью и пылью, и «дьяволов водевиль» либо не имеет конца, как не имеет начала, либо кончится, когда вихрь грязи и пыли уляжется сам собой в мертвой неподвижности. И откуда это «свободное стремление к совершенствованию» в комочке грязи, всецело подчиненном слепым силам, и что оно такое, как не жалкая иллюзия, роковым образом возникающая, как какая-то лихорадка в сером корковом веществе мозга? Стадо обезьян, научившихся ходить на задних *ногах* и одеваться в платье, в упоении собой поет хором: «достигнем мы освобожденья — своею собственной рукой». Какое жалкое, смешное зрелище! Да ведь первый ливень разгонит этих обезьян, заставит их выть от холода и страха, и ничего они не «достигнут», кроме того, что подохнут, как дохнет в положенный срок все на свете, и мировой вихрь из их костей и праха родит новых обезьян, которые снова будут горланить свои песни, пока в свою очередь не подохнут.

Нет, кто не только болтает про свое уважение к науке, а кто действительно проникнут духом, образующим существо науки,— духом умственной честности и умственного бесстрашия, готовности до конца продумывать свои мысли, не прячась ни от каких выводов, если они логически необходимы,— тот скоро придет к неотразимому убеждению. Одно из двух: *либо* нужно поверить, что, кроме вихря мировой грязи и пыли, есть еще что-то на свете, есть мировой Разум и мировая Правда, на которые может опереться человек в своих исканиях и надеждах, *либо* же остается верить только в «дьяволов водевиль», и тогда человеку не на что надеяться, и единственное, что остается человеку, есть или тупая покорность бессмысленной судьбе, или самоубийство.

Но, скажут нам, как ни необходим этот печальный вывод, он совсем не убеждает нас в истинности

религиозной веры и в ложности материализма и натурализма. Напротив, то же самое бесстрашие мысли требует, чтобы мы не веровали ни во что, что не доказано и не обнаружено воочию, и, следовательно, мы обречены, как бы трагично это ни было, не признавать ничего, кроме чувственной, эмпирической реальности, которая есть неустранимый факт, и все остальное считать пустой мечтой, необязательной для нашего разума. В задачу настоящей книжки не входит положительное обоснование истинности религии; это — большая тема, которой, в сущности говоря, посвящена вся философия. Ибо вся философия, осознавшая сама себя и свой предмет — начиная от древних греческих мудрецов Гераклита, Сократа и Платона и кончая новейшей философией наших дней — есть религиозная философия, отыскание и разумное обоснование духовных первооснов бытия. (Недаром все атеисты и материалисты так ненавидят философию и боятся ее, хотя и скрывают свой страх и ненависть под маской презрения.) Но одно косвенное обоснование может быть здесь приведено — через усмотрение логической противоречивости материализма и натурализма.

Впрочем, разбирать материализм нет особенной надобности. Кто не верит на слово ходячим уличным идеям (или, вернее, словам) и хоть немного философски образован, тот должен знать, что материализм — убеждение, что, кроме материи, в мире ничего нет — есть бессмысленное учение, давным-давно опровергнутое, учение, о котором наука уже перестала даже говорить. При сколько-нибудь отчетливом определении понятий все материалистические утверждения, вроде того, что «психического совсем не существует» или «что сознание есть продукт материи» и т. п., разоблачаются как явные недомыслия, с которыми науке, опирающейся на факты и ясные логические понятия, просто нечего делать. Да и ни один уважающий себя ученый не будет уже теперь называть себя материалистом. Впрочем, нельзя отрицать, что ряд других утверждений, производных от материализма или навеянных им, часто еще отравляет сознание и научно образованных людей. Нам нет, однако, нужды специально заниматься материализмом, ибо он есть лишь самая резкая и уродливая форма натурализма, и поэтому опровержение натурализма тем самым уничтожает и всяческий материализм.

С другой стороны, здесь нам не нужно пускаться в сложные обсуждения утверждений натурализма по существу; достаточно показать чисто формально то внутреннее противоречие, которое ему присуще и которое делает его учение бессмысленным. Дело обстоит очень просто. Натурализм утверждает, что мировое бытие исчерпывается совокупностью слепых стихийных сил природы и что и человеческое сознание, человеческий разум, совесть, все человеческие понятия и идеи, подобно всему остальному, суть лишь результат мировой эволюции. Но натурализм, подобно всякому вообще учению или утверждению, претендует сам на истинность, считая себя теорией, разумно обоснованной, а все, что ему противоречит, например религиозное сознание,— заблуждением. Следовательно, натурализм верит в абсолютное различие между истиной и заблуждением, между разумной и доказанной мыслью и бессмыслицей. Но как возможно для человека установить, где истина и где ложь, и как возможно даже само понятие «истины» и «разумности», если все на свете, в том числе и человеческая мысль, есть только продукт слепых сил природы и не имеет никакого высшего значения? Ведь если человеческая мысль есть только, так сказать, искорка, вспыхивающая в человеческом мозгу на основании некоторых природных свойств мозга, и человеческое различие между истиной и заблуждением есть тоже только естественное свойство или естественно возникающая мысль в человеческом сознании, то оно не имеет большего значения, чем различие между «приятным» и «неприятным», «вкусным» и «невкусным». Человек так устроен, что имеет такие-то представления; и он так устроен, что одним из этих представлений он «верит» (испытывает к ним чувство или настроение доверия) и называет их «истинными», другим — не верит и потому называет их «ложными». Откуда мы можем знать, что одни из этих представлений или мыслей действительно истинны, другие же — действительно ложны? Скажут: об этом свидетельствует опыт; те представления, которые дают возможность целесообразно действовать и хорошо ориентироваться в мире, истинны, а противоположные — ложны. Но опыт в этом смысле разве только показывает, что одни представления полезны человеку, а другие — вредны. Кто знает, не устроен ли наш мозг

так, что все мы имеем превратные, «сумасшедшие» представления, и между теми представлениями, которые мы называем «истинными», и теми, которые мы называем «ложными», не больше разницы, чем между настроением мирных помешанных, которые могут жить, не нанося вреда самим себе, и настроением буйно помешанных, которые губят самих себя? Но более того: какое право *мы имеем вообще говорить об абсолютной истине и какой смысл имеет это понятие?* «Абсолютная истина» предполагает «абсолютный смысл»; это есть оценка человеческих мыслей и утверждений с точки зрения какого-то высшего, уже не человеческого, а именно самодовлеющего, абсолютного критерия. Но если в бытии нет ничего, кроме слепых сил природы, то мысль о таком критерии, о такой последней оценке человеческих мыслей сама бессмысленная, и есть только остаток религиозного верования, веры в абсолютный смысл и разум. Но тогда натурализм побивает сам себя, содержа внутреннее противоречие. Сказать: «Я утверждаю, что в бытии нет ничего, кроме слепых сил природы, и что к ним принадлежу и я сам» — все равно что сказать: «Я утверждаю как разумную и доказанную истину, что никакой истины нет» — или, что то же самое: «Я утверждаю, что все на свете бессмысленно, *в том числе и это мое утверждение*». А это, собственно, значит: «Я утверждаю, что я ничего не могу разумно утверждать». Отрицать объективное, онтологическое значение разума и истины — значит утверждать абсолютный скептицизм, абсолютную бессмысленность всех человеческих утверждений. Другими словами: отрицать основную мысль религиозного сознания, что эмпирическое бытие подчинено высшему, абсолютному началу Правды и Разума *значит одновременно отрицать возможность и науки*, как системы разумно обоснованных мыслей, имеющих право считать себя подлинно истинными. Не натурализм, не вера в положительную науку, а только абсолютный скептицизм, неверие ни во что, ни в какое человеческое знание, и *даже неверие в свое собственное неверие* (как в разумную мысль), чувство абсолютной бессмысленности всего и беспомощное состояние головокружения от этого сознания — вот единственно «*последовательная*» позиция, которая остается тому, кто отрицает великое абсолютное, разумное на-

чало в бытии. И этот наш вывод есть вовсе не итог какого-то замысловатого, искусственного рассуждения. Этот вывод давно уже сделан всеми последовательными позитивистами и атеистами. Начиная с английского позитивиста Юма и кончая современными «эмпириокритицистами» и «прагматистами» (Мах, Авенариус, Пуанкаре и др.), атеизм доходит до убеждения, что «наука» совсем не открывает нам «истину», что она не имеет никакого абсолютного преимущества над представлениями даже невежественного человека, а что она только научает нас сокращенным выражениям наших мыслей, дает систему значков, пользуясь которыми мы можем полезно действовать (и что в этом отношении нет никакой разницы между наукой и религией). Словом, последовательная атеистическая мысль в Европе давно уже дошла до того сознания, которое выражено в старых детских стишках: «Все на свете чепуха, чепуха и враки». И только в нашей наивной матушке-России господствуют еще люди, которые с умным видом верят, что, отрицая разум как абсолютную, высшую инстанцию, еще можно утверждать разумность науки и неразумность религиозной веры.

И это противоречие заключено не только в теоретическом взгляде на человека и на научное знание; оно с такой же остротой проникает и все практическое миросозерцание. Какой-нибудь инженер, гордящийся своим знанием и умением, уверенный, что он может силой своей мысли овладеть силами природы, заставить их служить человеку, разумно переустроить мир,— вместе с тем убежден, что и он, и вся его мысль есть только продукт и часть той же самой слепой природы. Если мысль человеческая, познавая истину, силою своего обладания истиной может подчинить себе мертвую природу, воздействовать на нее и переделывать ее, как можно отрицать власть разумного духа над телесным миром? И как можно тогда отрицать, например, власть духа над собственным телом человека, которую обнаруживает и осуществляет аскет в качестве, так сказать, инженера над своим собственным телом? Медицина, успехи которой, подобно успехам техники, суть замечательное свидетельство могущества разума над слепыми и бессмысленными силами природы, до последнего времени в Европе странным образом не верила в непосредственную власть духа над телом и умела

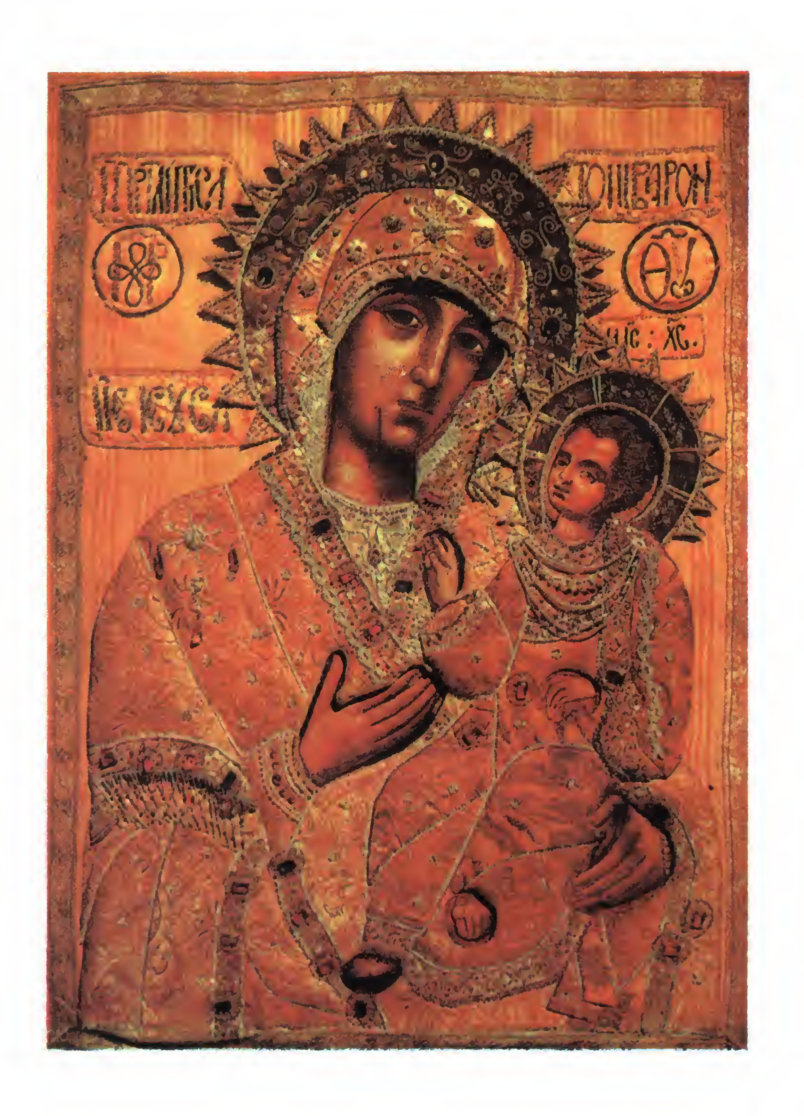
только лечить лекарствами или хирургическим вмешательством. Но за последнее время и европейская медицина все более учитывает то, что знали всегда в древности, что хорошо знают восточные народы (например, индусы),— именно что человек есть не только раб своего тела, но и господин над ним, и что духовное усилие в деле выздоровления имеет часто огромное, принципиальное, неизмеримо большее значение. Та непосредственная власть духа над телом, которая из ежедневного опыта известна всякому здравомыслящему человеку и выражается в формуле: «Захочу и сделаю то и то» — и для отрицания которой в угоду материализма науке приходилось выдумывать искусственные и совершенно нелепые теории (вроде теории психофизического параллелизма, по которой влияние воли на движения тела только кажущееся, а не реальное),— эта самая власть духа над телом может выразиться и в формуле: «Захочу и буду здоров». А если вспомнить, что в основе этого лежит собственное сознание объективной, онтологической общебытийственной значительности духа, т. е. представление, что единичный человеческий дух есть производное от некоего общего духовного начала, проявляющееся в мире, то отсюда — только один шаг до признания возможности чудесных исцелений через молитву, что для беспристрастного сознания подтверждается тысячекратным опытом. Ибо что такое есть это действие молитвы, как не укрепление человеческого духа через соприкосновение его с превышающим его общим источником духовных сил? Словом, *или* надо утверждать, что человек целиком и сполна есть только животное, и ничего более,— и тогда нельзя верить в то, что это животное называется «наукой», и в ее власть над слепыми животными силами, и человек обречен на бессилие перед лицом этих сил, образующих его собственное существо; *или же* человек на самом деле есть *не только* животное, а еще есть и нечто высшее — и тогда мы *уже* вступили в сферу религиозного сознания.

О том же противоречии в области нравственных и политических воззрений мы уже говорили выше. Тут оно так разительно, что можно только недоумевать, как люди, не лишенные ума и сообразительности, не замечают его. Его давно уже выразил Вл. Соловьев, резюмировавший миросозерцание материалистически мыслящей революционной интеллигенции в формуле:

«Человек есть обезьяна, и *потому* должен жертвовать собой ради общего блага». Человек есть обезьяна, бессмысленное животное, руководимое одними страстями и животными инстинктами, и *потому* его «разум» утвердит общественный порядок, в котором будет царить справедливость, в котором все будут сыты и довольны, никто не будет обижать другого и все будут помогать друг другу. Человек есть обезьяна, и *потому* все люди братья, и да здравствует третий интернационал, всемирное объединение обезьян! Говоря без шуток — одно из двух. Или вечная мечта человека о правде, добре, о разумной жизни имеет объективное основание, надежду на осуществление; тогда это значит, что добро и правда — не субъективная выдумка, а онтологическая реальность и сила, лишь обнаруживающаяся в нравственно-общественной воле человека; или же человек есть действительно только животное, и тогда он *обречен* на бессилие в общественной жизни так же, как и во всех других областях жизни.

Таким образом, вопреки распространенным представлениям, не только наука не противоречит религии, и вера в науку — вере в религию, но дело обстоит как раз наоборот: кто отрицает религию, по крайней мере основную мысль всякой религии — зависимость эмпирического мира от некоего высшего, разумного и духовного начала — тот, оставаясь последовательным, должен отрицать и науку, и возможность рационального мирообъяснения и совершенствования. И обратно: кто признает науку и вдумывается в условия, при которых она возможна, тот *логически* вынужден прийти к признанию основного убеждения религиозного сознания о наличии высших духовных и разумных корней бытия.

Но есть и еще один момент, который объединяет научное и религиозное сознание и отделяет их совместно от неверия. Если оба они сходятся в том, что признают некое сверхэмпирическое начало — разумный дух, постигающий бытие и воздействующий на него, то оба они, с другой стороны, сходятся и в том, что признают *глубинность, таинственность, непостижимую до конца беспредельность* бытия. Это утверждение может показаться особенно парадоксальным и невероятным. Обычно между наукой и религией в этом отношении усматривается, наоборот, коренная противоположность: наука все объясняет,

Икона Божией Матери «Иверская»

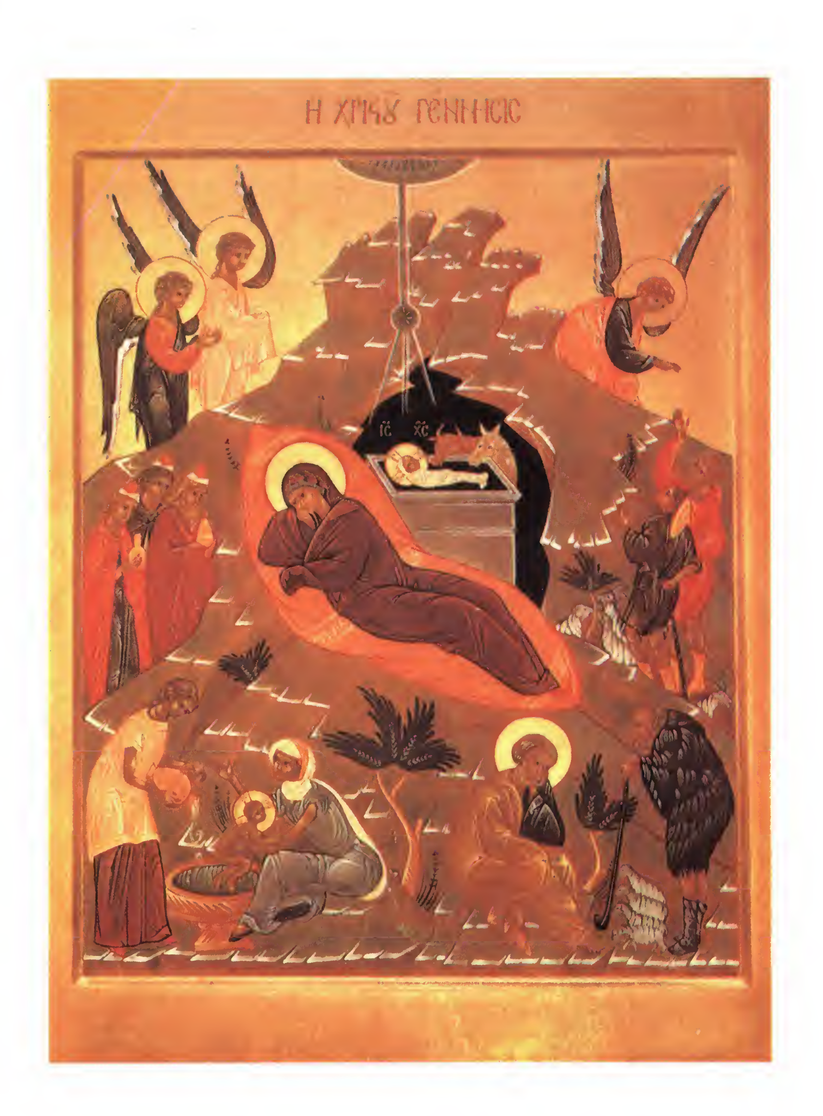
Тихон, Патриарх Московский Исповедник

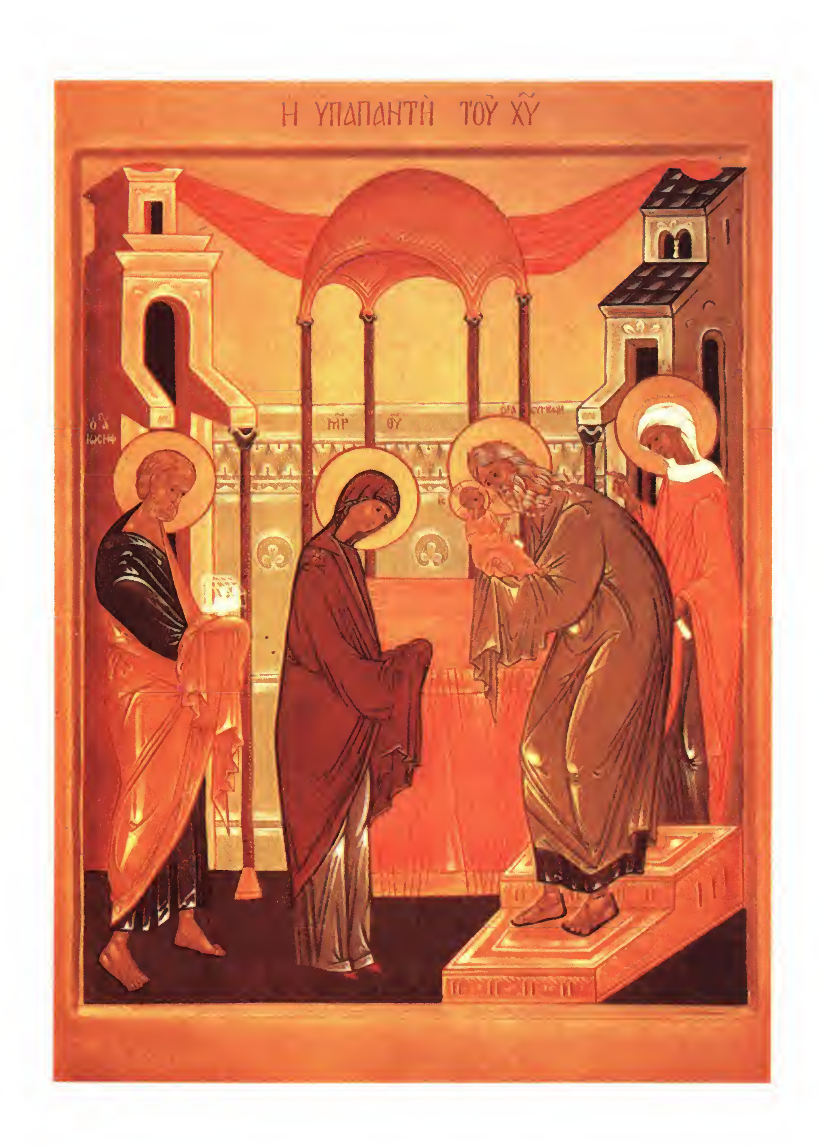
Собор Святых Новомучеников Российских
и безбожников избиенных

Благовещение Пресвятой Богородицы

Рождество Христово

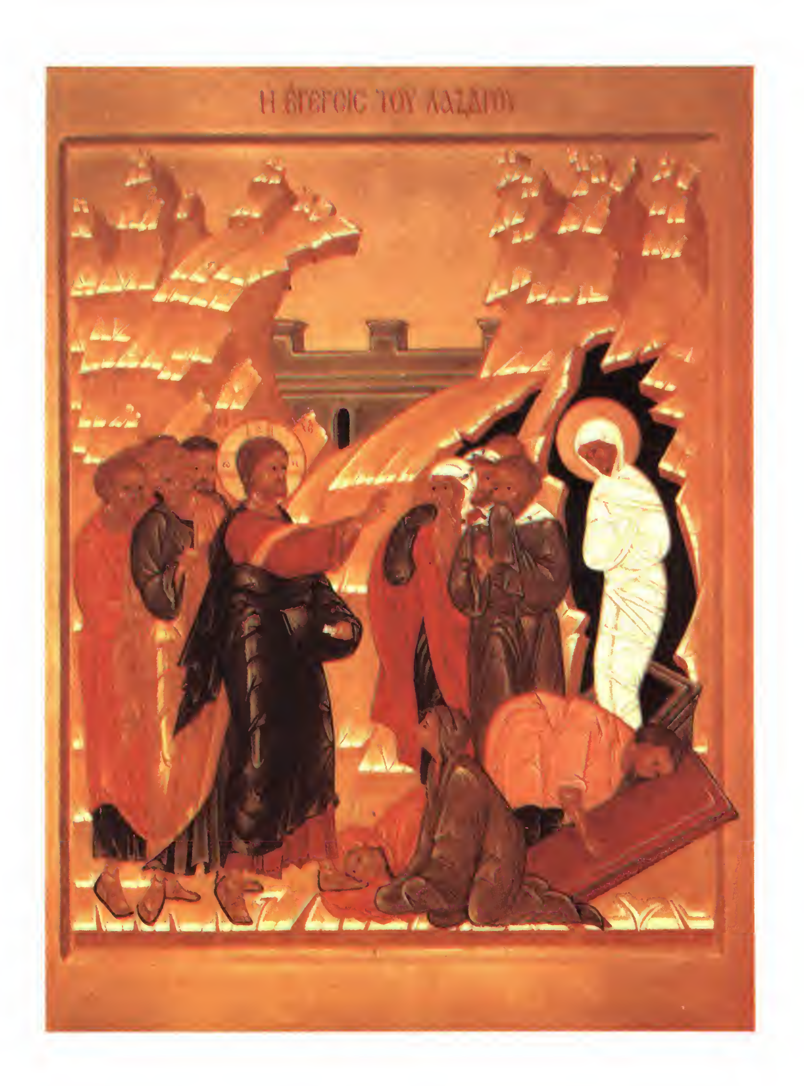
Сретение Господне

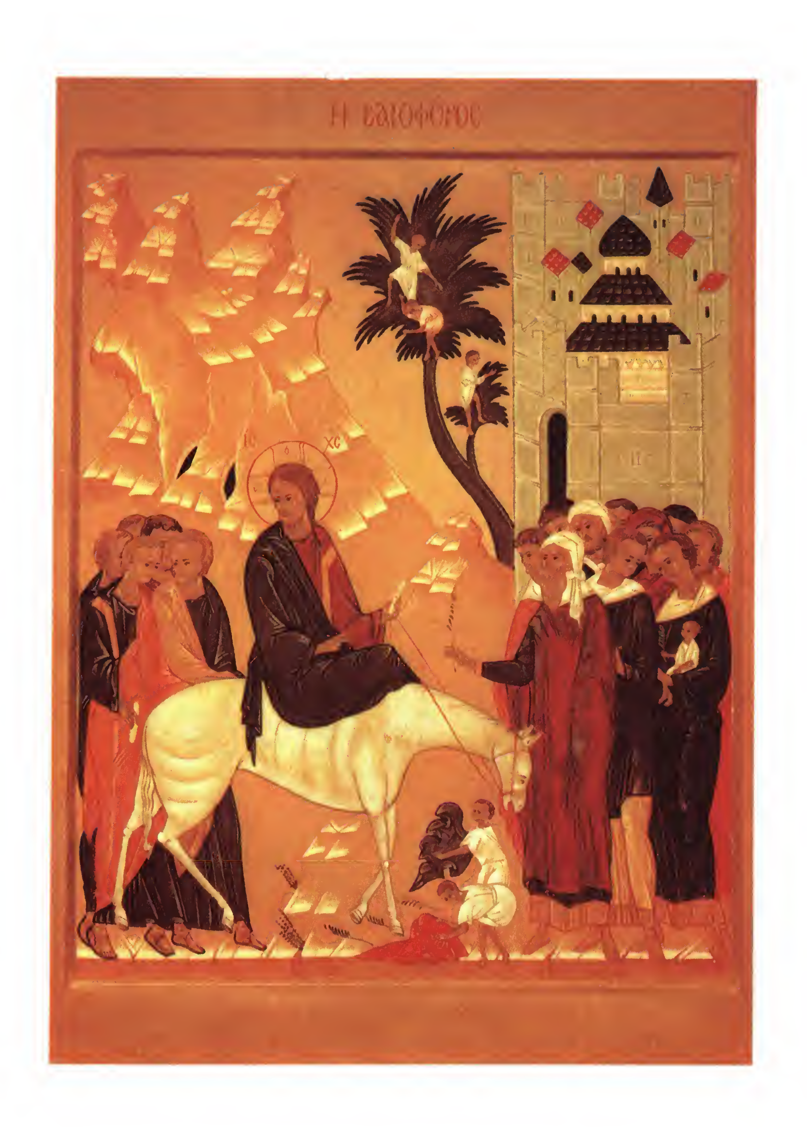
Крещение Господне

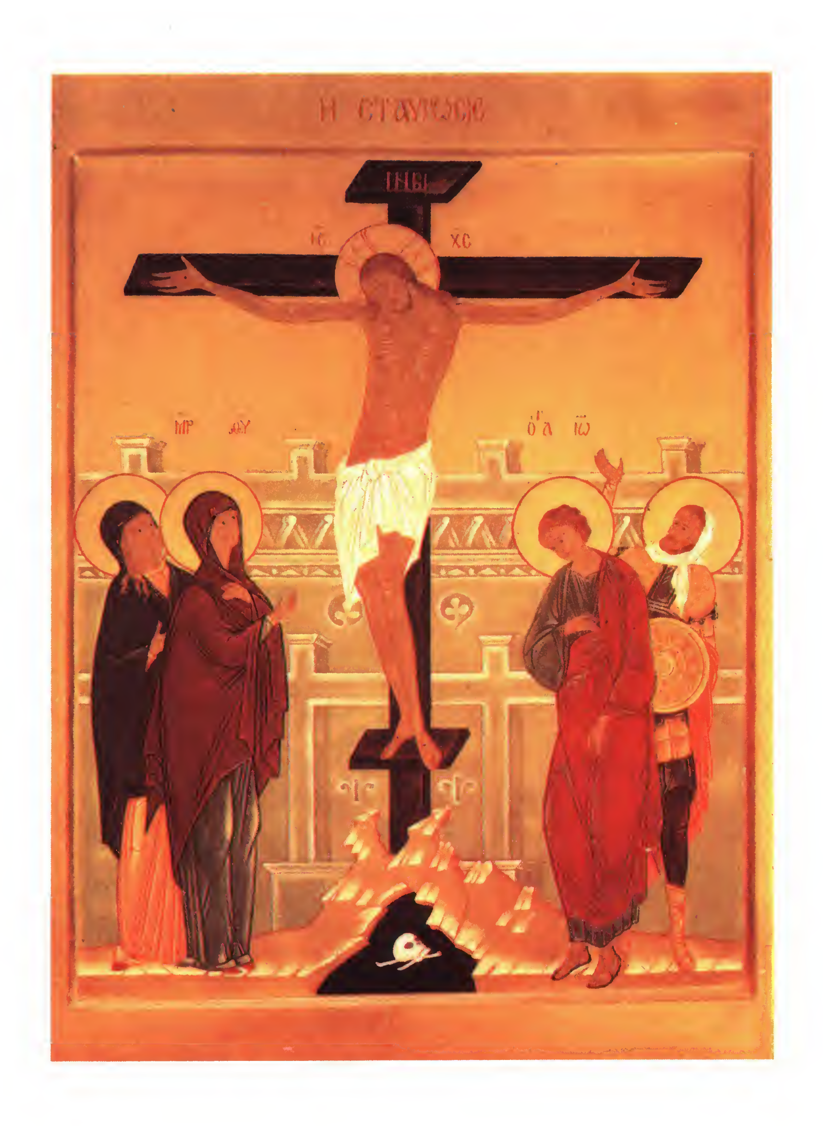
Преображение Господне

Воскрешение Лазаря

Вход Господень в Иерусалим

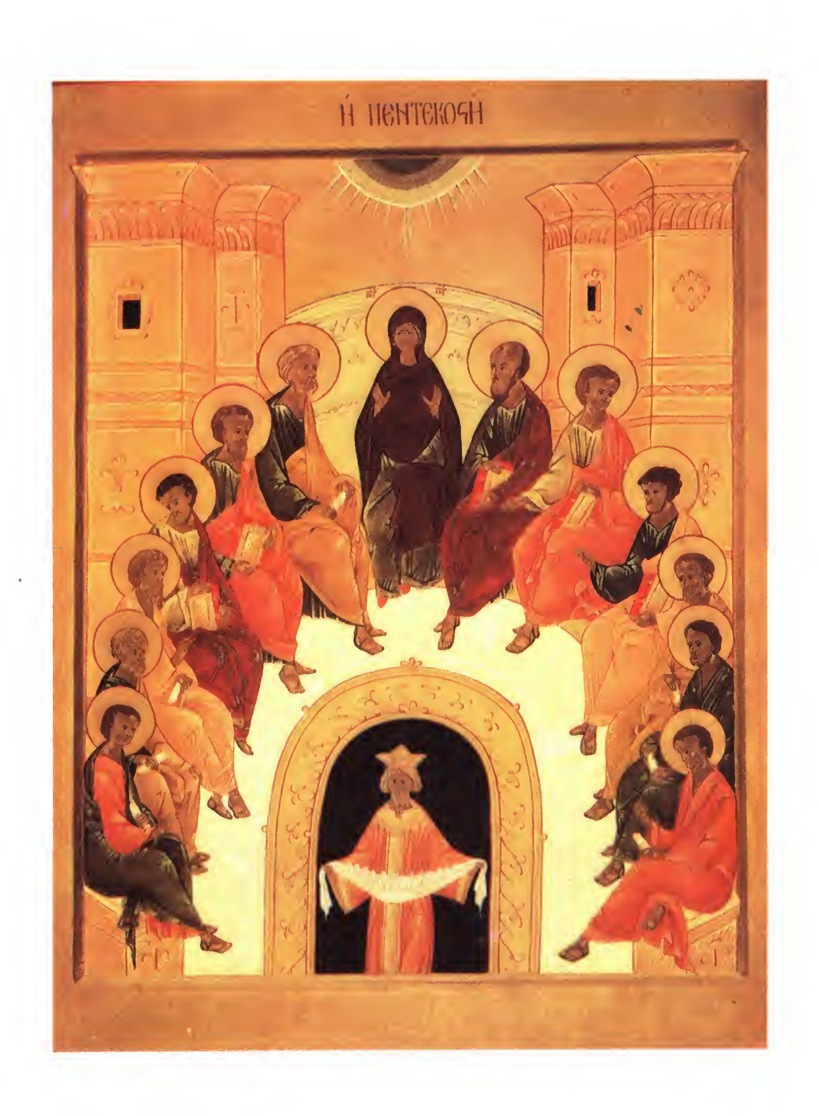
Распятие Господне

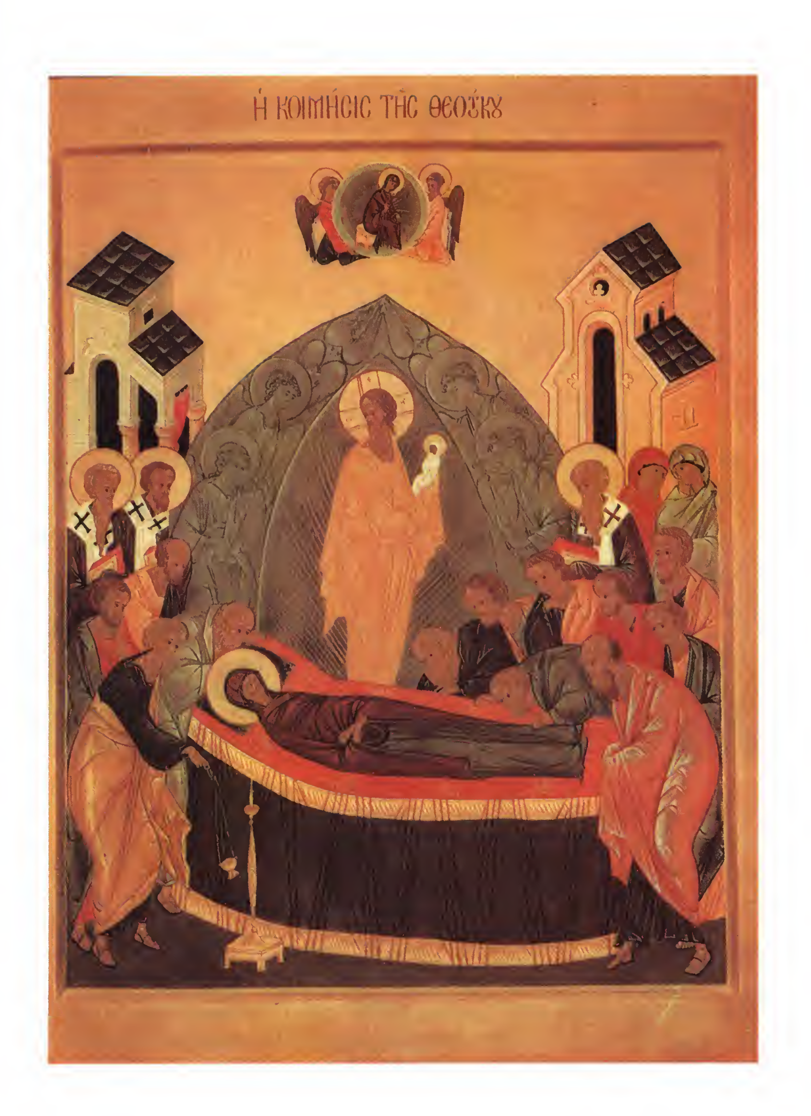
Сошествие в ад

Вознесение Господне

Сошествие Святого Духа

Успение Пресвятой Богородицы

Древо познания. *Худ. С. В. Потапов*

раскрывает, сводит к рациональным началам, религия окутывает свой объект покровом непостижимой тайны и апеллирует к слепой вере, к покорному послушанию авторитету. Но это традиционное противопоставление совершенно ложно. Что касается «слепоты» религиозной веры, то всякий, знакомый с этой областью не только понаслышке и в особенности ознакомившийся с религиозными мыслителями, с литературой богословия, должен знать, что религия, при всем признании безмерности, таинственности, непостижимости до конца своего объекта, вместе с тем претендует быть *таким же строго объективным знанием*, как наука; ее отличие от «рациональных» наук только в том, что в ней единственный источник знания есть *непосредственный опыт*, который не так легко и просто, как в других областях знаний, может быть выражен в системе понятий, и что этот опыт не может быть механизирован, не может получить помощи ни от какого телескопа или микроскопа, а требует развития, так сказать, личной остроты зрения — развития, необходимо связанного с целостным развитием и совершенствованием человеческого духа; поэтому стать «мастером», «знатоком» или «сведущим» в области религиозного знания гораздо труднее, чем научиться какому-либо иному знанию, и именно потому здесь естественно имеет большее значение авторитет «мастеров». Но главное, на что мы хотели бы обратить внимание, заключается в обратной стороне дела — в том, что наука, подобно религии, полна этого чувства тайны: непостижимости бытия до конца, ограниченности человеческого знания перед лицом его объекта.

Дело очень просто. В чем главный импульс научной работы, стремление науки к познанию, к открытиям? Он заключается именно в *загадочности* бытия для ученого, в чувстве «изумления» (как говорил еще Аристотель). Истинный, прирожденный ученый, творец научного знания, останавливается в глубоком недоумении перед лицом как будто общеизвестных и «понятных» фактов. Там, где средний человек довольствуется привычками, ходячими понятиями и где с их точки зрения ему все представляется простым и очевидным, ученый спрашивает: «Как это возможно? Почему это так?» Ученый хочет проникнуть глубже в реальность, чем это принято и чем это делает обычный человек; а это значит, что он всегда сознает скрытую,

еще недоступную, ускользающую от обычного взора глубину бытия. Тот не ученый, не человек науки, для которого весь мир исчерпывается непосредственно видимым, кому кажется, что он обозревает всю реальность, что она лежит перед ним, как на ладони, и что очень легко и просто все узнать. Напротив, лишь тот ученый, кто чувствует таинственные глубины бытия, кто непосредственно, вместе с Шекспиром, знает: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам». Знание своего неведения, выраженное в словах Сократа: «Я знаю только то, что я ничего не знаю», есть начало и постоянная основа научного сознания. Великий Ньютон, проникший в тайны строения и движения Вселенной, говорил о себе: «Не знаю, чем меня признают потомки, но себе самому я представляюсь маленьким мальчиком, который на берегу безграничного океана собирает отдельные ракушки, выброшенные волнами на берег, в то время как сам океан и его глубины остаются по-прежнему для меня непостижимыми». Неудивительно, что с научным гением он соединял религиозную веру. И напротив, наглая самоуверенность, высокомерное чувство: «Я все знаю, мне все ясно, и я презираю с высоты своей просвещенности всякие тайны и загадки, которых для меня уже больше нет»,— это чувство, основа презрения к религиозному сознанию и насмешки над ним, есть характерная черта невежды — человека, который не только ничего как следует не знает, но и не знает даже того, что он ничего не знает.

В основе как религиозного чувства, так и научного сознания — в основе искания и творчества и в науке, и в религии — лежит одно и то же первичное отношение к бытию, отличающее творцов научной мысли и религиозного сознания от обывателя, от настроения косности и обыденщины,— словом, от умственной ограниченности; это отношение может быть названо метафизическим сознанием — сознанием значительности, полновесности, глубинности и безмерности бытия; и это сознание сопровождается необходимо определенным настроением изумления и благоговения. Когда мы из тесных комнат дома, из узких улиц города, загораживающих горизонт высокими строениями, вырываемся на простор поля или степи или когда мы, поднявшись на высокую гору, вдруг видим широкий, необъятный горизонт и имеем

непосредственное сознание, что за всей этой видимой нам ширью еще лежит бесконечный мир,— тогда мы вдруг остро ощущаем, в какой тесноте и потому слепоте мы обычно живем, как ограничен наш обывательский горизонт, и нас охватывает, вместе с ярким сознанием нашего собственного ничтожества, радостное чувство жизни, мощи и воли. Таково именно постоянное сознание как творцов научной мысли, так и религиозных людей. Это пребывание в атмосфере бесконечности, это дышание свежим воздухом простора и черпание через него новых живительных сил отличает их обоих от обывателя, изнывающего и тупеющего в своей духоте и тесноте. И потому эпохи веры суть всегда эпохи творчества, прилива новых сил, а эпохи неверия суть эпохи упадка, оскудения и застоя.

В заключение поставим еще один вопрос, который хотя и не совпадает с рассмотренным нами вопросом об отношении между религией и наукой, но психологически стоит в некоторой близости к нему. Быть может, кто-либо из наших читателей, даже и убедившись всеми приведенными соображениями, все-таки скажет: «Пусть религия не противоречит науке и религиозные люди по своему духовному типу даже родственны ученым, людям науки; но тем не менее и те и другие очень отличны от основного, господствующего типа людей, которые в конце концов нужнее всего в жизни — от людей дела, живой практики и здравого смысла. И люди науки, как и религиозные люди, суть странные чудаки, совершенно ненормальные люди, без которых, быть может, и нельзя обойтись, но на которых мы не желаем походить: они смотрят на небо и не видят того, что делается у них под носом, и, по известному анекдоту, они постоянно падают в яму; настоящими же творцами жизни являются только люди здравого смысла которые хотя и не видят бесконечности, но зато хорошо разбираются в ближайшей, окружающей их среде, и потому и сами лучше преуспевают в жизни, да и другим приносят больше пользы».

Это есть очень распространенное убеждение; и в особенности религиозно верующих людей часто считают полупомешанными и противопоставляют им людей «здравого смысла». Такие люди здравого смысла, именно в силу своего умственного здоровья, просто не могут интересоваться теми «далекими» и «широкими»

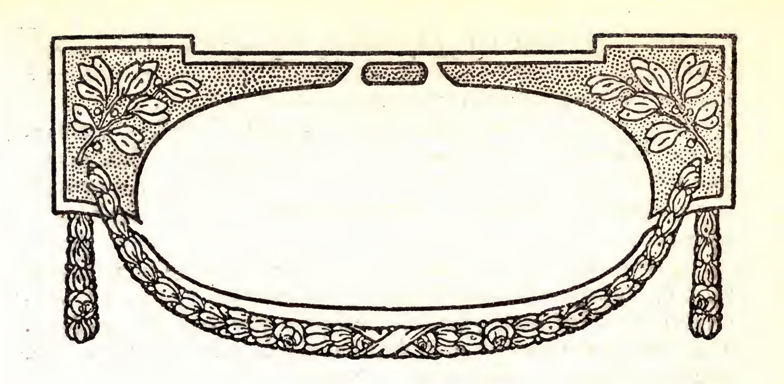
вещами, к которым, вопреки требованиям практической жизни, приковано «ненормальное» сознание верующих. И все-таки это убеждение, как все ходячие оценки, поверхностно и в своем последнем выводе совершенно ложно. Конечно, существует различие между умами синтетическими и аналитическими, между людьми, стремящимися прежде всего уловить и осмыслить для себя ц е л о е жизни и мира, и людьми, умеющими хорошо разбираться в мелочах и частностях жизни. И, конечно, мечтательность, забвение непосредственной конкретной действительности, равнодушие к ней и неумение в ней ориентироваться есть недостаток, от которого все должны освобождаться. Но усмотрение этого чисто относительного различия между двумя умственными типами, когда его превращают в абсолютное, ведет к затемнению и непониманию другого, гораздо более важного соотношения. Что значит хорошо ориентироваться в частностях? Это значит уметь расположить их в надлежащем, правильном порядке, соответствующем их действительному отношению. Но можно ли это сделать, не имея хотя бы некоторого представления о том целом, частями которого являются эти частности? «Здравый смысл» означает одновременно и остроту зрения в отношении всего частного, и обладание правильной о б щ е й к а р т и н о й, и одно от другого совершенно неотделимо. И наоборот: в чем основной признак глупости, несообразительности и — в пределе — умственной ненормальности, отсутствия «здравого смысла»? Он заключается в неумении разбираться в отношениях между явлениями, располагать их в надлежащем порядке, учитывать подлинный вес и относительную значительность каждого явления, его настоящее место в общей картине действительности. И потому такая глупость, а также ее предельная форма — умственная ненормальность, идиотизм и помешательство — в конечном счете всегда определены одной основной чертой: ненормальным с у ж е н и е м духовного горизонта. Глупый человек, видя одно, забывает о другом и не умеет связать их вместе; он не пытлив, не сообразителен, не умеет возвыситься над частностью и поставить ее на надлежащее место в целом. А ненормальный человек — страдает ли он манией величия или манией преследования, или какой-либо другой манией — всегда м о н о м а н, всегда одержим о д н о й идеей и утратил естественное чувство разнообразия и

полноты бытия. Он именно потому и душевно болен, что потерял здоровое сознание, что он сам есть только маленькая и зависимая часть (а отнюдь не центр) всей безмерной полноты жизни; здоровое чувство шири, многообразия, скрещения и переплетения множества сфер и интересов в нем заменено искусственным, ограниченным, маленьким мирком его собственного «я» и того немногого, что интересует его и затрагивает; и вся бесконечная Вселенная для него просто отсутствует. И в этом смысле религиозное сознание — вопреки ходячему суждению — есть подлинно здоровое сознание, совпадает с настоящим здравым смыслом; как бы часто религиозное сознание ни отвлекало человека от интереса к частностям, к эмпирическим мелочам жизни, в принципе оно обладает той широтой умственного кругозора, которая одна только гарантирует способность к правильной расценке явлений. И наоборот, неверующий, как бы часто он ни оказывался в ограниченном кругу умелым практиком и ловким дельцом, в принципе страдает ограниченностью умственного кругозора и лишен подлинного «здравого» смысла, ибо за пределами некоторого узкого круга он уже ничего не видит; расценить жизнь в целом он не в состоянии, поэтому он легко теряется в исключительных условиях, выведенный из привычной будничной обстановки. Он обладает большим самомнением и наглостью, преувеличивая свое значение и свои силы, и это часто его «вывозит», но ведь и сумасшедший тоже всегда думает только о себе, о своем значении и о своих планах и часто так же обнаруживает изумительную хитрость и ловкость — и все-таки в конце концов в силу узости своего кругозора пасует перед нормальным человеком, которому удается поймать его и посадить в сумасшедший дом. Неверующий, подобно глупому и сумасшедшему, вопреки тому, что он сам о себе думает, есть всегда не хозяин, а раб жизни — может быть, хитрый раб, иногда надувающий своего господина, но все же раб; он не властвует над жизнью, а жизнь властвует над ним.

Посмотрите на высшие образцы подлинных «практиков» — на великих государственных людей; все они обладали широтой жизненного кругозора, даруемой религиозным пониманием жизни, и вся тайна их успеха заключалась в здравой расценке и своих собственных сил, и сил внешних, в умении сочетать

великое дерзновение с великим смирением, с покорностью перед высшими, непобедимыми силами — умении, которое тоже непосредственно вытекает из религиозного сознания и соответствующей ему широты и глубины понимания человеческой жизни. Напротив, сознание неверующее есть сознание *обнаглевшее* и потому потерявшее правильные перспективы и обреченное на гибель.

Таким образом, религия не только не противоречит науке, не только совместима с последней, но и родственна ей и проистекает из одного общего духа с ней; и этот дух в свою очередь не только не противоречит так называемому «здравому смыслу», т. е. здоровому и практически плодотворному отношению к жизни, но при внимательном отношении к делу обнаруживается как единственное условие подлинно здорового отношения к жизни, спасающее человека от всяческой ограниченности и слабости, от обывательского скудоумия и рабского бессилия. Как бессмысленно противопоставление науке здравого смысла, потому что научное знание есть подлинный здравый смысл, а протест против него порожден именно больным и искалеченным «смыслом», так же и по тем же основаниям бессмысленно противопоставление здравого смысла и религии. Как бы часто это ни делалось, это имеет не больше значения, чем упорное уверение помешанного и маньяка, что именно он умственно вполне здоров, и что те, кто противоречат его скудоумным фантазиям,— только глупые люди, не желающие его понять.

Часть 2

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ. ИСТОРИЯ И БЛАГОЧЕСТИЕ

Валентин Никитин

1000 лет Русской Церкви

«Пусть все, исповедующие Христа, узнают, что есть в мире Единая, Святая, Соборная, Апостольская, Православная Церковь, ведущая к вратам Царства Божия, в неисчерпаемом изобилии обладающая всей полнотой благодатных даров Святого Духа. Пусть весь христианский мир знает, что Православная Церковь стремится к истинному единству для достижения мира на земле и для благополучия всех народов, идя навстречу призыву Христа ко всем труждающимся и обремененным.

Пусть всякая христианская душа познает всю неодолимую ничем защиту Церкви, всю полноту благодати святых таинств, всю мудрость отеческого предания и всю силу благодати Божией, неизменно пребывающей в Церкви.

И да восторжествует истинное и подлинное начало Христовых заветов роду человеческому — взаимная любовь!»

Патриарх Московский и всея Руси Алексий I

Русская Церковь свято хранит предание о том, что святой апостол Андрей Первозванный (ок. 62) посетил нашу землю и благословил ее будущую великую христианскую Церковь. Он проповедовал сарматам, тавро-

скифам в будущей Приазово-Черноморской Руси и основал храм в Херсонесе (Крымская Скифия), первый на востоке европейского континента.

Апостол из 70-ти, ученик и преемник Апостола Петра на Римской кафедре, священномученик Климент, сосланный в Херсонес, три года (99—102) жил в пределах нашего Отечества. Он укрепил духовное наследие Апостола Андрея, умножил число христианских общин в Тавриде, ревностно заботясь об устроении церковной жизни. Таким образом, благодать священства каждого русского пастыря духовно восходит к Апостолу Андрею Первозванному и через священномученика Климента — к Апостолу Петру.

История свидетельствует, что на I Вселенском Соборе (325) присутствовали «глава скифской епископии» (имя его и местонахождение кафедры неизвестны), а также епископы Кадм Боспорский, Филипп Херсонесский, Феофил Готский. (Примечательно высказывание историка В. О. Ключевского о том, что варяго-руссы поселились в Тавриде вместе с готами и слились с ними в один народ, так что русское называли готским и наоборот.)

В конце IV в. святитель Иоанн Златоуст посвятил в епископы Готской епархии Унила.

О глубине восприятия веры Христовой нашими предками красноречиво говорят жизнь и мученическая кончина от рук сарацин ученика святого Антония Великого (356) сармата Амата, которого блаженный Иероним называет знаменитым.

В VIII в. в Хазарии существовало уже семь епископий.

В середине IX в., когда сложилось древнерусское государство Киевская Русь, Константинопольский Патриарх Фотий (858—867 и вторично 878—886) отмечал, что «скифы пламенеют жаром веры». В 867 г. при Киевском князе Аскольде (882) состоялось Первое Крещение Киевской Руси и Русская, 61-я, епархия была внесена в список Константинопольского Патриархата. Князь крестил свою дружину и значительную часть населения Киева, построил церковь Пророка Илии на Подоле, ставшую колыбелью Церкви Киевской Руси. Святые Кирилл (869) и Мефодий (885) усовершенствовали русские «письмена», которыми были написаны, в частности, Евангелие и Псалтирь, найденные святым Кириллом в Херсонесе (861), создали церковнославянскую

азбуку. Богослужение стало совершаться на славянском языке.

В 955 г. крестилась в Царьграде великая княгиня Киевская Ольга (969), построившая затем несколько храмов в Киеве, Пскове, Новгороде. Дважды ездила княгиня Ольга в Царьград для переговоров о крещении всей Руси, однако в Византии считали, что церковное подчинение Руси Патриарху предполагает и политическое подчинение Византийскому императору. Согласиться с этим святая княгиня не могла.

Крещение всей Руси свершилось в 988 г. при внуке княгини Ольги великом князе Владимире (1015). Он перенес богатейшую культуру Таврической христианской Руси в Киев, привлек из Корсуни и балканских стран учителей Христовой веры, владевших церковнославянским языком,— создал прочный фундамент для развития Русской Церкви. В этом величайшая заслуга, мудрость и свидетельство духовной зрелости равноапостольного великого князя Владимира, причисленного Церковью к лику святых. Современные историографические данные позволяют считать, что при князе Владимире была принята юрисдикция Патриарха Охридского, Болгарского. Проповедь христианства быстро распространилась за пределы Киева. Епископские кафедры были учреждены не только в близлежащих Белгороде, Владимире Волынском, Чернигове, Турове, Полоцке, но и в отдаленных Новгороде и Ростове, получило новый импульс христианство в Тмутаракани (древнерусская область на восточном берегу Азовского моря); широко развивалось храмовое строительство. В 1037 г., при Ярославе Владимировиче (Мудром) в связи с упразднением Болгарского патриаршества Русская Церковь вошла в юрисдикцию Константинопольского Патриархата в качестве одной из его митрополий.

Константинопольский Патриарх, посвящая для Русской Церкви Митрополита, как правило грека, предоставлял ему самоуправление, не вмешивался в определения митрополичьего суда и Поместных Русских Соборов. В 1051 г. Митрополитом был поставлен русский пресвитер Иларион, высокоодаренный писатель (автор «Слова о законе и благодати») и выдающийся проповедник. Русская Церковь пользовалась правами широкой автономии. Знаменательно, что Константинопольский Патриарх посылал русскому Митрополиту грамоты не с восковой печатью, как к прочим митрополитам,

а со свинцовой, как к Предстоятелям Автокефальных Церквей.

Князья, начиная с Владимира, привлекали митрополитов и епископов к участию в государственных делах. Русские иерархи направляли свое влияние на устроение государства, укрепление центральной власти, насаждение просвещения и нравственное воспитание народа. В периоды междоусобных распрей русские иерархи выступали как миротворцы и ходатаи за цельность страны и единство народа. «Князь! мы поставлены от Бога в Русской земле, чтобы удерживать вас от кровопролития, да не проливается кровь христианская в Русской земле», — говорил, например, Митрополит Никифор II (1182—1197) Киевскому князю Рюрику-Василию (1215).

В XII в. Русское государство распалось на удельные княжества. Олицетворением общенационального единства оставалась Русская Православная Церковь. С монголо-татарским нашествием (1237) начался новый период в ее истории. Жестоко пострадав во время завоевания Руси кочевниками, претерпев их сокрушительные набеги, Русская Церковь все же получила некоторые льготы, прежде всего потому, что завоеватели-язычники были терпимы к любой религии. Такое положение, признанное сначала de facto, получило затем подтверждение в охранительных грамотах (ярлыках). Однако Русская Церковь полностью разделила историческую судьбу своего порабощенного Отечества; русское духовенство прилагало самоотверженные усилия, облегчая положение народа.

В 1274 г. во Владимире-на-Клязьме состоялся Церковный Собор, в котором участвовало духовенство Суздальской Руси, Великого Новгорода и Полоцка. Собор содействовал укреплению единства церковной организации.

К XIV в. государственного единства Руси, возглавлявшейся Киевским княжеством, уже не существовало: Киев был разорен. Борьба русских городов, и прежде всего Твери, Владимира, Москвы, за право великого княжения потребовала решения вопроса о новой митрополичьей резиденции. Все более мотивированным становилось стремление иметь митрополитов из своих, русских людей, которые беседовали бы с князьями «усты ко устом».

Переехав из опустошенного и незащищенного Кие-

ва сначала во Владимир, а потом в Москву (1325), митрополиты много усилий приложили для сохранения мира в государстве и подчинения всех князей единодержавному князю Московскому. Так, святой Митрополит Фотий (1431), отказав в благословении князю Юрию Дмитриевичу Звенигородскому, принудил его признать великим князем малолетнего Василия II Васильевича (1425—1462).

Москва становится столицей Руси и, с благословения митрополита Петра (1326), духовным и каноническим центром Русской Церкви. Митрополит Алексий (1378), в силу исторических обстоятельств ставший и первым государственным человеком — главой боярской думы и регентом малолетнего князя-наследника Димитрия, будущего Донского (1359—1389), сыграл выдающуюся роль в становлении Московского государства и духовно подготовил освобождение Русской Земли от владычества Золотой Орды. 8 сентября 1380 г. в битве на Куликовом поле русские воины под водительством князя Димитрия, названного в память об этой битве Донским, одержали историческую победу над монголо-татарами. Важнейшее значение в подготовке и осуществлении этого переломного события имела патриотическая деятельность основателя Троице-Сергиевой Лавры Преподобного Сергия, игумена Радонежского (1314—1392).

Свержение монголо-татарского ига вызвало национальное и культурное возрождение Руси. Этот процесс вдохновляла Русская Православная Церковь. В XIV—XV вв. на русский язык были переведены творения виднейших святых отцов и учителей Церкви: Василия Великого, Исаака Сирина, Иоанна Лествичника, Максима Исповедника, Симеона Нового Богослова, Дионисия Ареопагита и других. Достигло расцвета творчество замечательных иконописцев — Даниила Черного, Феофана Грека, преподобного Андрея Рублева, развилось каменное церковное зодчество, самобытное искусство новгородской земли, были созданы прекрасные литературные памятники — «Сказание о Мамаевом побоище», «Задонщина», а также жития святых и духовные повести. Новый импульс получила миссионерская деятельность. Святитель Стефан, епископ Пермский (1396), стал просветителем зырян (коми) на севере страны, для которых составил азбуку и перевел священные книги.

В середине XV в. Константинопольская и другие православные Церкви заключили на Флорентийском Соборе (1439) унию с Римом. Русская Церковь, стремясь охранить чистоту веры, отвергла эту унию. 15 декабря 1448 г. Собор русских епископов независимо от Константинополя избрал Митрополитом Московским и всея Руси епископа Рязанского и Муромского Иону (1448 — 1461). «И Промыслу Божию угодно было благословить это решение. 1448 год является началом автокефалии Русской Церкви. Таким образом, автокефалия является памятником благочестивой ревности русского народа о вере и верности его Православной Церкви» (Патриарх Алексий I).

После падения Византийской империи в 1453 г. Русская Православная Церковь, будучи самой большой и значительной Православной Церковью, стала естественным оплотом Вселенского Православия.

Середина XV — начало XVI в. ознаменовались новыми жертвами, трудами и победами над язычеством, успешным развитием миссионерской деятельности ревнителей Православия, просветивших вогуличей, чудь и лопарей: епископа Пермского священномученика Питирима (1445), святых Савватия (1435) и Зосимы (1478), Соловецких чудотворцев, архиепископа Новгородского Макария (1526—1542), преподобного Трифона Печенгского и Кольского (1583) и многих других. Русская Православная Церковь успешно отразила различные лжеучения, например, ереси богомильского толка, жидовствующих, Башкина и др.

На Соборах 1547 и 1549 гг., созванных в Москве по инициативе Митрополита Макария (1563), были канонизованы 39 русских святых. Большое историческое значение имели определения Стоглавого Собора (1551), охватившие все стороны церковной жизни и запечатлевшие самобытность русского религиозного сознания.

Одновременно с духовным возрастанием Церкви шел процесс централизации Русского государства. Великий князь Иоанн III (1462—1505), укрепив восточные границы страны, защитил центральные районы Руси. В княжение Василия III (1505—1533), которого вслед за его отцом, Иоанном III, именовали «Государем всея Руси», к Москве были присоединены исконно русские земли — Псков, Смоленск, Рязанское, Новгород-Северское княжества.

В 1552 г. царь Иван IV (Грозный) покорил Казанское ханство. Бывшие правители Казанские приняли Православие. На Поместном Соборе 1554 г. была учреждена новая, Казанская, епархия.

Еще в середине XV в. духовное возрастание Русской Церкви и укрепление Московского государства привели к зарождению во всем русском обществе идеи установления патриаршества. История русской митрополии московского периода способствовала развитию ее и, наконец, реализации 26 января 1589 г. Первым Московским Патриархом стал митрополит Иов (1589—1605), интронизацию которого совершил Патриарх Константинопольский Иеремия. Восточные Патриархи на Соборах 1590 и 1593 гг. в Константинополе признали за русским Патриархом пятое по чести место и все права Предстоятеля Автокефальной Церкви.

Установление патриаршества благотворно сказалось на ходе церковных дел, существенно усилив права русского первосвятителя, а также сообщив Русской Православной Церкви законченность идейную, символическую. «Патриаршество явилось в Церкви Русской в такое именно время, когда власть Патриарха всего более могла быть полезной для Церкви и Отечества» (архиепископ Филарет Гумилевский). Смутное время (польско-литовская интервенция, XVI—XVII вв.), изобиловавшее изменами и кровавыми деяниями, вскрыло вместе с тем духовные сокровища русского народа. На скрижалях истории навеки начертаны имена Патриархов Иова и Гермогена, преподобного архимандрита Дионисия Троицкого, преподобных Иринарха и Галактиона, святителей и иноков; князей Михаила Скопина-Шуйского и Димитрия Пожарского; Козьмы Минина, Ивана Сусанина и многих сотен тысяч земских людей, «в любви, совете и соединении» поднимавшихся со всех концов России спасать Москву, святые храмы, веру. Прославила себя в веках Троице-Сергиева Лавра, на защиту которой встали 1300 «ратных людей» и 200 иноков, благословленных архимандритом монастыря старцем Иоасафом. Троицкие «сидельники» защищали не только гроб святого Сергия от поругания врагами православной веры, но и все Отечество.

История хранит имена русских Патриархов, явивших примеры подлинного апостольского служения и евангельской любви.

Патриарх Иов (1589—1605) много сил и внимания уделял изданию богослужебных книг, организации епархиальной жизни. С согласия Московского Собора 1594 г. он ввел несколько новых празднований в честь русских святых, в частности Василия Блаженного, Казанских чудотворцев Гурия и Варсонофия, преподобного Корнилия Комельского. В последние годы своей жизни, когда Россия подверглась польскому вторжению, Патриарх Иов решительно выступил против иноземных захватчиков.

Святой **Патриарх Гермоген** (1606—1612), «муж непоколебимой твердости и правоты», стал его достойным преемником. Когда поляки вошли в Москву, Патриарх Гермоген стал узником, но и в заточении он в своих грамотах, рассылаемых по всей России, призывал русских людей «крепко стоять за веру, унимать грабеж, сохранять братство и спасать Москву». Его патриотические призывы и мученическая кончина (17 февраля 1612) не были напрасны: народное ополчение Козьмы Минина под водительством князя Димитрия Пожарского принесло освобождение Отечеству и водворило мир в пределах России.

Патриарх Филарет (1619—1633), отец царя Михаила Федоровича, его советник и соправитель, учредил в 1625 г. особый Патриарший приказ, строго упорядочивший церковные дела. Основал при Чудовом монастыре греко-латинское училище, значительно расширил деятельность московской типографии.

Патриарх Иоасаф I (1634—1640) много потрудился для укрепления порядка и благочиния в церковно-нравственной жизни общества. В составленной им «Памяти» были тщательно расписаны правила для участвующих в богослужении духовенства и мирян. Особое внимание уделял Патриарх Иоасаф развитию духовного просвещения. При нем было издано 23 наименования церковных и богослужебных книг.

Патриарх Иосиф (1642—1652) известен как инициатор своего рода экуменического диалога с пастором Матфеем Фильгобером и датским принцем Вольдемаром, в посланиях к которым призывал лютеран к соединению с Православием. В 1649 г. по благословению Патриарха Иосифа было основано «Ртищевское братство» для преподавания московскому юношеству научных знаний и перевода церковных книг. Из 36 наиме-

нований изданий, вышедших при Патриархе Иосифе, многие увидели свет на славянском языке впервые.

Патриарх Никон (1652—1658) в первый период своего правления был деятельным советником царя Алексея Михайловича, чем вызвал оппозицию себе в среде боярства. Он известен как неутомимый организатор и строитель монастырей и храмов.

В 1654 г. Патриарх Никон благословил воссоединение Украины с Россией. Бывшая в прошлом единой и разделенная внешними обстоятельствами Русская земля вновь обрела единство.

Проведенная Патриархом реформа богослужения и правка богослужебных книг породили старообрядческий раскол, ставший глубокой национальной трагедией.

Патриарх Иоасаф II (1667—1672) и Московский Собор под его главенством подтвердили реформы Патриарха Никона. Патриарх Иоасаф II сумел примирить с Церковью некоторую часть раскола, представителям которого рассылал многочисленные «увещательные грамоты». Значительных успехов при Патриархе Иоасафе II достигла миссионерская деятельность: Русская Церковь просветила многие народности на северо-восточных окраинах страны.

Патриарх Питирим занимал первосвятительскую кафедру всего 10 месяцев (1672—1673), но в течение предшествовавших им шести лет нес всю тяжесть церковного управления в достоинстве Патриаршего Местоблюстителя.

Патриарх Иоаким (1674—1690) известен как строгий ревнитель церковных канонов, принятых Собором 1675 г. О ревности Патриарха Иоакима в защите Православия свидетельствуют составленные им обличения, увещания и поучения. В период его патриаршества были учреждены новые епархии на окраинах Русского государства. По инициативе Патриарха Иоакима при Печатном дворе открылось духовное училище, впоследствии переведенное в Заиконоспасский монастырь и давшее начало Московской духовной академии.

Патриарх Адриан (1690—1700), «внутренне горячий и вдохновенный в своем старорусском благочестии», последовательно и строго охранял чистоту веры. Он неодобрительно отнесся к некоторым прозападным реформам царя Петра I, связанным с нарушением церковных канонов и вековых обычаев русского народа. Однако своим нравственным авторитетом он под-

держивал важнейшие, направленные на устроение Отечества нововведения царя.

После кончины Патриарха Адриана Петр I не допустил избрания нового Патриарха, опасаясь встретить в его лице противника проведения дальнейших реформ, а в январе 1721 г. учредил Духовную коллегию. Вскоре она была преобразована в Святейший Правительствующий Синод, состоявший из высших иерархов Церкви. Святейший Синод был признан Восточными Патриархами равночестным Патриарху учреждением. Синод занял место в ряду государственных учреждений. Значительное влияние на деятельность Святейшего Синода оказывал светский чиновник — обер-прокурор Синода, назначаемый императором.

Реформа Петра Великого открыла новый период в истории Русской Церкви, получивший название синодального. Церковь духовно преображала и исправляла недостатки Петровской реформы. Внешние обстоятельства не смогли изменить природу Церкви, которая в любых условиях совершает свою спасительную миссию, духовно окормляет верующих, благотворно влияет на нравственность народа. В послепетровский, имперский, период выявились во всей полноте духовные силы Русской Церкви. Существует мнение, что реформа Петра Великого стала благодетельным страданием для Русской Церкви, стимулировавшим ее творческие силы.

Русское Православие в этот период пережило духовный подъем. В сравнении с патриаршим периодом Русская Церковь значительно выросла численно и возросла духовно. Во времена патриаршества Россия имела 20 епархий с 20 епископами. В конце синодального периода она насчитывала 64 епархии и около 40 викариатств, возглавляли их более 100 епископов. Этот рост был обусловлен прежде всего внутренним и внешним миссионерством Русской Православной Церкви. Были учреждены православные миссии в Сибири, на Дальнем Востоке, в Америке, Японии, Китае, в Корее. В 1870 г. открылось Православное Миссионерское Общество, которое возглавил митрополит Московский Иннокентий (Вениаминов). (Канонизован Русской Православной Церковью 6 октября 1977 г.)

В синодальный период подвизались и достигли святости многие великие подвижники русского благочестия: преподобные Серафим Саровский (причислен к

лику святых в 1903 г.), Герман Аляскинский (1970), святители Иннокентий, епископ Иркутский (1805), Тихон, епископ Воронежский, Задонский (1861), Феодосий, архиепископ Черниговский (1896), Иоасаф, епископ Белгородский (1911), Иоанн, митрополит Тобольский и всея Сибири (1916), архиепископ Николай Японский (1970).

XVIII и XIX вв. дали великие образцы русской святости и старчества в лице схиархимандрита Паисия (Величковского) (1772—1794), пустынника Мефодия (в схиме Марка) Саровского (1732—1817), епископа Кавказского и Черноморского Игнатия (Брянчанинова) (1807—1867), епископа Владимирского Феофана Затворника (Говорова) (1815—1894), старцев Оптиной пустыни — иеросхимонаха Леонида (в схиме Льва) (1768—1841), Феофана (1819), Амвросия (1893), Иосифа (1837—1911), Анатолия (1824—1897), Варсонофия (1912), Нектария (1923) и др. Это время дало множество подвижников и повсеместно известных, и не открытых миру, в глубокой духовной тайне совершавших жизненный подвиг деятельного служения Богу и ближним.

В жизни Русской Православной Церкви XIX век примечателен развитием духовного образования и богословских наук. В 1809 г. была открыта С.-Петербургская духовная академия, пришедшая на смену Александро-Невской академии, основанной в 1721 г.; в 1814 — преобразована и переведена в Троице-Сергиеву Лавру Московская духовная академия, зародившаяся в 1685 г.; возрождены в 1819 г. — Киевская (основана в 1615 г.) и в 1842 г.— Казанская (учреждена в 1723 г.) духовные академии. В числе преподавателей этих высших учебных заведений были выдающиеся богословы: митрополит Платон (Левшин), митрополит Евгений (Болховитинов), митрополит Филарет (Дроздов), митрополит Филарет (Амфитеатров). Заслуженную славу русской не только богословской, но также исторической и филологической науки составляют имена протоиерея профессора А. В. Горского, профессоров Е. Е. Голубинского, Ф. А. Голубинского, В. В. Болотова, В. О. Ключевского, священника Павла Флоренского и др.

Богословами духовных академий по утверждении Святейшим Синодом в 1876 г. было подготовлено первое издание Библии на русском языке.

Синодальный период ознаменовался зарождением экуменического движения в Русской Церкви. Он отме-

чен также выдающимися проявлениями патриотизма и миротворчества.

Велик вклад Русской Церкви в победу над Наполеоном во время Отечественной войны 1812 г. (Молитва о даровании победы русскому воинству, возносившаяся под Бородино, звучала в наших храмах и в годы войны с фашистской Германией.) Многоразличной и значительной была поддержка Русской Церковью усилий России, направленных на освобождение болгарского народа от оттоманского ига в ходе русско-турецкой войны 1877 — 1878 гг. Жертвенно разделив страдания русской армии, наша Церковь поддерживала духовные силы народа в периоды русско-японской войны 1904 — 1905 гг. и первой мировой войны 1914—1918 гг. Известна самоотверженная деятельность духовенства и монашествующих как братьев и сестер милосердия на полях сражений, на боевых кораблях и в лазаретах.

Вопрос о восстановлении Патриаршества, не перестававший волновать русское церковное сознание на протяжении двух веков, приобрел особую актуальность в начале XX столетия.

По инициативе митрополита Антония (Вадковского) и архиепископа Сергия (Страгородского) было создано Предсоборное Присутствие (1906 — 1907) из представителей духовенства и мирян. Его участники высказались за восстановление Патриаршества на Всероссийском Поместном Соборе. В июне 1917 г., после падения монархии, в Москве начал работу I Всероссийский съезд духовенства и мирян, ставший прологом Поместного Собора. Торжественное открытие Поместного Собора состоялось в праздник Успения Пресвятой Богородицы, 15 августа 1917 г., в Успенском соборе Московского Кремля. 28 октября (10 ноября) 1917 г. Собор принял историческое решение о восстановлении Патриаршества. 5 (18) ноября Патриархом Московским и всея Руси был избран Митрополит Московский Тихон (Белавин) (1865 — 1925). Торжественная интронизация Патриарха Тихона совершилась в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, 21 ноября (4 декабря) 1917 г., в Успенском соборе Кремля. Согласно соборному определению от 7 декабря 1918 г., **Патриарх Тихон** вступил в управление Русской Православной Церковью совместно со Священным Синодом и Высшим Церковным Советом.

Патриарх Тихон возглавил Русскую Церковь в период тяжелых исторических испытаний, когда Советское государство, родившееся в огне революции и Гражданской войны, прилагало чрезвычайные усилия, чтобы выстоять и окрепнуть. «На церковном пути нового Патриарха сразу возникли большие трудности. Прежде всего ему первому пришлось решать вопрос об отношениях с новым государственным строем... Он познал горечь ошибок, но он исправлял их со свойственной ему достойной и спокойной решимостью» (Московский Патриархат. 1917 — 1977. М., 1978. С. 13).

Патриарх Тихон предал анафеме виновников «красного террора» в 1918 г.; решительно подчеркнув в послании 1920 г., что Церковь аполитична в условиях любого социального строя, он пресек попытки вовлечь Церковь в революционную или контрреволюционную деятельность, отмежевался от позиции политиканствующих раскольников, участников Собора в Сремских Карловцах, Югославия (1921), осудил антицерковную деятельность т. н. «обновленцев».

Накануне своей мученической кончины, в праздник Благовещения 7 апреля 1925 г. (находясь под домашним арестом), Патриарх Тихон подписал Обращение к верующим, в котором сказано: «...не погрешая против нашей веры и Церкви, не допуская никаких уступок и компромиссов в области веры, в гражданском отношении мы должны быть искренними по отношению к Советской власти и работать на общее благо...»

Его труды продолжил Митрополит Сергий (Страгородский) (1867 — 1944), сначала в качестве заместителя Патриаршего Местоблюстителя (законные местоблюстители в порядке преемства, определенные при жизни Патриарха Тихона — митрополиты Кирилл Смирнов, Агафангел Преображенский и Петр Полянский,— были репрессированы).

Согласившись на ряд уступок и пойдя на принципиально недопустимый компромисс с богоборческой властью (Декларация 1927 г.), Патриарх Сергий, тем не менее, в тяжелых условиях репрессий и гонений, массового закрытия храмов, когда часть Церкви ушла в подполье (Катакомбная Церковь), прилагал много усилий для уврачевания церковных расколов, ограждая православную паству от соблазна разделений и ухода из лона Церкви.

Духовное величие, нравственная сила и высокий патриотизм Русской Православной Церкви с огромной силой проявились в годы Великой Отечественной войны. 22 июня 1941 г. в своем историческом послании Митрополит Сергий призвал верующих к всенародному подвигу во имя спасения человечества от фашизма.

В сентябре 1943 г. на Соборе архиереев Русской Православной Церкви Митрополит Сергий был избран Патриархом Московским и всея Руси. Интронизация **Патриарха Сергия** состоялась 12 сентября 1943 г. в Богоявленском кафедральном соборе Москвы. Его первосвятительские труды были направлены на восстановление церковной жизни на территориях, освобожденных от фашистских оккупантов, замещение свободных епископских кафедр. Он положил начало восстановлению духовных школ, возобновил издание «Журнала Московской Патриархии». Несмотря на трудности военного времени, он поддерживал межцерковные связи.

Патриарх Сергий скончался 15 мая 1944 г. и был погребен в Богоявленском патриаршем соборе.

Преемником его на патриаршем престоле стал **Патриарх Алексий (Симанский)** (1877 — 1970) — выдающийся церковный иерарх и богослов, бывший митрополит Ленинградский, разделивший со своей паствой в страшные 900 дней блокады все испытания, выпавшие на долю осажденных. Интронизация Патриарха Алексия состоялась 4 февраля 1945 г. в Богоявленском патриаршем соборе. В ней приняли участие Предстоятели Александрийской, Антиохийской и Грузинской Церквей, а также иерархи, представлявшие Константинопольскую, Иерусалимскую, Сербскую и Румынскую Церкви. Господу было угодно даровать Святейшему Патриарху Алексию долгую и поистине подвижническую жизнь, увенчанную двадцатипятилетним первосвятительством. Усилия Святейшего Патриарха Алексия были направлены на восстановление церковной жизни в районах, подвергшихся временной оккупации, возвращение в лоно Матери-Церкви пастырей и паствы, пребывавших в расколах, благоустроение внутренней жизни Церкви, укрепление и расширение связей с братскими Поместными Церквами, на развитие экуменической деятельности и активное патриотическое и миротворческое служение.

В августе 1946 г. Патриархом Алексием были преобразованы в Московские духовные академию и семинарию Московский Богословский институт и Богословско-пастырские курсы, позднее открыты духовные школы в других городах. Велика была забота Святейшего Патриарха Алексия о духовном просвещении, о плодотворной работе Издательского отдела Московского Патриархата.

В июле 1948 г. в Москве состоялось празднование 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви. На этом высоком форуме укрепилось братское содружество Поместных Православных Церквей. Во время торжеств было проведено Совещание Глав и представителей Поместных Православных Церквей и Армянской Апостольской Церкви по ряду насущных вопросов церковной жизни и миротворчества.

За время пребывания Святейшего Патриарха Алексия на Московском Патриаршем престоле Русская Церковь даровала автокефалию Польской (1948), Чехословацкой (1951) Поместным Церквам, Православной Церкви в Америке (1970) и автономию в юрисдикции Московского Патриархата Японской Православной Церкви.

Укреплению всеправославного единства в большой мере содействовали поездки Патриарха Алексия в Грузию (1945) и Болгарию (1946), Югославию и Румынию (1962), на Ближний Восток и Балканы (1945 и 1958), паломничества во Святую Землю (1945 и 1960), посещение Турции (1960), Египта, Ливана и Сирии (1945 и 1960), личные встречи с Предстоятелями Поместных Церквей. Представители Русской Православной Церкви приняли деятельное участие в четырех Всеправославных Совещаниях Поместных Православных Церквей в 1961, 1963, 1964 гг. на о-ве Родосе и в 1968 г. в Женеве. На этих Совещаниях были рассмотрены вопросы подготовки Великого и Святого Собора Православной Церкви, отношения Православия с рядом инославных исповеданий, со Всемирным Советом Церквей и др. Служение христианскому единству выразилось в развитии братских отношений Русской Православной Церкви с Англиканской, Старокатолической, Древними Восточными (нехалкидонскими) Церквами, с Римско-Католической Церковью, а также с различными протестантскими конфессиями. Все это подготовило вступление Русской Православной Церк-

ви в 1961 г. во Всемирный Совет Церквей и ее деятельное участие в экуменическом движении, основанное на свидетельстве об Истине Православия. На протяжении многих лет постоянный член Советского комитета защиты мира, Святейший Патриарх Алексий был инициатором нескольких миротворческих встреч и конференций, дважды возглавлял конференции в защиту мира всех Церквей и религиозных объединений в СССР (1952 и 1969). «В истории народов и религий,— говорил Патриарх Алексий,— пожалуй, впервые произошло такое удивительное сближение христиан всех исповеданий с представителями магометанской, буддийской и иудейской религий» (*Патриарх Алексий.* Слова, речи, послания... М., 1963. Т. IV. С. 213).

В начале 60-х годов, в период гонений, воздвигнутых на Русскую Православную Церковь при Н. С. Хрущеве, Патриарх Алексий I предпринимал немало усилий, чтобы встретиться с руководителями советского государства и правительства и остановить процесс массового закрытия храмов.

Жесткий курс на искоренение Церкви и т. н. «религиозных пережитков», провозглашенный партийными лидерами, имел самые неблагоприятные последствия, вызвал массовые гонения и дискриминацию верующих, привел к позорному сотрудничеству некоторых клириков и иерархов с тайными службами государственной полиции (КГБ).

После кончины Патриарха Алексия, 17 апреля 1970 г., Митрополит Крутицкий и Коломенский Пимен (Извеков), в соответствии с «Положением об управлении Русской Православной Церковью», как старейший по хиротонии член Синода вступил в должность Местоблюстителя Московского Патриаршего престола.

2 июня 1971 г. Поместный Собор Русской Православной Церкви единодушно избрал Митрополита Пимена Патриархом Московским и всея Руси. Интронизация **Патриарха Пимена** состоялась 3 июня 1971 г. в Богоявленском патриаршем соборе в Москве.

Под его руководством Русская Православная Церковь стремилась к дальнейшему развитию межправославных отношений, к углублению православного единства, к расширению экуменической деятельности. Этому содействовали поездки Святейшего Патриарха Пимена к Предстоятелям Православных Церквей в

Турции, Египте, Сирии, Ливане, Иордании, Израиле, Югославии, Румынии, Болгарии, на о. Кипре, в Греции, Чехословакии, Финляндии. Неоднократно Святейший Патриарх Пимен имел встречи с Предстоятелями Грузинской Православной Церкви. Впервые в истории Русской Православной Церкви Святейший Патриарх Московский и всея Руси посетил Святую Гору Афон (1972) — центр православного иночества. Развивая братские отношения с Древними Восточными (нехалкидонскими) Церквами, Патриарх Пимен посещал Армянскую Апостольскую Церковь, Эфиопскую Церковь, Ортодоксальную Сирийскую Церковь — Католикосат Востока, Индию. В 1973 г. он посетил центр ВСЦ в Женеве.

По инициативе Патриарха Пимена состоялись всемирные миротворческие конференции религиозных деятелей в Москве в 1977 и 1982 гг. Их участники проявили достаточное единодушие в понимании жизни как священного дара Божия, в стремлении сохранить этот дар для наших потомков, спасти планету от ядерной катастрофы.

В 1986 г. Синод Русской Церкви выступил со специальным посланием «О войне и мире в ядерный век». В этом важном документе подчеркнуто, что ядерная война абсолютно недопустима. Богословский анализ проблем войны и мира в современную эпоху, изложенный в Послании, позволяет считать, что мир не только дар, но и задача; защита мира — задача Церкви. Послание составлено в духе провозглашенного тогда «нового мышления» и явилось, в известной мере, данью новой реальности, учитывающей формирование общепланетарного сознания.

С началом так называемой «перестройки», провозглашенной М. С. Горбачевым, Русская Церковь во главе с Патриархом Пименом, как и следовало ожидать, приветствовала новый курс советского руководства.

Патриарх Пимен возглавил юбилейные торжества, посвященные 1000-летию Крещения Руси (1988 г.), и празднества по случаю 400-летия установления Патриаршества на Руси (1989 г.). Эти годы стали переломными во взаимоотношениях между Русской Церковью и Советским государством. Уже в 1988 г. Русская Церковь смогла возвратить около 700 ранее закрытых приходов. Начали открываться семинарии, духовные

училища и монастыри, насильственно упраздненные ранее,— в Киеве, Смоленске, Минске, Кишиневе, Тобольске, Ставрополе и других городах. Сошла на нет и практически прекратилась, оказавшись нежизнеспособной, атеистическая пропаганда. Стало очевидно, что отделенную от государства Церковь невозможно отделить от гражданского общества.

После кончины Патриарха Пимена в 1990 г. на кафедру всероссийских патриархов избрали митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия (Ридигера). 10 июня 1990 г. состоялась интронизация **Патриарха Алексия II** в Богоявленском кафедральном соборе Москвы. Начало первосвятительства нового Патриарха стало свидетельством обнадеживающих перемен. Уже 16 июня в «Известиях» появилось большое интервью Его Святейшества «Вера без дел мертва». В полном соответствии с духом гласности и евангельского утверждения правды, Патриарх Алексий II решительно осудил дискриминационное «Положение о религиозных организациях», принятое советским правительством в 1929 г. Вскоре Патриарх дал вполне объективную оценку Декларации 1927 г. Митрополита Сергия: «Ему, находившемуся под страшным давлением, пришлось заявить вещи, далекие от истины».

Несмотря на позитивное изменение политики государства по отношению к Церкви, Патриарх Алексий II столкнулся с новыми и довольно сложными проблемами (см.: *Никитин В.* Новый Патриарх — новые проблемы.— Русская мысль. 1990. 29 июня.).

К чести Его Святейшества, следует сказать, что он оказался на высоте своего положения, заговорив в полный голос, свободно и ясно. Оценивая историю последних семидесяти лет периода «вавилонского пленения» Церкви безбожной властью, Патриарх подчеркнул:

«Даже забыв Бога, русский народ не перестал быть Богоискателем. Не мог и Бог оставить страну, столь искренне возлюбившую Его в своей прежней истории. И 1000 лет христианского воспитания народа не могли исчезнуть бесследно. Даже светская культура прошлого, основанная на христианских ценностях, была залогом будущего духовного возрождения».

В другой речи, по случаю 73-летия Октябрьской революции, Патриарх выразил мысли, которые в наше смутное время особенно актуальны:

«...Нет такой политической, национальной, культурной идеи, цена которой превышала бы цену человеческой жизни. Пусть Октябрь Семнадцатого года нам напомнит: единство народа легко расколоть, но собирать его затем воедино придется, отсекая оказавшиеся «лишними» части его живого тела. И пусть все минувшие годы один за другим встанут в нашей совести и будут нас умолять не платить человеческими судьбами за эксперименты и принципы политиков... Не допустите духу братоненавидения и зловоздаяния еще раз справить свой бал в России! *«Итак, смотрите, поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые, дорожа временем, потому что дни лукавы»* (Еф. 5, 16), а *«доколе есть время, будем делать добро всем»* (Гал. 6, 10)».

Этот евангельский принцип, сформулированный в свое время как настоятельный призыв приснопамятным доктором Ф. П. Гаазом (1783 — 1853) — «Спешите делать добро!»,— стал лейтмотивом в дальнейших высказываниях и практической деятельности Патриарха.

В драматические дни августа 1991 г., когда во весь рост встала угроза братоубийственной гражданской войны, Алексий II, подобно святителю Тихону, сказал единственно верные слова о том, что пролитие невинной крови безоружных людей есть «тягчайший грех, отлучающий от Церкви».

Стремление Патриарха Алексия II вернуть жизнь Русской Церкви в каноническое русло, определенное священномучеником Патриархом Тихоном, сталкивается с инерцией застоя, вызывает сопротивление высшей церковной бюрократии и противодействие беспринципных политиков, скомпрометированных угодничеством и сотрудничеством перед власть имущими.

Сумеет ли Патриарх, в полной мере признав свои ошибки, прислушаться к голосу церковной общественности? Лишь в этом случае Поместный Собор Русской Церкви, созванный на основе самого широкого демократического представительства клириков и мирян, с участием делегатов Русской Зарубежной и Катакомбной Церкви, станет выражением духа подлинной соборности, сможет открыть новую и достославную страницу в истории русского Православия.

Валентин Никитин

Крещение Руси и отечественная культура*

Исполнилось 1000 лет со времени крещения Руси. Генеральная Ассамблея ЮНЕСКО призвала все государства-члены отметить эту дату как крупнейшее событие мировой истории и культуры.

Крещение Руси — та точка отсчета, с которой начинается нравственное совершеннолетие русского народа, становление его Церкви, государственности и культуры. «Высшие формы культуры X—XIII вв. — письменность, общественная мысль, литература, живопись, зодчество — были тесно связаны с основным культурным событием того времени — принятием и распространением христианства»,— отмечает академик Д. С. Лихачев.

Благодаря заметному улучшению атмосферы в нашем обществе, особенно за последние годы, юбилей получил большой резонанс в самых широких научных, культурных и, разумеется, церковных кругах. Отношение общественности к этому событию заинтересованное и благожелательное. Выражением такого отношения стало, в частности, недавнее решение Советского правительства о передаче Русской Церкви знаменитого монастыря — Оптиной пустыни, история которого связана с жизнью и творчеством великих русских писателей Гоголя, Достоевского, Л. Толстого.

Советское государство отдает должное усилиям Русской Церкви в деле сохранения и упрочения мира, ее позитивной роли в укреплении семьи, правопорядка и нравственности, в восстановлении многих историко-архитектурных памятников, что само по себе имеет общекультурное и воспитательно-патриотическое значение. «Человечество и его культура не могут не быть раздробленными, если не руководятся высшими задачами духа,— писал выдающийся ученый-энциклопедист Павел Флоренский. — Большинство культур было именно прорастанием зерна религии, горчичным деревом, разросшимся из семени веры».

---

* Знамя. 1988. № 8. С. 162 — 170.

Сегодня нужен синтез нового политического мышления, науки и культуры в ее широком понимании, с учетом тех или иных религиозных традиций, которые несут положительный заряд гуманистической нравственности. Это принципиально важно для созидания международного доверия, для продолжения и развития диалога и сотрудничества между Востоком и Западом.

Действительный плюрализм и подлинная социалистическая демократия допускают достаточно широкие рамки для взаимопонимания и сотрудничества представителей различных мировоззрений, верующих и неверующих, всех людей доброй воли, объединенных общим устремлением и общей надеждой — сохранить мир, обеспечить счастливое будущее для грядущих поколений.

Оглядываясь на 1000-летний путь, пройденный Русской Церковью, отечественной культурой и государственностью, мы по-новому осознаем их взаимосвязь и взаимообусловленность: становится очевидно не только исключительное значение православия в истории России, но и исключительное значение России в судьбах православия.

В середине X века в состав Киевской Руси как государственного образования входили различные славянские племена на обширных пространствах Восточной Европы — от Причерноморья до Западной Двины. Несмотря на генетическую и этническую близость, духовного единства между ними не было: языческое многобожие не только не способствовало, но и мешало этому. Славяне-язычники поклонялись духам природы, у них бытовали пережитки ритуальных человеческих жертвоприношений, многие варварские обычаи основывались на законе кровной мести.

Неудивительно, что власть киевских князей была менее устойчивой, чем верховная власть в соседних, принявших христианство странах — Болгарии, Чехии, Венгрии и Польше (не говоря уже о Византии).

Известно летописное предание о «выборе вер», согласно которому Киевский князь Владимир отправил посланцев в чужие земли, чтобы узнать, как ве-

руют соседи. Достоверность этого предания спорна, но, безусловно, оно отражает реальное положение: Русь в X веке стояла на распутье. Единое государство не могло более жить разрозненными языческими верованиями. Историческая необходимость требовала универсальной и «интернациональной» религии — ведь русское государство с самого начала было многонациональным союзом не только славянских, но и финно-угорских, некоторых тюркских и других племен. Именно Христианство, в котором все народы равны перед Богом, обеспечивало в тех условиях возможность дальнейшего историко-культурного прогресса.

Считая принятие веры делом не частным, а общественным, князь Владимир, по преданию, устроил богословский диспут, о котором мы узнаем из повествования Нестора Летописца. Выслушав магометанского, христианских (латинянина и грека) и иудейского проповедников, князь Владимир избрал христианство. Вопрос о крещении был передан на рассмотрение собрания старейшин, которые решили «испытать веру» на месте. Отправленные с этой целью в Византию русские посланцы были восхищены красотой богослужения у греков, в Софийском соборе Константинополя. Это обстоятельство оказалось решающим для выбора воспреемников при крещении. Не случайно русские богословы определяют православие как «любовь к красоте, умную красоту и духовное художество».

Интересно, что в скандинавской саге «Хеймскрингла» (XII—XIII вв.), посвященной королю и христианскому просветителю Норвегии Олафу Тригвасону, повествуется о том, что в бытность свою на службе у князя Владимира после возвращения из Константинополя, где Олаф крестился, он своими уговорами помог обращению Владимира.

Языческие волхвы не смогли оказать серьезного сопротивления; по приказу великого князя все идолы были уничтожены, главный из них — Перун низвергнут в Днепр. Вот как, основываясь на русских летописях, описывает крещение Руси М. В. Ломоносов:

«По сем назначил Владимир день всему народу киевскому для принятия святого крещения, объявив, что ежели кто в установленное время не явится на реке

Почайной (приток Днепра), тот Господу Богу Иисусу Христу и ему будет противник. Собралось неисчислимое множество народа на указанный день и место. И сам великий самодержец со всем синклитом и освященным собором украсил присутствием великое сие действие и чудное позорище. На берегу на плотах стоят облаченные священники и диаконы, река наполнена обнаженными людьми всякого возраста и пола: иные в воде по колена, иные по пояс, другие по шею — моются, купаются, плавают. Между тем читают крещальные молитвы; каждый по особливом погружении получает в крещении имя и помазание миром» («Древняя Российская история»).

Крещение киевлян совершилось летом 988 года, вероятно, 1 августа. Существует мнение, что именно в память об этом в Русской Церкви установлено совершать чин малого освящения воды 1 августа. Сам князь Владимир принял крещение за год до того; по некоторым данным, в Херсонесе (Корсуни), по другим — в Киеве или близ Киева — Василеве (ныне город Васильков). По преданию, после крещения с ним произошла изумительная перемена. Известный беспутством, князь Владимир распустил свой гарем. В браке с византийской царевной Анной проявил себя преданным супругом, своим примером содействуя утверждению христианского единобрачия на Руси. В делах управления и в личной жизни князь Владимир стал руководствоваться евангельскими принципами любви и милосердия. Он неизменно заботился о нуждающихся, «раздавая имение убогим и нищим, и странникам, и по церквам и по монастырям».

988 год стал переломным для русской истории. Именно тогда в лоне церкви и государственности были посеяны семена единой национальной культуры. Церковное богослужение требовало широкого распространения грамотности и развития искусства. В течение многих столетий школа и просвещение оставались на Руси преимущественно церковными. Выдающиеся достижения русской архитектуры, живописи и музыки воплощались в церковных памятниках. И поныне непревзойденной вершиной в мировой живописи остается древнерусская икона. Православие как религия одухотворенной любви и красоты наложило печать гуманности на древнерусские гражданские законы.

Наиболее значительные и достоверные свидетельства, объясняющие обращение князя Владимира в христианство и крещение Руси, мы находим у трех русских писателей XI века: Митрополита Киевского Илариона, монаха Иакова и преподобного Нестора Летописца, автора «Повести временных лет».

В похвальном слове князю Владимиру Митрополит Иларион писал: «Пришло на него посещение Вышнего... и воссиял в сердце его разум; он уразумел суету идольского заблуждения и взыскал Единого Бога, сотворившего все видимое и невидимое».

Монах Иаков подчеркивает влияние на Владимира рассказов его бабки, великой княгини Ольги, которая приняла крещение в Константинополе, на три десятилетия раньше.

Нестор Летописец объясняет крещение Владимира мистическими мотивами — явлением ему Христа и повелением креститься.

Все три писателя указывают, что Владимир настойчиво и вдохновенно утверждал свой план полной христианизации Руси: «Крести же всю землю рускую от конца и до конца». И действительно, еще при жизни князя Владимира (умер в 1015) Русь почти повсеместно приняла крещение. Епископские кафедры были основаны в Киеве, Белгороде, Владимире-Волынском, Чернигове, Туровске, Полоцке, Переяславле, Новгороде Великом, Ростове Великом, Тмутаракани. По всей Руси в городах и селах воздвигались храмы.

Успех христианизации объясняется не только тем, что православие не противоречило русскому национальному характеру, но и тем, что истины новой веры прозвучали на родном славянском наречии: к этому времени появились переводы Евангелия и богослужебных книг, осуществленные создателями славянского алфавита братьями-просветителями Кириллом и Мефодием.

Старославянский литературный язык, разработанный благодаря этим переводам, стал общегосударственным языком Киевской Руси, «столпом и утверждением» просвещения и культуры, подтверждением генетического и духовного единства всего славянского мира. «Древний греческий язык,— писал А. С. Пушкин,— открыл ему (славянскому) свой лексикон, сок-

ровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи...»

Здесь уместно сказать, что большинство европейских народов вплоть до эпохи Реформации (XVI в.) пользовалось латинскими и греческими текстами, не имея переводов Нового Завета на свои национальные языки.

С крещением Руси связано и введение византийского юлианского календаря, принятого тогда в Европе. Он появился на Руси в X веке как результат ее приобщения к христианской культуре.

Народная память, сохранявшая образ Единой Руси, какой она была при князе Владимире, вдохновлялась этим образом впоследствии, в период татаро-монгольского ига, черпала в былом идеале духовные силы, необходимые для борьбы за национально-государственное возрождение. Князь Владимир по достоинству получил в народных былинах и сказаниях прозвище «Владимир Красное Солнышко». Память его чтилась церковью уже в следующем поколении, при сыне его великом князе Ярославе Мудром (1019—1054), который продолжил дело отца.

При нем, по словам летописца, «начала вера христианская плодиться и распространяться; и черноризцы (монахи) стали множиться, и монастыри появляться».

Будучи исключительно образованным человеком, знающим европейские языки, Ярослав Мудрый содействовал сооружению «множества церквей», в том числе знаменитых Софийских соборов в Киеве и Новгороде Великом.

В 1051 году был основан Киево-Печерский монастырь, ставший центром духовного просвещения на Руси. В нем переписывались и переплетались книги, осуществлялись переводы, достигло больших успехов искусство иконописания. Первые русские иконописцы — монахи Киево-Печерского монастыря преподобный Алипий (умер ок. 1114) и Григорий (XI в.) были достойными учениками греческих мастеров.

В 1025 году Ярослав Мудрый открыл в Новгороде училище, в котором обучали грамоте и наукам триста юношей. Тогда же при Софийском соборе Новгорода была учреждена первая на Руси публичная библиотека. Впоследствии летописцы, желая похва-

лить Владимира и Ярослава, говорили: «Владимир взорал (вспахал) землю русскую, Ярослав засеял книжною мудростию, а мы пожинаем плоды их».

Но языческие суеверия и верования, различные пережитки язычества еще долгое время продолжали существовать на Руси. Отсюда так называемое «двоеверие» (смешение языческих и христианских элементов). В святочных обычаях, например, сохранялись отголоски древних языческих праздников и мистерий, связанных с днем зимнего солнцестояния и поворотом солнца на лето. Достаточно вспомнить балладу В. А. Жуковского «Светлана». Вообще надо сказать, что православие, пришедшее на Русь, сопровождалось множеством различных апокрифических сказаний и было ярко расцвечено богатой народной фантазией.

И все же, хотя отдельные «вкрапления» язычества еще оставались, вся жизнь и весь быт русского человека были оцерковлены. Христианские праздники стали основными календарными вехами, определявшими ритуал труда и отдыха, начало и конец земледельческих работ. Это хорошо показал Василий Белов в своих очерках о народной эстетике «Лад»: «Деревенские праздники, обусловленные православным календарем, служили не одному веселью или отдыху. Они же несли в быт организующее начало, упорядочивали трудовую стихию, были своеобразными вехами, главными ориентирами духовной и нравственной жизни».

Соотнесение язычества с христианством представляет значительный интерес для изучения русской средневековой культуры. Современный исследователь А. Л. Топорков отмечает: «Игнорирование христианских верований как якобы легкого покрова, под которым всегда обнаруживается языческая старина, мешает должным образом оценить вклад древнерусской культуры в национальную культуру и ограничивает возможности исторического изучения фольклора».

Привнеся в русскую жизнь новое миропонимание, православие оказало всестороннее влияние на русскую культуру и письменность. Оно культивировало представление об абсолютной ценности человеческой личности, вместо языческой «свободы» от этических

норм утверждало общий для всех нравственный кодекс, основанный на чувстве вины и голосе совести; православную культуру по праву можно считать «культурой совести». Об этом свидетельствуют дошедшие до нас памятники Древней Руси: «Слово о Законе и Благодати» Митрополита Киевского Илариона (умер в 1088), историческая хроника «Повесть временных лет» Нестора Летописца (1056—1113), сборник жизнеописаний святых «Киево-Печерский патерик» (XII — начало XIII в.), слова и послания епископа Туровского Кирилла (умер в 1183), «Моление Даниила Заточника» (конец XII — начало XIII в.) и другие. Они впитали в себя лучшие традиции византийского красноречия. Подлинный шедевр древнерусской литературы — всемирно известное «Слово о полку Игореве» (1187). Эти произведения стали ядром не только стремительно расцветшей самобытной литературы Киевской Руси, но и всей древнерусской литературы. Былинный и сказочный эпос, народные песни, сказания, пословицы, а впоследствии «духовные стихи» вобрали в себя радостный дух первохристианства.

В истории Руси запечатлелась огромная созидательная энергия и поистине выдающаяся культурная роль Русской Церкви. С X по XIII в. на Руси было построено около 10 тысяч храмов и 200 монастырей. Тысячи рукописных книг, значительная часть которых пришла из Болгарии, Сербии и с Афона, получили широкое распространение. С закладки храма и крепости (кремля), как правило, начиналось основание нового города. Так возникла русская градостроительная традиция. В этот период были построены Суздаль и Муром, Владимир и Ростов Великий, Ярославль, Углич, Тверь, Нижний Новгород, Переславль-Залесский и многие другие города. Русь по праву удостоилась наименования «страна зодчих».

В середине XII — начале XIII в. смоленский князь Роман Ростиславич, владимирский князь Всеволод Большое Гнездо и его сын Константин значительные средства тратили на строительство и содержание церковноприходских народных школ. Киев и Смоленск, Новгород и Владимир можно, безусловно, считать образцовыми, весьма благоустроенными по тогдашнему уровню европейскими городами.

Найденные в наше время новгородские берестяные грамоты красноречиво свидетельствуют о широкой об-

разованности всех сословий в Древней Руси. Судя по ним и надписям «граффити», по старинным сказаниям и былинам, запечатлевшим много конкретных черт древнерусской жизни, грамотность и образованность в Новгороде Великом были общедоступны. Православная культура шире и глубже, чем в других центрах Древней Руси, проникала здесь в массы населения. Древнейшая русская датированная рукопись «Остромирово Евангелие» была написана в 1057 году в Новгороде по заказу посадника Остромира. Новгородские летописи принадлежат к древнейшим русским историко-литературным памятникам. Они легли в основу Воскресенского собрания рукописей, хранящегося ныне в Государственном Историческом музее. В 1136 году новгородский математик иеродиакон Кирик составил замечательный памятник древнерусского календаря — «Учение имже ведати человеку числа всех лет».

Когда наступил период феодальной раздробленности, Русская Церковь осталась единственной носительницей идеи национального и государственного единства. В любом княжестве, чьим бы гражданским подданным ни был русский человек, у него оставался один и тот же духовный владыка — митрополит Киевский и всея Руси. Служители церкви сурово осуждали распри и междоусобицы удельных князей.

Феодальная раздробленность послужила главной причиной того, что Русь не смогла дать отпора татаро-монгольскому нашествию. Полчища хана Батыя в 1240 году захватили и сожгли матерь городов русских — Киев, разрушили храмы, предали поруганию Киево-Печерскую Лавру, расхитили и уничтожили многие бесценные сокровища русской культуры.

Два с половиной века татаро-монгольского ига были для русского народа не только эпохой жесткого внешнего давления, но и временем незримой внутренней работы по собиранию духовных и нравственных сил. Русские люди сохранили веру своих отцов и дедов, свои национальные и культурные традиции.

Одновременно с политическим «собиранием Руси» шло «культурное собирание»: оба эти процесса вдохновлялись общенациональными задачами, в их осуществлении большую роль играла Церковь.

Испытывая суеверный страх пред неведомым Богом христиан, татары считались с русским духовенством. Церковь старалась утишить и облегчить скорби народа, примирить враждующих князей, направить их усилия на созидание единой Руси. Это принесло добрые плоды, поверженная страна начала возрождаться к жизни.

В 1299 году при родоначальнике московских князей Данииле (1261—1303) митрополичья кафедра была перенесена из Киева во Владимир-на-Клязьме. В 1325 году Митрополит Петр (1308—1326) переехал из Владимира в неприметную, затерянную в лесах деревянную Москву, предсказав ей будущее величие. Его преемник Митрополит Феогност (умер в 1353) окончательно утвердил в Москве митрополичью кафедру, что предопределило ее превращение в столицу государства.

В течение семи лет (1326—1333) Московским князем Иваном Калитой были возведены в новом первопрестольном граде семь каменных храмов. Московские мастера успешно развивали искусство владимирских зодчих, создавших русскую национальную школу архитектуры.

Духовной твердыней, на которую опиралась новая русская столица, стал Троицкий монастырь, основанный преподобным Сергием Радонежским (ок. 1314—1392). Отсюда началось собирание Руси в единое государство. Здесь в 1380 году св. Сергий Радонежский благословил на ратный подвиг князя Димитрия Донского, вооружил его верой в победу, дал ему в подкрепление двух своих любимых учеников, иноков-богатырей Пересвета и Ослябю.

Победа над ордами Мамая на Куликовом поле досталась нам великой ценой. Лишь один из десяти русских воинов вернулся домой. С 1380 года Церковь установила литургическое совершение Вечной памяти о всех павших там.

Объединение Москвой русских земель, которому всемерно содействовала Церковь, воодушевило и сплотило русский народ, вызвало мощный патриотический подъем, способствовало росту национального самосознания и культуры.

В. О. Ключевский справедливо писал: «Московское государство родилось на Куликовом поле». В то время на русский язык были переведены многие творения

византийских церковных писателей: св. Василия Великого, Исаака Сирина, Иоанна Лествичника, Максима Исповедника, Симеона Нового Богослова и других.

Интересно отметить, что под влиянием духовно-патриотического подъема в Москве и Владимире в начале XV века появились первые высокие иконостасы. Образцом для них стал иконостас Благовещенского собора в Московском Кремле, расписанный гениальными художниками Феофаном Греком, преподобным Андреем Рублевым и Даниилом Черным.

Многоглавые русские храмы с маковками и луковками, устремленными к небу, как пламя свечей, столь разнообразны в облике, пропорциях, убранстве и деталях, что не устаешь удивляться мастерству и воображению русских зодчих, их самобытному таланту.

В XIV — начале XV в. на Руси были созданы замечательные литературные памятники: «Житие митрополита Петра», «Задонщина», «Сказание о Мамаевом побоище», «Житие Сергия Радонежского» и другие. Значительное распространение получило местное летописание.

Духовное и культурное возрождение Руси выразилось в расцвете церковного зодчества и иконописи. В конце XIV века в Московском Кремле была возведена каменная церковь в честь Воскрешения праведного Лазаря, расписанная в 1395 году Феофаном Греком и Симеоном Черным. Вдова великого князя Димитрия Донского Евдокия основала первый в Москве девичий монастырь. Успешно развивались различные художественные ремесла, ювелирное искусство (в частности, искусство скани), книжная миниатюра. Свою знаменитую «Троицу» Андрей Рублев написал в похвалу св. Сергию Радонежскому, выразив в этой иконе идею единения и взаимной любви.

Привлеченные размахом строительства, в Москву перебирались лучшие зодчие и художники, мастера-ремесленники из Владимира и Твери, Новгорода и Пскова. Их неустанными трудами Москва превращалась в белокаменную и златоглавую столицу новой великой державы.

Книжная миниатюра и книжный орнамент, резьба по дереву, кости и камню, металлическое литье и бронзовая скульптура, церковная музыка и пение — во всех этих видах искусства русские мастера создали

неповторимые шедевры. В росписях новгородских иконописцев того времени заметно влияние византийского искусства, например, в знаменитых фресках Феофана Грека и его учеников; творчески усваивая это влияние, новгородские и псковские художники создали оригинальную школу иконописи. Лучшие традиции Андрея Рублева, продолжил другой гениальный русский художник — Дионисий, работавший вместе со своими сыновьями во второй половине XV — начале XVI в.

В 1480 году окончательно пало ордынское иго. На смену униженной и политически раздробленной Руси пришла свободная и внутренне окрепшая великая Русь — Россия.

К этому времени весь лесистый север страны покрылся сетью крупных монастырских хозяйств. «Вокруг монастырей оседало бродячее население, как корнями деревьев сцепляется зыбучая песчаная почва... Многочисленные лесные монастыри становились опорными пунктами крестьянской колонизации: монастырь служил для переселенца-хлебопашца и хозяйственным руководителем, и ссудной кассой, и приходской церковью, и, наконец, приютом под старость»,— писал В. О. Ключевский. Издревле существовавший на Руси обычай делать вклады в монастыри («на помин души») иконами превращал их в сокровищницы национальных художественных святынь.

Благодаря деятельности монастырей началось мирное освоение огромных земельных пространств. Оно шло одновременно с широкой просветительской и миссионерской деятельностью. Епископ Стефан (умер в 1396), просветитель зырян, изобрел для них азбуку, перевел необходимые книги, открыл училище для обучения грамоте. Монахи Сергий и Герман (умерли в 1353) основали Валаамский монастырь на островах в Ладожском озере. Савватий (умер в 1438) и Зосима (умер в 1478) положили начало крупнейшему на севере Европы Соловецкому монастырю на островах Белого моря. Феодорит Кольский (начало XVI в.) был просветителем лопарей. Его труды продолжил в середине XVI века Трифон Печенгский, основавший монастырь на Кольском полуострове.

В 1453 году произошло событие, потрясшее весь европейский мир: под натиском турок пал Константи-

нополь и вместе с ним пала тысячелетняя Византия, Московская Русь стала ее исторической преемницей. В этих условиях в России возникла новая церковно-государственная концепция, получившая название «Москва — Третий Рим».

Великий князь Московский Иван III (1462—1505) по праву именовался уже «Государем всея Руси». При нем была осуществлена реконструкция Московского Кремля, который превратился в могучую крепость. Центром Кремля стал Успенский собор, возведенный по проекту итальянского зодчего Аристотеля Фиораванти. Белокаменные соборы с золотыми куполами, сонм многоцветных церквей и часовен, палат и хором, могучий треугольник зубчатых стен с башнями, вознесшимися над излучиной реки, в ярких архитектурных образах воплотили идею единства России. Москва превратилась в столицу могучей державы с широкими международными связями, которая заняла достойное место среди цивилизованных государств Европы.

В Москве и ее окрестностях были основаны Богоявленский (1460), Новоспасский (1462), Воскресенский (1479), Николо-Угрешский (1488), Космодамиановский (1498) и другие монастыри. Много новых монастырей появилось и в других русских городах.

Большим успехом русской культуры стало начало книгопечатания. При содействии Митрополита Макария в Москве была устроена первая типография, из которой в конце 50 — начале 60-х годов XVI века вышел основной круг богослужебных книг. Первой точно датированной московской печатной книгой, изданной русским первопечатником диаконом Иваном Федоровым, был «Апостол» (1564). История сохранила имена архиепископа Новгородского Геннадия (под руководством которого был осуществлен первый славянский перевод всей Библии), выдающегося переводчика и философа-гуманиста Максима Грека, видного богослова Зиновия Отенского и других.

По мере укрепления Русского государства и возрастания авторитета Русской Церкви назревал вопрос об учреждении Московского Патриаршества. Митрополит Московский святитель Иов был избран на Соборе 1589 года первым Московским Патриархом.

Учреждение Патриаршества благотворно сказалось на развитии русской культуры. Москва стала общерусским духовным и государственным центром, в котором трудились выдающиеся представители национальной культуры, создавались литературные памятники и летописные своды.

В так называемое Смутное время в начале XVII века, в годы тяжелых для России испытаний, когда в страну вторглись польско-литовские и шведские интервенты, Русская Церковь была верна своему патриотическому долгу. В народной памяти неизгладим самоотверженный подвиг иноков Троице-Сергиевской Лавры, более года выдерживавших осаду. По всей России расходились грамоты Патриарха Гермогена (1606 — 1612) с призывом твердо стоять за Отечество. Благодарности потомков заслуживают усилия Патриарха Никона по воссоединению Украины с Россией (1654).

Богатые культурные традиции Юго-Западной Руси оказали заметное влияние на развитие отечественной культуры. Воспитанники основанной в 1632 году Киево-Могилянской академии были приглашены в специально учрежденный в Москве в 1649 году Андреевский монастырь. В 1687 году на его основе была создана Славяно-греко-латинская академия. Она стала крупнейшим центром просвещения в России. Видными представителями академической науки в то время были митрополит Ростовский Дмитрий Туптало (1651—1709), автор нового агиографического свода; митрополит Киевский Петр Могила (умер в 1647); писатели Епифаний Славинецкий (умер в 1675) и Симеон Полоцкий (1629 — 1680); первый доктор философии в России Палладий Роговский (умер в 1703).

Украинско-белорусские зодчие оказали влияние на распространение в России нового архитектурного стиля — «московского барокко». Наиболее известные сохранившиеся памятники московского барокко — храм Покрова в Филях, церкви Спаса в селе Уборы, Знамения в Дубровицах.

Отличительной чертой нового периода русской культуры, начавшегося во второй половине XVII века, было обращение к достижениям западноевропейского реалистического искусства (Симон Ушаков, Иван Максимов, Василий Познанский и другие). В это время

заметно ослабевает влияние древнерусского церковного искусства.

В XVIII веке в результате усиливающегося влияния протестантского Запада и секулярных реформ, осуществленных Петром I, внутренне единая русская культура претерпевает постепенную трансформацию, разделяясь на «культовую» (церковную) и светскую. Но это уже особая тема.

Здесь мы коснулись только «допетровского» периода, который наиболее ярко характеризует тесную связь отечественной культуры с Церковью и духовным просвещением, сохраняя прямую преемственность с эпохой Крещения Руси. И в более поздние времена, конечно же, были значительные деятели культуры, радевшие о ее единстве, но трещина между «двумя культурами» продолжала расти и углубляться.

Благодаря подвигу реставраторов, возродивших немало прекрасных шедевров на рубеже XIX—XX вв. и в наши дни, древняя церковная традиция в какой-то мере ожила, возродилась. Велика в этом отношении заслуга Всесоюзного общества охраны памятников.

Несмотря на многие утраты, национально-духовные основы древнерусской культуры не забыты. Сегодня, как никогда ранее, мы отдаем себе отчет в том, что богатейшее художественное наследие Древней Руси представляет собой общенародное, а отнюдь не узкосословное явление.

«Жизненно необходимо, чтобы народ понимал свою историческую преемственность в потоке чередующихся времен,— из чувства этого и вызревает главный гормон общественного бытия, вера в свое национальное бессмертие»,— писал Леонид Леонов.

В удивительной гармонии архитектурных и иконописных форм, во всем строе православного богослужения, которое является синтезом искусств, сияет и поныне нетленная красота. Эстетика храма, храмового действа удивительно притягательна.

Наша сегодняшняя задача, одна из первостепенных,— беречь и преумножать великие традиции русской тысячелетней культуры, утвердившей приоритет духовных ценностей над материальными запросами. Это поистине святые традиции. Память народная, таинственная связь с давно отошедшими поколениями, которые положили начало России и отстояли ее в веках,— залог созидания и обновления.

Валентин Никитин

Русское благочестие и святость*

> **Ты святися, наша мати — Земля Святорусская! На твоем ли просторе великом, на твоем ли раздолье широком труждаются святые угодники, подвизаются верные подвижники...**
>
> *Вяч. Иванов*

В христианстве, религии целостного спасения всего человечества и всего мира (новое Небо и новая земля), высшим подвигом является подвиг любви, сердце милующее, разгорающееся «жалостью ко все твари» (преподобный Исаак Сирин), одним словом, — подвиг святости, как пребывания в Боге.

Боговоплощение и Искупление дают нам возможность внутреннего очищения и духовного возрастания, принятие искупительного подвига Спасителя служит источником веры в обожение всего человеческого естества, дабы нам соделаться «причастниками Божеского естества» (2 Пет. 1, 4). К идеалу обожения (теозиса) в условиях земного пространства и времени наиболее близко подходят святые. Этот идеал — духовный идеал всего христианства, как Восточного, так и Западного. С предельной краткостью и ясностью он выражен святителем Афанасием Великим: «Бог вочеловечился, чтобы человек обожился» (Минь. Патрология Греческая. Т. 25. С. 192).

Онтологической основой для теозиса является то, что человек создан по образу Божию (Быт. 1, 27). После искупительного подвига Христова «человек может стать по благодати Божией тем, что Бог есть по существу» (преподобный Максим Исповедник. — Минь. Патрология Греческая. Т. 90. С. 1024).

Лишь после пришествия Христа, — подчеркивает протоиерей Сергий Булгаков, — стали ясны непреходимое расстояние между Христом и теми, которые Христовы (Гал. 5, 24), так же как и близость их к Нему. «Догматическое основание для почитания святых в этой связи именно и заключается. Церковь есть тело Христово, и спасающиеся в Церкви получают силу и жизнь Христову...» (17, С. 260).

Сошествием Святого Духа на апостолов в день Пятидесятницы окончательно утверждена Церковь Христова, пребывая в которой верующий усвояет бла-

---

* Богословские труды. М., 1986. Сб. 27. С. 257 — 265.

годатные дары совершенного Господом спасения (I Тим. 4, 10). Благодатно возрождая, освящая и усовершая верующего, соделывая его наследником и причастником вечной жизни в общении с Богом, христианство является основанием нравственности, началом всякого личного благочестия и святости. «Святые суть те, кто подвигом своей действенной веры и деятельной любви осуществили в себе свое богоподобие и тем явили в силе Божий образ, чем и привлекли к себе изобильную благодать Божию. В этом очищении сердца подвигом души и тела вообще и заключается путь спасения каждого человека...» (17, С. 261).

Укоренившись на Руси в X веке, христианская вера нашла здесь самую благоприятную почву. Дух Православия как нельзя более соответствовал духовному радикализму русской души, ее широте и открытости, ибо перед ней, не скованной нормами европейской цивилизации, ничто не заслоняло реальности Бога. «В русской душе Царство Божие не наталкивалось ни на одно из тех стремлений к омирщению, которые так мощно сказывались в сложившемся под римским влиянием западном мире. Русские не знали ни восточного деспотизма, ни культа императора, ни культа государства» (16, С. 12—13).

В то время как западный человек привык дорожить своим социальным положением, соответственно с жизненными удобствами, русскому человеку, даже знатного происхождения, такой «конформизм» был совершенно не свойствен. Бескрайние просторы русской земли, суровый климат, незащищенность от набегов кочевников — все это порождало некую метафизическую настроенность, говорило о преходящем образе сего мира, содействовало устремленности к горнему. Православие дало верную направленность этим стремлениям, соединив их с жаждой «нового Неба и новой земли», Царства Божия на земле, преобразования жизни и грядущего её преображения.

Идеал святости стал для русского человека высшим моральным идеалом, воплощением непреходящих духовных ценностей.

В результате возникла самобытная духовная традиция, освятившая жизнь русского народа, его национальное и государственное бытие. Эта традиция охватывает все проявление религиозной жизни: богослужение, молитву, почитание икон, культ святых, бла-

готворительность, странничество, старчество. Эту традицию, пожалуй, можно определить одним словом: благочестие.

К середине XVI века, судя по «Книге глаголемой Домострой...», составленной священником Сильвестром, правила благочестия сложились в основательный свод (63 главы). «Домострой» содержит наставления в вере и благочестии, правила житейского благоразумия, основанные на православной вере и простирающиеся вплоть до регламентации домашнего обихода. «Домострой» отнюдь не был символом консерватизма и домашнего произвола, его назначение определялось православным осмыслением божественного Домостроительства. Этот памятник завершил собой ряд духовно-назидательных произведений русской средневековой литературы, начатый в XI веке «Изборником» князя Святослава и блестяще продолженный Владимиром Мономахом в его знаменитом «Поучении» в начале XII столетия. Много места занимают в «Домострое» апология смирения и терпения, осмысление сущности христианского подвига — просветленного принятия креста и страдания.

Другой сборник духовных поучений — «Измарагд» — был более распространен в Древней Руси, чем «Домострой», а впоследствии стал любимым чтением у старообрядцев. Акад. Д. С. Лихачев обращает внимание на особое значение этих памятников в формировании нравственных идеалов Древней Руси, а также на аскетическую литературу, посвященную безмолвию и «умной молитве». «Огромная роль в создании этих идеалов принадлежит литературе исихастов, идеям ухода от мира, самоотречения, удаления от житейских забот, помогавшим русскому народу переносить его лишения, смотреть на лицо и действовать с любовью и добротой к людям, отвращаясь от всякого насилия» (21, С. 58).

Все эти качества являются неотъемлемой частью русской духовности и благочестия, как неоднократно отмечалось многими исследователями. «Русский народ — один из тех немногих народов, которые любят сущность христианства, крест, — писал французский историк Леруа-Волье, — он не разучился ценить страдание; он воспринимает его положительную силу, чувствует действенность искупления и умеет вкушать его терпкую сладость» (цит. по: 16, С. 11).

Сравнивая жизнь русских православных верующих с жизнью инославных христиан, мы видим характерные особенности русского благочестия — теплоту и искренность веры, дух единомыслия и соборности, особую чуткость к лику страждущего Христа:

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.

Ф. Тютчев

Видимые проявления благочестия — молитва, добрые дела (милостыня) и самоограничение (пост) — находят свое выражение в душевной отзывчивости, смирении и милосердии. Кто не молится Богу, не помогает людям и не исправляет своей природы воздержанием, тот чужд всякой религии — так учат и наставляют многие духовные писатели. «В соединении молитвы, милостыни и воздержания действует единая благодать Божия, которая не только связывает нас с Богом (в молитве), но и уподобляет нас Божеству — всеблагому (в милостыне) и ни в чем не нуждающемуся (в воздержании). Молитва, милостыня, то есть делание добра, пост — вот основные обязанности христианина: «Молись Богу с верой, делай добро людям с любовью и побеждай свою природу в надежде будущего воскрешения» (14, С. 66).

К этому необходимо добавить слова, сказанные великим русским святым Серафимом Саровским (1833): «Пост, молитва, бдение и всякие другие дела христианские, сколько ни хороши сами по себе, однако не в делании лишь только их состоит цель нашей жизни христианской, хотя они и служат средствами для достижения ее. Истинная цель жизни нашей христианской — есть стяжание Духа Святого Божьего. Пост же, бдение, молитва, милостыня и всякое Христа ради делаемое добро — суть средства для стяжания Святого Духа Божьего» (10, С. 5).

Кто проводит жизнь добродетельную, «во всяком благочестии и чистоте», со страхом Божиим и хранением своей совести, соблюдая заповеди Господни, тот неизменно достигает плодов духа, по слову апостола: «Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание» (Гал. 5, 22).

По достижении таких плодов христианин хотя и несет труды и подвиги благочестия по-прежнему, но эти труды для него легки и отрадны по причине «благой надежды и помощи свыше от Благодати Божией» (иеромонах Амвросий Оптинский).

Таким образом, личное благочестие не является для православных верующих самоцелью, но должно служить средством для духовного обновления, для рождения нового человека — рождения свыше: «Если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия» (Ин. 3, 3).

Лишь при таком условии можно поставить знак равенства между благочестием и подлинной духовной жизнью — жизнью ума, направленного к созерцанию Бога, жизнью сердца, преисполненного любви к людям, и жизнью воли, свободно устремленной к утверждению личности в Добре и Красоте.

«Православие есть первым долгом любовь к красоте, христианство, понятое как умная красота и духовное художество, и все направленное к его взысканию. Любовь к этой красоте требует, чтобы вся жизнь была пронизана этой красотой — и это и составляет суть Православия» (протоиерей Сергий Булгаков).

Красоту православного богослужения, православных таинств и обрядов нельзя выразить словами, её надо чувствовать и переживать. «Вне Церкви живущему непостижимо ни Писание, ни предание, ни дело. Внутри же Церкви пребывающему и приобщенному к духу Церкви единство их явно по живущей в ней благодати» (А. С. Хомяков). Не случайно русские верующие люди больше, чем кто-либо, дорожат обрядовой стороной церковной жизни. Эта привязанность к обрядам не есть лишь одно «обрядоверие». Скорее интуитивно, чем сознательно, простые русские верующие, не сведущие в богословских вопросах, угадывают, что обрядность имеет живое и непосредственное отношение к догматам христианской веры, более глубокое, чем это представляется рационалистам или инославным. Действительно, некоторые обрядовые действия (например, троекратное погружение в воду с призыванием Имени Святой Троицы в Крещении, возложение рук в хиротонии и др.) неотъемлемы от соответствующих таинств, и потому святые отцы Церкви называют их «догматами от предания». По существу, все вообще обрядовые действия и предметы, освящен-

ные издревле традиционным употреблением в Церкви, являются по вере нашей облагодатствованными (см. 7). Ибо Святая Церковь обладает ключами от Царствия Небесного, она живет не только земной, но и сверхприродной жизнью — божественной и благодатной. Видимое проявление этой жизни содержится в церковных таинствах, невидимое — во внутренней жизни Церкви, в дарах Духа Святого, одним из которых является дар молитвы.

Молитва служит прежде всего выражением веры и любви к Богу. «Вера без дел мертва, а молитва есть первое дело и начало всякого истинного дела» (14, С. 32). Молитва есть дыхание нашей души, без неё душа «усыхает», подобно тому как умирает тело без воздуха. В молитве верующий не только просит, но как бы беседует с Богом, с Его Пречистой Матерью, со святыми угодниками Божиими, со своим ангелом-хранителем.

Господь Иисус Христос в беседе с самарянкой сказал, что верующие должны поклоняться Отцу в духе и истине (И. 4, 23). Вот основной принцип христианской молитвы, образцом же ее является Молитва Господня, преподанная апостолам Самим Спасителем (Мф. 6, 9—13),— излюбленная молитва русского народа.

Эта молитва, общая для всех христиан, состоит из призывания, семи прошений и славословия. Она научает верующих молиться о пришествии Царствия Божия, которое должно преобразить физический план бытия, о насущном хлебе на сегодня, потребном до той поры. Все остальное приложится в меру нашего милосердия и благочестия.

Последнее прошение молитвы — об избавлении от источника всякого греха — диавола, который может погубить не только тело, но и душу (Мф. 10, 28).

Молитва завершается торжественным славословием власти, силы и славы Божией, в котором выражена ясная уверенность, что все просимое дано будет нам по любви Небесного Отца. Подобные славословия входят во многие другие православные молитвы, среди них есть и сугубо благодарственные: «Хвалите Имя Господне», «Слава в вышних Богу», «Тебе, Бога, хвалим» и другие, не говоря уже об акафистах — особой форме благодарственных церковных песнопений.

В православном быту различаются два вида молитвы: 1) частная, домашняя (келейная) и 2) молитва церковная, общественная. Обе они угодны Богу и благословенны, у каждой из них свои характерные черты и особенности.

Дома, в кругу семьи, православный христианин и поныне не сядет за трапезу, не помолившись перед вкушением пищи. Обычай такой молитвы связан с воспоминанием о чуде умножения хлебов в пустыне, совершенном Спасителем (Мф. 5, 13—21). Поучительно то, как Господь приступил к насыщению народа: «Воззрев на небо, благословил», — повествует Евангелие (Мк. 6, 41). Таким образом, этой благочестивой и чудесной трапезе предшествовало обращение к Отцу Небесному, прославление Его, одним словом — молитва. Ибо все, что мы получаем, — все от Бога; кто помнит Бога, тот не может забыть о Нем, пользуясь Его дарами, тот всегда найдет время для молитвы: несмотря на «современные ритмы» жизни, хотя бы с ним никто не молился. Такая молитва освящает трапезу, «делает пищу не только полезною, но и приятною... и самое простое неизысканное кушанье становится приятнее, сладостнее, чем роскошные яства» (Священник Шумов. Обычай молиться пред вкушением пищи. М., 1902. С. 12). Только тот, кто приучил себя к постоянной домашней, сосредоточенной и проникновенной молитве, может по-настоящему участвовать в молитве церковно-общественной, когда среди молящихся незримо присутствует Сам Христос: «Ибо где двое или трое собраны во Имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18, 20). Совместная молитва в храме скорее будет услышана Господом, — учил святитель Иоанн Златоуст: «Во время общественной молитвы не только люди возносят гласы свои, но и ангелы припадают к Владыке, и архангелы молятся...»

Обращение в молитве на Восток — древний православный обычай, восходящий к апостольским временам, ибо в Священном Писании Господь именуется Востоком свыше (Лк. 1, 78) и Солнцем Правды (Мал. 4, 2).

Излюбленным приемом в православной молитве является духовное сосредоточение, аналогичное концентрации в молитве у западных подвижников.

Св. Иоанн Кассиан (435) сравнивает человеческий ум с легким перышком или пухом, который, если

не омочен посторонней жидкостью, легко возносится при самом слабом дыхании ветра. «Так и ум наш, если не будет обременен пришлыми страстями и заботами мирскими и поврежден влагою пагубной похоти, при самом легком веянии духовного размышления возвышается горé и, оставляя дольнее и земное, уносится к небесному и невидимому» (Добротолюбие. М., 1884. Т. 2. С. 138).

Есть особая традиция молитвенного делания, которая получила в Православии название умной молитвы, или молитвы Иисусовой*. Эта традиция восходит к эпохе первоначального христианства, в России она была возрождена святителем Тихоном Задонским (1724—1782) и старцем-подвижником Паисием Величковским (1722—1794). Умная молитва заключается в непрестанной внутренней памяти о Господе Иисусе Христе и в призывании Его святого Имени: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго».

Упражнение в Иисусовой молитве может сопровождаться некоторыми внешними приемами, например, совершаться в положении, когда голова склонена на грудь и все внимание сосредоточено на низведении ума в сердце. Упражняясь в Иисусовой молитве, молящийся погружается в безмолвие (исихазм): «Сначало должно творить молитву Иисусову голосом, то есть устами, языком и речью, вслух себе одному. Когда насытятся уста, язык и чувства молитвою, произносимою гласно, тогда гласная молитва прекращается и начинает она произноситься шепотом... сама собой переходит в умную... а от умной является молитва сердечная» (Настольная книга священнослужителя, М., 1978. Т. 2. С. 795).

Так, по мере духовного совершенствования, подвижники постепенно приходят к созерцанию нетварного Фаворского Света.

Преподобный Исихий, пресвитер Иерусалимский (ок. 433), развил учение о духовном трезвении, которое есть «путь всякой добродетели и заповеди Божией», «хранение ума в совершенном внимании и немечтательности», «чистота и безмолвие сердца».

---

* См.: Беседы о молитве Иисусовой. Изд. Валаамского монастыря. Сердобль, 1938; *Митрополит Антоний (Блум).* Школа молитвы; *Св. Григорий Палама, архиепископ Солунский.* О священнобезмолвствующих.— Добротолюбие. М., 1890. Т. 5. С. 314—324.

Он учил, что духовное трезвение и молитва Иисусова взаимно входят в состав друг друга: «крайнее внимание — в состав непрестанной молитвы, а молитва — в состав крайнего в уме трезвения и внимания» (Добротолюбие. М., 1884. Т. 2. С. 186).

Преподобный Нил Синайский обратил внимание на связь молитвы и богомыслия, оставив знаменитое изречение: «Если ты богослов, то будешь молиться истинно; и если истинно молишься, то ты богослов» (Там же. С. 226). Именно такое молитвенное богомыслие характерно для русского православного благочестия. Оно зиждется на всецелой преданности воле Божией.

По учению святых отцов, всякое внешнее доброделание есть только цвет; плод же есть внутреннее духовное делание молитвы Иисусовой (5, С. 16).

Лучшими выразителями православного благочестия являются подвижники, которые достигли высшей степени духовного совершенства — святости. За свои подвиги они стяжали при жизни благодать Духа Святого и удостоились после кончины Царствия Небесного, где пребывают вместе с Самим Господом и Его Пречистой Матерью: «Там святые праотцы и патриархи, которые мужественно пронесли свою веру. Там пророки, которые прияли Духа Святого и своим словом призывали народ к Богу. Там апостолы, которые умирали за проповедь Евангелия. Там мученики, которые за любовь Христову с радостью отдали свою жизнь. Там святители, которые подражали Господу и несли тяготы своих духовных овец. Преподобные постники и юродивые Христа ради, которые подвигом победили мир. Там все праведники, которые соблюдали заповеди Божии и побеждали страсти» (Настольная книга священнослужителя. М., 1978. Т. 2. С. 671).

Цель жизни для христианина — Богоуподобление, возрастание в «меру возраста Христова», по пути подвига к блаженству и святости, когда образ Божий, изначала данный, возрастает в подобие Божие. Исследуя это возрастание как стремление к Абсолюту, священник Павел Флоренский писал: «Бесконечное возрастание имеет свой тип, то есть функция стремится к бесконечности по-своему, особенно, не так, как другая... В этом смысле понятие о типе есть по преимуществу религиозное понятие: ни в одной области

неуемное томление по сверх-данному, безудержное стремление к сверх-фактическому — «алчба и жажда правды», перерастающие, а затем и преоборающие всякую условность, не залегают так глубоко — в самом ядре,— как в области Богообщения...» (8, С. 20—21).

В глубине совести каждый православный христианин страдает о своей удаленности от идеала святости и неизменно стремится к нему приблизиться. У всех христианских народов святость воплощает последование и подражание Спасителю. Обращение к русской святости, к ее истории и феноменологии исключительно важно для понимания и сохранения православного благочестия: «В русских святых мы чтим не только Небесных покровителей святой и грешной России: в них мы ищем откровения нашего собственного духовного пути... Их идеал веками питал народную жизнь; у их огня вся Русь зажигала свои лампадки» (15, С. 5); «преодолевая все соблазны национальной гордости, решаемся сказать, что в древнерусской святости евангельский образ Христа сияет ярче, чем где бы то ни было в истории. Если бы нужно было одним словом определить господствующий тип русской святости, то мы назвали бы его церковным евангелизмом» (15, С. 233).

Говоря о трансцендентности святости для всего «только-человеческого», священник Павел Флоренский подчеркивал, что невозможно постичь суть святости методом умственного анализа, но «мы можем склонять колени пред нею, в несказанной радости плакать и благоговеть пред нею, или же, наоборот, противиться ей» (8, С. 27).

Через жизнь русских святых, через их подвижнические труды, через живое общение с ними верующего народа, через посмертное прославление и почитание святых мы приобщаемся к миру «вечной незыблемой правды, зиждительной любви, творческого подвига, великих дел духа и свободы» (6, С. 73). В подвигах и заветах русских святых открываются сокровенные тайны славянского духа, тайны загадочной «русской души», ее стремлений, упований и совести, ее самобытного духовного горения: «Русский святой — не византийский святой и не сирийский; он и не латинский святой... Он именно русский. Этим мы хотим сказать, что он — сын особого народа, имеющего, как таковой, свое особое природное лицо и свой особый

исторический путь, определенные его происхождением, его культурой и землей, на которой он живет» (16, С. 7).

Идеал святого, «Божьего человека», воплощенный русским народом на протяжении веков, заключается в полном и совершенном отсечении всякого своекорыстия, в полной самоотдаче Богу. На пути к святости подвижник погружается в совершенную тишину молитвенно-созерцательной жизни, направленной к искоренению всяких недостойных помыслов. Он побеждает мысли и желания, связанные с соблазнами славы и власти, богатства и чувственных удовольствий. Душа, свободная от земных привязанностей, подобна «выметенной горнице», готовой для принятия спасительной благодати.

«Святость вырисовывается как высшая прочность, неистребимая вечность и совершеннейшая красота... Вот почему в ней прославляются и сияют неожиданным блеском как красивые, так и уроды, как целые, так и калеки, как здоровые, так и больные, как юродивые, так и гении» (12, С. 75).

Но русский святой устремлен не только к личному спасению. В своей келье, в затворе, в отдалении от людей он преисполнен участия к людям, он сострадает людям, молится о людях, призывая на них Небесную помощь и благословляя на подвиг, подобно преподобному Сергию Радонежскому, великому игумену земли Русской. Как справедливо отмечает протоиерей Сергий Булгаков, «русский аскетизм всегда исходит из мотива (не всегда осознанного) явить на земле Царство Божие... русский аскетизм не отрицает мир, но все объемлет; символом его является икона Богородицы на нивах (осеняющей сжатые снопы), стоявшая в келье старца Амвросия Оптинского».

Полная победа над своей самостью, подвиг святости дается только тому, кто до конца побеждает зло в себе, жалеет и любит всех людей. Подвиг этот так велик, что немощные духом готовы, вопреки очевидности, оспаривать и отвергать непреложную истину духовных откровений подвижников. Потому святые, столь богатые духовным опытом, обычно очень мало делятся этим опытом с людьми. «Подвижники предпочитают не столько наставлять людей, сколько молиться за них, воспринимая в своей душе душу каждого человека, кто бы он ни был. Подвижников не

смущает мысль о том, что мир может отвергнуть их молитву и растоптать их любовь. Они, непоколебимо веря в истину Христовых слов, знают, что любовь победит все» (К. Андроников). С этой точки зрения безусловно несовместимыми с истинным духом Евангелия должны быть признаны те западные извращения христианства, которые построены на предположении, что цель оправдывает средства, что можно привести мир ко Христу и к Его заповедям путем насилия («святая» инквизиция). Старец Силуан обращал внимание на запрет Спасителя ученикам, хотевшим свести огонь с неба на самарян, не принявших Господа: «Не знаете, какого вы духа; ибо Сын Человеческий пришел не погублять души человеческие, а спасать» (Лк. 9, 56).

Проникнутый этой мыслью, старец Силуан главное дело иноков видел в молитве за мир, ибо молитва, коренясь в безначальном Божественном бытии, имеет непреходящую духовную ценность. Поистине, мир держится на молитвах угодников Божиих, и глубоко права русская пословица: «Не стойт город без святого, а селение — без праведника».

Замечательный русский мыслитель Н. Ф. Федоров, немало страниц посвятивший русской святости, считал главным в подвиге святых отсечение ими собственной воли, следование высшим предначертаниям, служение воле Божией.

Думать о каком-то сугубо естественнонаучном, без помощи благодати Божией, избавлении от грехов и смерти (что часто приписывают Федорову) — конечно же, утопия. Церковь Христова учит о том, что спасение уже совершилось — через Голгофскую Жертву и Воскресение Господа. Подвиг веры в это и подвиг жизни по заповедям Христовым — условие вхождения в спасенный сонм праведников, в общество «святых», под которым в христианстве подразумевается и земная Церковь как община. Именно об этом справедливо писал Н. Ф. Федоров: «...В служении Богу, в деле Божием, в Богослужении соединяется молитва с заповедями», «молитва же здесь разумеется такая, которая не желает Бога делать орудием нашей воли, а готова делать нас орудием воли Божией» (9, С. 3).

Жизнеописания русских святых нередко повествуют, как, вняв внутреннему зову, они выходят из своего уединения и безмолвия. Некоторые делаются «стран-

никами», совершают паломничества по святым местам, ходят по родной земле, утешая страждущих и взыскующих, обремененных, больных и жаждущих исцеления. Другие селятся где-нибудь поблизости от монастыря и становятся духовными наставниками прибегающих к ним людей, ищущих совета и утешения. Отсюда такое значительное явление в русской духовной жизни, как старчество, замечательными представителями которого были преподобный Серафим Саровский и подвижники Оптиной пустыни. Старцам, по общенародному убеждению, нельзя солгать, грех что-нибудь недосказать. Часто они получают от Бога дар прозорливости и не просто советуют и наставляют, а повелевают сделать нечто спасительное для души, указуют путь к нравственному возрождению.

Молитва и пост, милостыня и труд, паломничество и странноприимство — вот характерные проявления русского благочестия и русской святости. Можно даже говорить об особой «трудовой аскезе» русских подвижников. Заметное место в их трудах занимает переписывание Священного Писания, богослужебных и богословских книг, занятия иконописью, производством церковной утвари, различными хозяйственно-бытовыми ремеслами. Среди русских святых мы видим и ученых богословов, как Авраамий Смоленский, Стефан Пермский, Дионисий Троицкий, и духовных писателей, как преподобные Иосиф Волоцкий и Нил Сорский, и выдающихся иконописцев, как преподобные Алипий Печерский и Андрей Рублев.

Почитая святых угодников Божиих, которые за свою любовь к Богу и к людям и за свои великие подвиги удостоились обильной благодати Святого Духа, православные исповедуют веру в то, что святые, пребывая в Царствии Небесном, могут ходатайствовать перед Богом за тех, кто живет на земле. К предстательству святых, как особых посредников между Богом и людьми, верующие русские люди прибегают постоянно, они возносят молитвы у иконописных изображений святых, у их святых мощей и неизменно получают подтверждения действенной духовной помощи свыше.

Воистину, не стоит город без святого, а селение — без праведника... И действительно, почти в каждом городе известны имена местно чтимых святых, покровителей данной местности. Кроме того, есть особо чтимые

святые, которым русские верующие молятся при различных обстоятельствах. Так, например, во время болезни православные обращаются с молитвами о помощи к святому великомученику и целителю Пантелеймону. Святым мученикам Гурию, Самону и Авиву — покровителям брака — молятся о благополучии семейной жизни, святителю Николаю Чудотворцу возносят сугубые молитвы во время путешествий, святому Георгию Победоносцу — в случае военной опасности. Каждый православный также особо прибегает к молитвенной помощи того святого, имя которого носит.

Особенно благоговейным почитанием на Руси пользуется издревле Пресвятая Богородица — «честнейшая Херувим и славнейшая без сравнения Серафим», пример высшей святости, воплощение всех христианских добродетелей. Почти каждое богослужебное прошение (ектения) оканчивается призывом ко всем молящимся, помянув Пресвятую Богородицу и Приснодеву Марию со всеми святыми, посвятить себя и всю жизнь нашу служению Христу. Русские верующие благодарят Пресвятую Богородицу за Её неисчислимые благодеяния, величают Её Путеводительницей, Заступницей усердной, Взысканием погибших, Всех скорбящих Радостью, Нечаянной Радостью и другими прекрасными, исполненными глубокой поэзии и молитвенного благоговения именами.

Основой православного почитания святых являются жизнь и подвиги этих угодников Божиих, прижизненные или посмертные чудеса, связанные с ними, а в некоторых случаях обретение нетленных мощей, то есть не распавшихся костей (в отличие от естественного нетления или мумификации тел). На основании специально разработанных положений Церковь принимает решения о прославлении (канонизации) того или иного святого. Канонизованные святые представляют четко очерченный круг в церковном почитании святых. В отличие от прочих усопших, святым служатся не панихиды, а молебны. Имена святых поминаются в различные моменты богослужения, наиболее чтимым святым установлены особые праздники, составлены службы в их честь (см.: 1 и 2).

Уже во II веке по Р. Х. (судя по мученическим актам св. Игнатия Богоносца) христианская Церковь употребляла при богослужении жития святых. Русская

Православная Церковь унаследовала такую практику из Византии благодаря переводам житий, осуществленным еще в X веке святыми равноапостольными братьями Кириллом и Мефодием, просветителями славян. По древнему богослужебному уставу Русской Церкви, жития святых читались часто вместо ветхозаветных чтений — «паремий».

Влияние житий святых на умственное и нравственное воспитание народа в Древней Руси было исключительно велико, проповедники слова Божия широко пользовались житиями святых при составлении своих проповедей. Особенно много извлечений из житий святых отцов находим в проповедях святителя Димитрия, митрополита Ростовского, составителя знаменитых «Четьих-Миней».

Русский народ издавна полюбил и сделал своим излюбленным чтением жития и поучения святых отцов и учителей Вселенской Церкви — Антония Великого, Макария Египетского, Ефрема Сирина, Феодора Студита, Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, наряду с житиями святых русских подвижников — Антония и Феодосия Печерских, Сергия Радонежского, Иосифа Волоцкого, Зосимы и Савватия Соловецких и многих других. Интересно отметить, что первыми святыми, канонизованными Русской Церковью, были князья Борис и Глеб (1015), которые приняли добровольную смерть ради предотвращения кровопролития и получили новое, неизвестное в Византии наименование страстотерпцев. «Их подвиг не забыт русским народом и образовывает по-прежнему любовь и преклонение в русском сердце» (13, С. 110). Жития святых были широко известны во всех слоях русского верующего народа, они входили в состав «Четьих-Миней», в которых предлагались живые примеры из русской жизни, близкой и понятной каждому русскому, примеры для подражания, в высшей степени благотворные для нравственного просвещения: «Через чтение житий святых поддерживались и воспитывались в русских религиозное чувство, память о народных, дорогих для них, преданиях, желание жить по-христиански, православно» (4, С. 23). Отсюда отнюдь не случайная глубокая семантическая разница между словами «житие» и «биография» в русском языке; «житие» применяется к описанию жизни святого угодника Божия, в житии предстает

перед нами обретение и раскрытие вечного; биография же — описание временного. «Свят тот, в котором не осталось или почти ничего не осталось от биографии. Житие уподобим «иконе», а биографию — портрету. Житие есть мощи, биография — труп» (12, С. 75).

Привыкнув в храме слышать жизнеописания святых, русский народ и дома, в свободные от мирских занятий минуты, прибегал к душеполезному чтению. Грамотность на Руси, судя по современным историко-археологическим изысканиям, была широко распространена. Таким образом, не только монахи, для которых чтение житий святых составляло постоянное правило, но и простые благочестивые люди имели возможность черпать из этого благодатного духовного источника.

В страннолриимстве, то есть в гостеприимстве странников и паломников, которое доныне сохранилось в русском народе (см.: *Ю. Лощиц.* Земля-именинница. М., 1979), есть своеобразный отсвет весьма распространенного некогда подвижничества, самого рядового и неприметного, но идущего из глубины веков. Достаточно вспомнить древнерусскую повесть об Иулиании Осоргиной, в жизни которой странноприимство и подвижничество тесно соприкасались: она благотворила не только странникам и паломникам, но приняла на себя и заботу о сирых и убогих обитателях маленького города, в котором жила.

Благочестивый русский обычай возжигать свечи и лампады перед иконами также возник не без влияния житийной литературы. В «Четьих-Минеях», например, очень часто встречаются указания на то, что перед иконами и мощами святых следует возжигать свечи и лампады. То же самое можно сказать и о распространенном в народе обычае при некоторых болезнях прибегать к помощи святой воды, сливаемой с креста. Ношение вериг и власяниц, паломничества по святым местам — все эти благочестивые традиции получили широкое распространение на Руси благодаря влиянию житий святых.

В XVIII веке в русском дворянстве стало преобладать увлечение французскими романистами и энциклопедистами, интерес к агиографической литературе заметно упал. Но уже в следующем столетии положение изменилось. К чтению житий святых, к изучению духовной литературы обращались многие выдающиеся деятели русской культуры. В черновиках А. С. Пушки-

на осталось, например, множество выписок из «Четьих-Миней» и Пролога, известно переложение им проложного жития преподобного Саввы Сторожевского, нового чудотворца (3 декабря 1406). Н. В. Гоголь написал «Размышления о Божественной литургии». Ф. М. Достоевский очень любил слушать и читать «Четьи-Минеи», влияние которых сказалось в процессе работы над романом «Братья Карамазовы» (образ старца Зосимы и др.).

Нет сомнения в том, что подражание жизни святых исключительно благотворно повлияло на формирование русского национального характера. Этот факт нашел отражение в русской классической художественной литературе. Русская литература, как это не раз отмечалось и западноевропейскими исследователями, неизменно утверждала высшие нравственные ценности, призывала к подвигу веры и любви, к отречению от эгоизма, к самоотверженному служению людям, то есть провозглашала основополагающие принципы христианского гуманизма. «Человек, устраивающий свои личные дела, взятый в качестве национального героя, человек, «срывающий цветы наслаждения» в качестве положительного типа, которому надо следовать и подражать,— это нечто до такой степени дикое и невозможное для русской литературы, что об этом даже и вопрос никогда не поднимался. Русский человек всегда имел в качестве идеала — инока, служащего верховному идеалу» (В. Н. Ильин). Отсюда душевная красота и доброта, удивительная открытость, «всемирная отзывчивость», которая отличает героев Пушкина и Тургенева, Достоевского и Лескова, Бунина и Шмелева. Лучшие образы, созданные этими писателями,— лишь подражание идеалам русской святости.

В наше время, однако, было бы неосмотрительно противопоставлять, подобно К. Леонтьеву, святость как древнерусский идеал и честность как идеал западноевропейский, хотя в таком противопоставлении и есть своя правда. «Русь свята лишь в том смысле, что бесконечно почитает святых и святость, только в святости видит высшее состояние жизни, в то время как на Западе видят высшее состояние также и в достижениях познания или общественной справедливости, в торжестве культуры, в творческой гениальности» (11, С. 75).

Считая русскую религиозность по преимуществу «женственной», национально-стихийной, исполненной

«коллективной биологической теплоты, переживаемой, как теплота мистическая» (11, С. 10), Н. А. Бердяев справедливо отмечал, что русские верующие люди в своей религиозной жизни «возлагаются на святых, на старцев, на мужей, в отношении к которым подобает преклонение» (там же). Но он ошибался, когда утверждал далее, что в этом преклонении отсутствует желание подражать святым, их внутреннему духовному пути, стремление стяжать у Бога дары благодати; еще более он ошибался (но об этом можно говорить только сейчас, ретроспективно), подчеркивая, что русский человек хочет святости лишь в жизни абсолютной, но пассивно мирится со всякой несправедливостью и всяким неблагообразием в жизни относительной (земной).

Отнюдь нет. Русскому народу в высшей степени присущи такие черты, как правдоискательство, стремление к устроению справедливого общества на земле. Здесь глубокая антиномия, которая коренится в метафизических основаниях самой жизни, в дуализме земного и небесного. Подвиг святости — венец христианской жизни, подражать ему трудно, ибо это есть подражание Самому Христу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архимандрит Леонид (Кавелин).* Святая Русь или сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII века) обще- и местночтимых. СПб., 1891.

2. *Васильев В.* История канонизации русских святых. М., 1893.

3. *Голубинский Е. Е.* История канонизации святых в Русской Церкви. Сергиев Посад, 1894.

4. *Яхонтов Александр.* Жития святых, как образовательно-воспитательное средство, и их значение для русской школы с древнейших времен. Симбирск, 1898.

5. *Архимандрит Никон.* Православный идеал монашества. М., 1902.

6. *Соколов Н. М.* Русские святые и русская интеллигенция. СПб., 1904.

7. *Священник Павел Левашев.* Зачем так много у нас обрядов? СПб., 1906.

8. *Флоренский Павел.* О типах возрастания.— Богословский вестник. 1906. № 7. С. 530 — 568.

9. *Федоров Н. Ф.* Философия Общего Дела. М., 1913. Т. 2.

10. О цели христианской жизни. Беседа преподобного Серафима с Н. А. Мотовиловым. Сергиев Посад, 1914.

11. *Бердяев Н. А* Судьба России. М., 1918.

12. *Ильин В. Н.* Иночество и подвиг.— Путь. 1926. № 4. С. 72 — 87.

13. *Зернов Н. М.* Вселенская Церковь и русское Православие. Париж, 1952.

14. *Соловьев В. С.* Духовные основы жизни. Брюссель, 1953.
15. *Федотов Г. П.* Святые Древней Руси (X — XVII ст.). Нью-Йорк, 1959.
16. *Иеромонах Иоанн (Кологривов).* Очерки по Истории Русской Святости. Брюссель, 1961.
17. *Протоиерей Сергий Булгаков.* Православие. Очерки учения Православной Церкви. Париж, 1964.
18. *Архиепископ Воронежский и Липецкий Михаил (Чуб).* Духовность Православия в выдающихся его представителях.— Богословские труды. М., 1973. Сб. 10. С. 117—120.
19. *Профессор протоиерей Александр Ветелев.* Царство Божие.— Богословские труды. М., 1975. Сб. 14. С. 62 — 76.
20. *Священник Павел Флоренский.* Из богословского наследия.— Богословские труды. М., 1977. Сб. 17. С. 87 — 248.
21. *Лихачев Д. С.* Заметки о русском. М., 1981.
22. *Лихачев Д. С.* Прошлое — будущему. Статьи и очерки. Л., 1985.
23. *Митрополит Киевский Иларион* (XII в.). Слово о законе и Благодати.— В сб. статей: Культура как эстетическая проблема. М., 1985. С. 105 — 121.

Митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим

«Русская идея» и взаимовлияние западного и восточного христианства*

Историко-географическое и культурно-политическое разделение мира и даже одной только Европы на «Восток» и «Запад» в настоящее время весьма условно. Для России, географически оказавшейся на стыке Европы и Азии, Запада и Востока, с самого начала ее государственного бытия особенно характерна общность исторической и духовной жизни этих двух взаимопроникающих миров. Русское Православие, как известно, имеет общие с греческим святоотеческие корни, восходящие к эпохе единой неразделенной Церкви.

Роковую роль в возникновении предубеждения русских относительно западных христиан (латинян) имела агрессия шведских и тевтонских рыцарей против России в XIII веке.

Влияние Запада на Россию в этот период сказывалось главным образом в области ремесел и технологии, а также военного дела. Это влияние значительно возросло при Петре I, который «прорубил окно в Европу»

---

* Текст воспроизведен в книге: «Tausend Jahre zwischen Wolga und Rhein». Мюнхен — Цюрих, 1988. С. 54—59.

и открыл Россию для широкого влияния Запада. Линией раздела между западным и восточным христианством (католицизмом и православием) можно было бы считать германо-славянскую границу, если бы не Польша, так как славяне-поляки принадлежали по преимуществу католической Церкви.

Русско-польские культурно-политические и церковные связи, весьма интенсивные в период раннего средневековья и впоследствии (XIV—XVI вв.), сыграли большую роль в процессе взаимовлияния западного и русского христианства.

С большинством памятников польского и европейского Возрождения в России познакомились лишь в XVII в., в связи с восприятием культуры барокко. В этот период традиционные черты русского и византийского средневековья в значительной степени трансформировались. Под влиянием католического Запада в русском богословии возникла так называемая «малороссийская традиция», главным представителем которой можно считать митрополита Киевского Петра Могилу (XVII). В изданном в 1646 году требнике «Евхологион» отдельные литургические молитвословия (чины и последования) взяты из римского «Ритуала» Папы Павла V (1605—1621). Литургическое влияние католического Запада на русское богослужение в этот период особенно заметно. Впрочем, «латинские литургические молитвы и идеи усваивались уже и раньше, и усваивались постепенно» (Пути русского богословия. 1937. С. 48). Западное влияние на некоторых русских иерархов было очевидно и в области догматической. Под влиянием «Римского Катехизиса» было составлено, например, «Православное Исповедание» (1640—1642) митрополита Киевского Петра Могилы.

Другой выдающийся русский богослов XVII—XVIII вв. архиепископ Новгородский Феофан Прокопович (1681—1736) находился в прямой зависимости от протестантской мысли. В своих богословских лекциях он развивает идеи, заданные немецкой протестантской схоластикой, следуя в фарватере мыслей главным образом базельского реформатского богослова Аманда Поландского, автора «Syntagma theologiae christianae» (Ганновер, 1609). Архиепископ Феофан Прокопович был ближайшим сподвижником императора Петра I, при котором заметно усилилось влияние протестантизма в России и с особенной силой проявились

трагические последствия внутреннего раскола со старообрядцами.

Сильное влияние европейской схоластики на русское богословие продолжалось до начала XIX века. Несмотря на это влияние, русское Православие в народной массе сохранило свою национальную самобытность и удержало не только традиционные византийские обрядовые формы, но и различные формы восточной аскетики и мистики. Хотя в догматическом и нравственном богословии были использованы некоторые системы латинских и протестантских авторов, они соответственным образом трансформировались на русской почве; при этом, проходя через фильтр народного благочестия, было отринуто все чуждое и неприемлемое в сфере церковной жизни. В начале прошлого века было начато преобразование духовных школ в России, преподавание на латинском языке уступило место преподаванию на русском. Усиление русского национального самосознания, безусловно, было вызвано ростом патриотизма во время Отечественной войны 1812 года.

В годы, когда Россия возглавила борьбу народов Европы против наполеоновского нашествия, русская тема стала неотъемлемой частью европейской, в особенности немецкой литературы.

Убежденные в том, что только Православие обладает полнотой истины, старшие славянофилы — Алексей Хомяков, братья Иван и Петр Киреевские, братья Константин и Иван Аксаковы развили учение о православной соборности как союзе любви и свободы, призванном восстановить единство человеческого рода.

Россия, по их мысли, должна раскрыть христианскую правду о земле, деятельно-общественную правду, не раскрытую в византийском Православии. Для К. Аксакова русская история приобретала значение «всемирной исповеди». Особое место в споре славянофилов и западников принадлежит выдающемуся русскому мыслителю К. Н. Леонтьеву (1831—1891).

Леонтьев утверждал, что Россия призвана спасти разлагающуюся Европу от пороков мещанства и буржуазности, явить миру новый и высший тип цветущей культуры.

Вл. Соловьев, в отличие от Леонтьева и Данилевского, видел призвание России в отказе от национального ради универсального, в жертвенном слиянии с Европой.

Истина, как нам кажется, лежала где-то посредине — в сочетании национального и универсального, в синтезе византийского и германо-римского начал, вознесенных на новую высоту славянским духом.

Если идеализация России славянофилами и не оправдывала себя, то их критика западноевропейского рационализма и буржуазности во многом была справедлива. В этой критике они исходили из лучших достижений святоотеческой мысли, вдохновляясь духовными идеалами преподобных Исаака Сириянина, Максима Исповедника, Григория Паламы, Симеона Нового Богослова и других. Славянофилы были правы в главном: русский народ продолжал оставаться верным хранителем Вселенского Православия.

Шведский исследователь Г. Ланц, отмечая точки соприкосновения русского славянофильства с немецким идеализмом и романтизмом, справедливо пишет: «Духовные влияния, преимущественно определявшие философскую сторону славянофильства, очевидно, тяготеют к православной богословской традиции... Славянофильство — это не патриотическое извращение немецкого идеализма и даже не реакция против современного европейского рационализма. Оно является простым и единственным продолжением религиозной традиции, господствовавшей в русской жизни со времен Владимира Святого...» (H. Lanz. The philosophy of Ivan Kireevsky. — „Slavonic rev." L., 1926. Vol. 4. P. 594—604; цит. с. 604).

Видный русский философ профессор Лев Платонович Карсавин (1882—1952) посвятил рассматриваемой теме специальную брошюру («Восток, Запад и Русская идея». Петроград. 1922). В ней подчеркнуто, что русская религиозность и русское богоборчество являются существенными моментами проявления национального духа, которому чужд духовный индифферентизм. Увлечение проблемами метафизики, некая «врожденная» спиритуальность, борьба с эмпиризмом и рационализмом — это, по Карсавину, характерные особенности «загадочной» русской души. Отсюда и героический, я бы сказал, «мученический» характер, который присущ русской художественной литературе. Красоту русского православного человека раскрыла и показала всему миру наша классическая литература. Знакомство с ней не могло не волновать европейского читателя. Не будет преувеличением, если мы скажем об огромном, поисти-

не эпохальном влиянии Тургенева, Толстого и в особенности Достоевского и Вл. Соловьева на целую плеяду немецких и европейских писателей, философов и деятелей культуры, начиная с конца прошлого века и до наших дней. В их числе Р. М. Рильке, Ф. Кафка, С. Цвейг, Г. Гессе, Ф. Ницше, А. Эйнштейн, А. Камю и многие другие.

Один из литературных вождей немецкого экспрессионизма К. Эдшмид заявил: «Гоголь, Чехов, Салтыков, Пушкин, Толстой, Достоевский. Они стали немецкими авторами» (Edschmid K. Das Buch-Dekameron. Berlin, 1928. S. 284). «Что европейская и во всяком случае немецкая молодежь воспринимает в качестве своего величайшего писателя Достоевского, а не Гете и даже не Ницше, представляется мне решающим для нашей судьбы»,— писал Г. Гессе (Schriften zur Literatur. Bd. 2. S. 321). В своей книге «Взгляд в хаос» („Blick ins Chaos", 1920) Г. Гессе развивает мысль о взаимосвязанности исторических судеб России и Германии и их взаимовлиянии, призывает к синтезу европейской культуры с восточноазиатской «первозданностью».

Не менее значительное влияние на немецкую теологию и мистику, в частности на основоположника антропософии д-ра Рудольфа Штейнера, оказал Вл. Соловьев (1853—1900). Называя Вл. Соловьева «величайшим философом нового времени», Р. Штейнер писал: «Почитайте его, и вы почувствуете, как в его душу непосредственно вливается то, что можно назвать Христовой инспирацией... духовный импульс Христа действует в нем вплоть до мускулов» (Лекция 2 ноября 1918 г. «Материалы для ориентации в проблемах эпохи. Т. I. Р. Штейнер о России». Штутгарт, 1975).

Сто лет назад Вл. Соловьев поставил вопрос о смысле существования России во всемирной истории и сказал пророческие слова: «Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности».

Д-р Р. Штейнер в цикле своих лекций о России обращал внимание слушателей на исключительные духовные дарования русского народа, благодаря которым он «особенно способен включиться в ход развития пятой, а также шестой послеатлантической эпохи». «И сейчас еще,— подчеркивал д-р Р. Штейнер,— можно видеть, как в обрядах Русской Церкви просвечивает их древневосточное существо, сквозь формы Русской

Церкви можно прозревать древневосточную святость и ее воспринимать» (Лекция 12 марта 1916 г. Там же).

В конце XIX — начале XX века, не без влияния западной внецерковной мистики, от академического богословия в России постепенно отпочковались религиозно-философские течения, представители которых провозгласили т. н. «новое религиозное сознание», неохристианство, эпоху Третьего Завета — откровения Святого Духа.

Религиозно-философские собрания представителей Церкви и интеллигенции в Петербурге и в Москве в 1901—1904 гг. выявили и предвосхитили многие идеи и тенденции, характерные для последующего «богоискательства» и «богостроительства» как в России, так и в Западной Европе. У Роже Гароди и Тейяра де Шардена были видные предшественники на этих собраниях.

Расцвет русской богословской мысли в начале нашего столетия протекал в русле общего культурного подъема, который на Западе принято именовать «серебряным веком» русской культуры, ее духовным Ренессансом. Свой творческий вклад в это движение внесли Н. Ф. Федоров и В. С. Соловьев, С. Трубецкой и Л. Лопатин, Д. С. Мережковский и В. В. Розанов, В. А. Тернавцев и А. В. Карташов, Н. А. Бердяев и священник Павел Флоренский.

Можно с уверенностью говорить о том, что к настоящему времени Запад ассимилировал многие концептуальные идеи русских религиозных мыслителей из упомянутых выше. Интерес к ним не ослабевает до сих пор. Вл. Соловьеву и Н. Бердяеву, пожалуй, посвящено наибольшее количество работ. Некоторые исследователи русской религиозной мысли отдают предпочтение К. Леонтьеву, В. Розанову или Л. Шестову. Много пишут, в частности, о влиянии Шестова, провозгласившего, что свобода духа возможна лишь в вере, на западноевропейский экзистенциализм.

Особенно оживился за последние годы на Западе интерес к творческому наследию выдающихся русских мыслителей-энциклопедистов — священника Павла Флоренского и Н. Ф. Федорова.

Наиболее известные труды П. А. Флоренского «Столп и утверждение Истины» и «Иконостас» появились в переводе на европейские языки.

Фототипическое издание «Философии общего дела» Н. Ф. Федорова вышло в Англии (1970) и Швейцарии

(1985). Известный экуменический богослов Оливье Клеман посвятил Федорову целый раздел в своей последней книге «Третья красота». В статье «Экуменизм и встреча Господа Грядущего» О. Клеман писал, не без влияния Федорова: «Тринитарный подход к человеческой тайне — закваска единства и многоразличия Церквей в Церкви, а также закваска истории, в которой одновременно взыскуются сегодня и единство рода человеческого, и специфичность каждой личности, каждой культуры». «Наша социальная программа — ТРОИЦА,— говорил в XIX веке русский религиозный философ Николай Федоров.— Мы также можем сказать: это наша экуменическая программа» (Единство христиан. Июль 1983. № 51. Шантийи).

Русская мечта — это мир без зла, всеобщее счастье для всех народов, а не только для русских. Такова мечта Федорова, вдохновленная идеалами Православия. В России с самого начала русской государственности, со времен святого князя Владимира, жило так много народов, что мечта о своем обособленном, отдельном от других народов благоустройстве воспринималась бы как недостойная мысль, как грех.

Духовное возрождение, охватившее Россию в начале нынешнего столетия, стало оказывать заметное влияние и на Европу.

Это влияние особенно усилилось в 20-е годы, когда миллионы русских оказались в рассеянии по всему миру, но главным образом — в Европе. С судьбой русского православного зарубежья оказалась тесно связана судьба Православия на Западе, взаимодействие и взаимовлияние восточного и западного христианства. В ноябре 1922 года по инициативе группы русских религиозных мыслителей, оказавшихся в Германии, в Берлине была открыта Религиозно-философская академия, провозгласившая своей задачей христианское возрождение в Европе. В программе Академии было сказано: «Никакие внешние перевороты не могут создать лучшей жизни и преобразить души людей и души народов, если не произошло духовного возрождения, если первичная воля людей и народов больна и раздроблена, не укреплена обращением к Источнику жизни — Богу» («София. Проблемы духовной культуры и религиозной философии». Под ред. Н. А. Бердяева. Берлин, 1923. С. 136). В своей речи на открытии Академии 26 ноября 1922 г. Н. А. Бердяев указал, что в мире нарастают процессы

секуляризации и дегуманизации, для противостояния которым необходимо *единение всех христианских сил Востока и Запада.*

Первое поколение русского православного Рассеяния не только сохранило драгоценный духовный клад родной веры, но и приумножило его. Я имею в виду прежде всего Свято-Сергиевский богословский институт в Париже, основанный в 1925 г. Главой Русской Православной Церкви в Западной Европе митрополитом Евлогием (Георгиевским). Из него вышли выдающиеся пастыри и богословы, удостоившиеся мирового признания не только в странах Западной Европы, но и в Америке. Среди них кроме протоиерея Сергия Булгакова следует назвать А. В. Карташова (1875—1960), Б. П. Вышеславцева (1877—1954), Г. П. Федотова (1886—1951), Л. А. Зандера (1893—1964), архимандрита Киприана Керна (1899—1960), В. Н. Ильина (1891—1974), П. Н. Евдокимова (1900—1975), протоиерея Георгия Флоровского (1893—1979), протопресвитера Александра Шмемана (1921—1983). «Открытие Богословского института именно в Париже, в центре западноевропейской — не русской, но христианской культуры,— писал митрополит Евлогий,— имело большое значение: оно предначертало нашей высшей богословской школе экуменическую линию в постановке некоторых теоретических проблем и религиозно-практических заданий, ибо Православие не лежало больше под спудом, а постепенно делалось достоянием христианских народов» («Путь моей жизни». Париж, 1947. С. 447). Об этом свидетельствуют, на наш взгляд, например, труды известного католического богослова о. Луи Буйе, в которых он старается дать некий синтез католической и православной догматики.

Под влиянием Свято-Сергиевского института в Православие обратилось немало видных представителей Западной Церкви, как, например, монах-бенедиктинец Лев Жилле, принятый в клир русским митрополитом Евлогием в 1927 г.; в течение 12 лет он возглавлял первый православный французский приход в Париже, а впоследствии переехал в Англию, где духовно окормлял англо-православное содружество святого мученика Албания и Преподобного Сергия Радонежского.

Основанное в 1928 году на съезде англикано-православных студентов в городе Сент-Олбанс (близ Лондона), Содружество провозгласило своей задачей

взаимное сближение восточных и западных христиан, ознакомление друг друга с опытом своей литургической жизни, обмен информацией и богословской литературой (см.: *Николай Зернов.* Вселенская Церковь и Русское Православие. Париж, 1952. С. 316).

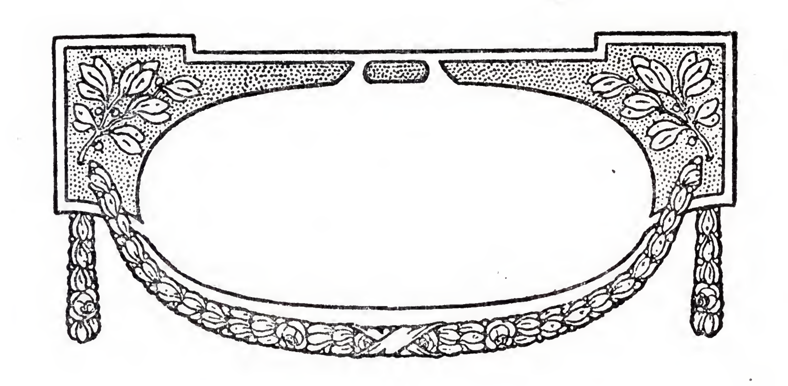
В начале 20-х годов нашего столетия волны русской эмиграции докатились и до западного побережья Америки (штат Калифорния). Православные приходы, возникшие здесь, как и в странах Европы, были первоначально почти сплошь русскими. К настоящему же времени появилось немало приходов, членами которых являются православные американцы, французы, немцы и представители других национальностей, на языке которых стало совершаться богослужение. Не так давно, в феврале 1979 г., в Православную Церковь вступили две католические общины (мужская и женская), основавшие общину Новый Скит под руководством иеромонаха Лаврентия Манкузо близ г. Кембриджа в штате Нью-Йорк, США. Несколько ранее, в 1977 г., в Православие перешла группа католических монахов во главе с о. Плакидой Десей. Они основали первое на Западе Афонское подворье (в юрисдикции Константинопольского Патриарха). Таким образом, Православие пустило глубокие корни на разных континентах. Дух общинности, свойственный славянам, дух покаяния и примирения, который несет всюду Православная Церковь, постепенно находит выражение в современном экуменическом мышлении. Миротворчество, являющееся сейчас главной, стержневой идеей экуменизма, идет с Востока, из недр Православия.

Протоиерей Сергий Булгаков в своей работе «Россия, эмиграция, Православие» (1925) писал: «Мы встретились с Европой на равной почве, ибо мы уже не смущаемся перед нею, чувствуя свое достоинство, и это чувство приобретено нами за последние годы. Оба наши направления — западничество и славянофильство рождались из ложного и не-должного пафоса расстояния между православной Россией и Европой. Но теперь мы знаем, что есть почва, на которой мы можем встретиться как равные — как разные ветви одного и того же христианского дерева», «ибо нет другой воли к распространению Православия кроме радостного приглашения духовно с нами жить, с нами молиться и дышать с нами одним воздухом». В приведенных словах прекрасно выражено отношение Русской Право-

славной Церкви к инославному миру, проникнутое духом любви к единоверным братьям во Христе.

В современном мире, который становится как никогда великим и одновременно чрезвычайно малым, угрожая сжаться в комок термоядерного пепла, стремление всех христиан и всех людей доброй воли к единству «поверх барьеров» (Б. Пастернак) все возрастает, и это обнадеживающий знак. С исключительной убедительностью звучат сегодня крылатые слова, сказанные в прошлом веке выдающимся русским иерархом митрополитом Киевским Платоном (Городецким, 1803—1891): «Наши земные перегородки до Неба не достигают». Благодаря экуменическому движению изжиты и уходят в прошлое многие элементы межконфессионального предубеждения и отчуждения. «В настоящее время,— справедливо отмечает протоиерей Иоанн Мейендорф, — Православие уже не является «восточной» Церковью и будет ею все меньше и меньше, так же как западное христианство перестает быть только «западным» (Вестник Русского Западноевропейского Патриаршего Экзархата. 1963. № 42—43. С. 163).

Духовное различие между Востоком и Западом, конечно, будет сохраняться в самом стиле их религиозной жизни, в особенностях традиционного богослужебного строя. Несмотря на принадлежность к различным социально-политическим «блокам», Восток и Запад связаны единым могучим духовным полем христианства. Сосуществуя в одном историческом времени, они оказывают друг на друга все возрастающее взаимное влияние.

Часть 3

ТАИНСТВА И ОБРЯДЫ. БОГОСЛУЖЕНИЕ И ПРАЗДНИКИ

Валентин Никитин

Православные Таинства и обряды, церковное богослужение

С момента возникновения Церковь Христова стала Богоустановленным обществом, к которому присоединялись новые члены через благодатные Таинства крещения и миропомазания.

И ныне для православного верующего христианство есть не только божественное учение, но и реальное общение с Богом в молитве, благодатная жизнь во Христе, таинственное обновление во Святом Духе, которое совершается через Таинства и обряды.

Таинства суть священнодействия, через которые тайным, незримым образом на человека действует благодать, нисходят спасительные дары Святого Духа, особые в каждом таинстве; выражаясь словами Блаженного Августина, «Таинство есть видимая форма невидимой благодати».

Различают внешнюю — обрядовую — и внутреннюю — духовную — стороны таинства. Обряд является как бы видимым обрамлением невидимого действа.

Так как мы заключены в пространство и время, то всякое священнослужение требует своего времени, своего места и порядка, своей обстановки, т. е. обряда.

«Таинство опаляло бы личность, если бы не имело около себя своего обряда... Обряд необходим как путь восхождения к святыне... Обряд есть лествица Иаковля, по которой восходит и нисходит человеческое разумение от дольнего к горнему и от горнего к дольнему...» — писал священник Павел Флоренский (Освящение реальности. — Богословские труды. М., 1977. Сб. 17. С. 153).

В этом смысле можно сказать, что нет определенных границ обряда: обряд, начинаясь Таинством, «нисходит, ветвясь и расчленяясь, в жизнь храмовую, отсюда — в прихрамовую, затем в быт, в строение культуры и далее... в недра земные, в жизнь космическую... Захватывая в себе *всю* тварь, *все* бытие, самые стихии...» (Там же.)

В Православной Церкви, как и в Католической, семь Таинств, но обрядовые выражения их заметно отличаются друг от друга.

Русский верующий народ больше, чем какой-либо иной христианский народ, любит и дорожит обрядовой стороной церковной жизни. Эта привязанность к обрядам не есть лишь одно «обрядоверие». Мы уже писали, что простые русские верующие интуитивно угадывают: обрядность имеет живое, непосредственное и более глубокое отношение к догматам христианской веры, чем это представляется в умозрении. В самом деле, некоторые обрядовые действия (например, троекратное погружение в воду с призыванием Имени Святой Троицы в крещении, возложение рук в хиротонии и др.) неотъемлемы от соответствующих таинств и потому вполне оправданно называются «догматами от предания». По существу, все вообще обрядовые действия и предметы, освященные издревле традиционным употреблением в Церкви, являются по вере нашей облагодатствованными. «И самый храм Божий, в котором совершается богослужение со всеми его обрядовыми действиями, и как место селения Славы Божией, в очах православного русского человека наполнен какой-то особой Святой атмосферой...» *(Священник Павел Левашев.* Зачем так много у нас обрядов. СПб, 1906. С. 41 — 42.)

КРЕЩЕНИЕ И МИРОПОМАЗАНИЕ

Крещение было и остается первым Таинством Церкви, оно является прообразом Крестной смерти Христа и Его Воскресения. Обряд Крещения состоит в троекратном погружении в воду с призыванием Бога Отца, и Сына, и Святого Духа. В настоящее время, как и у католиков, преобладающей формой крещения является троекратное обливание. В Таинстве Крещения наитием Святого Духа крещаемый освобождается от первородного греха и входит в более тесную связь со своим Ангелом-Хранителем.

Русское название Таинства — крещение — свидетельствует, сколь глубоко осмыслен в нем момент приобщения к Церкви как акт принятия на себя христианином креста, во исполнение слов Спасителя: «кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мк. 8, 34).

Через помазание освященным миром различных частей тела крещеному подаются дары Святого Духа, творческие силы, возрождающие и укрепляющие в жизни духовной: освящение ума и мыслей, сердца и желаний, освящение чувств, дел и всего поведения христианина. Миропомазание символически выражает принятие дикой маслины — крещаемого — к плодоносной — Самому Господу Иисусу Христу*.

ЕВХАРИСТИЯ

В Таинстве Евхаристии (Причащения) верующие христиане под видом хлеба и вина приобщаются Божественной субстанции Тела и Крови Христовой, сообщающей человеку свойства нетления и соделывающей его причастником вечной жизни.

И Евхаристия как вечный полдень длится —
Все причащаются, играют и поют,
И на виду у всех божественный сосуд
Неисчерпаемым веселием струится...

О. Мандельштам

Это величайшее Таинство Церкви установил Сам Христос накануне Своих крестных страданий (Мф. 26, 26—28) и завещал всем апостолам, а через них —

---

* Через миропомазание в лоно Православной Церкви принимаются христиане различных протестантских конфессий.

всем их преемникам-епископам и пастырям Церкви: «Сие Творите в Мое воспоминание» (Лк. 22, 19).

Таинство Евхаристии совершается за Божественной литургией.

В отличие от литургической практики Западной Церкви, где миряне, как правило, причащаются только под одним видом, а младенцев не причащают, в Православной Церкви миряне причащаются так же, как и священнослужители, младенцы же и дети до 7 лет причащаются без исповеди. Таинство Причастия, безусловно, является духовным средоточием в жизни православного христианина.

Непременным условием Причастия являются покаяние (исповедь) и пост.

ПОКАЯНИЕ (ИСПОВЕДЬ)

После крещения и миропомазания христианин освобожден от первородного греха, укреплен благодатной силой Святого Духа и призван к вхождению в духовный мир. Но он продолжает пребывать в падшем физическом мире, в котором «похоть плоти, похоть очей и гордость житейская» (1 Ин. 2, 16) действуют таким образом, что человек вновь и вновь совершает грехи, теряя благодать, необходимую для спасения. Для очищения души от грехов и ее духовного возрождения православные верующие, как и католики, прибегают к таинству покаяния (исповеди), которое называется вторым крещением. «Покаяние есть Таинство, в котором исповедующий грехи свои, при видимом изъявлении прощения от священника, невидимо разрешается от грехов Самим Иисусом Христом» («Православный Катехизис»).

Необходимым условием покаяния является осуждение своего греховного состояния судом совести, твердое намерение исправить свою дальнейшую жизнь согласно заповедям и предписаниям церкви. Покаянию непременно должны предшествовать говение (пост) и молитва.

Во время совершения Таинства покаяния перед царскими вратами в храме или перед иконой Христа ставится аналой, на котором кладется крест и Евангелие. Верующие, преклонив колена, внимают особым молитвам, которые углубляют их покаянное настроение, облегчают исповедание священнику своих грехов.

Возложив на голову кающегося епитрахиль, священник своими наставлениями и вопросами располагает его к полной и чистосердечной исповеди, после которой произносит разрешительную молитву.

Умолк простивший мне грехи,
Лиловый сумрак гасит свечи,
И темная епитрахиль
Накрыла голову и плечи.
Не тот ли голос: «Дева! встань...»
Удары сердца чаще, чаще.
Прикосновение сквозь ткань
Руки, рассеянно крестящей.

Анна Ахматова. «Исповедь»

ВЕНЧАНИЕ (ТАИНСТВО БРАКА)

В таинстве брака благословляется соединение мужа и жены по подобию союза Христа с Церковью (Еф. 5, 32) для образования семьи — малой домашней Церкви — и испрашивается благодать к рождению и воспитанию детей.

Таинство это совершается торжественно и красиво, символика его глубока и поучительна. Вначале совершается обручение. Священник благословляет и подает кольца жениху и невесте для троекратного обмена, выражающего объединение, взаимную помощь, единодушие и отдание себя на всю жизнь друг другу. Кольца, имея форму круга, символа вечности, изображают неразрывность брачного союза.

После обручения священник благословляет жениха и невесту венчальными свечами, им возжженными, и ведет обрученных под пение 127-го псалма на середину храма, где они становятся перед аналоем.

Затем священник произносит поучительное слово о таинстве брака, о благочестивой жизни и обязанностях супругов, спрашивает у жениха и невесты, имеют ли они свободное, искреннее и твердое намерение вступить в брак, не связаны ли они обещанием другому человеку?

Следует мирная ектения и три особые молитвы, призывающие Божие благословение на брак. Последняя из них, наиболее краткая и выразительная: «Боже Святой! Ты создал из праха человека и воссоздал из его ребра жену и соединил его с ней, подобной ему, помощницей, ибо так угодно было Тебе, Величественному, чтобы человек не один был на земле. Ты Сам, Владыка, и теперь простри Твою руку из Твоего

Святого жилища и соедини этого Твоего раба (имя) с этой Твоей рабой (имя), ибо только Одним Тобою сочетается жена с мужем; соедини их в единомыслии, венчай их в единство плоти и, даровавши им деторождение, умножь их потомство, ибо Твоя власть и Твое есть Царство и сила и слава, Отца, и Сына, и Святого Духа, ныне, и всегда, и во веки веков. Аминь». Взяв венцы, принесенные из алтаря, священник дает их поцеловать и возлагает на голову жениха, а потом невесты. Это возложение символизирует целомудренность брачного союза и власть над будущим потомством.

Тайносовершительное действие венчания происходит при произнесении и повторении священником слов: «Венчается раб Божий (имя) рабе Божией (имя) во Имя Отца, и Сына, и Святого Духа». Венчаемые внимают апостольскому и евангельскому чтению (Еф. 5, 20—33; Ин. 2, 1—11); затем вслед за просительной ектенией, возглашаемой диаконом, и Молитвой Господней преклоняют главы под венцами, в знак преданности воле Божией. После этого священник благословляет принесенную для новобрачных общую чашу с вином, символизирующую общность их судьбы, из которой они пьют попеременно, как бы присутствуя на браке в Кане Галилейской (Ин. 2, 1—11). Священник соединяет руки новобрачных и, наложив на них епитрахиль и свою руку, обводит жениха и невесту три раза вокруг аналоя, при пении соответствующих песнопений. Священнику предшествует диакон со светильником, а за женихом и невестой следуют дружки (шаферы), поддерживающие венцы.

После отпуста перед царскими вратами на амвоне служится краткий благодарственный молебен, заканчивающийся многолетием мужу и жене. Новобрачные трижды целуются друг с другом и принимают поздравления от присутствующих. Радостные и счастливые, переступают они порог храма, за которым начинается совместная жизнь, освященная Церковью.

ТАИНСТВО СВЯЩЕНСТВА

(хиротония или рукоположение)

В этом Таинстве через молитвенное возложение рук епископа на кандидата во священники Святой Дух сообщает ему благодатную силу совершать все другие Таинства.

Возложение рук как знак благословения и передачи другому лицу власти или благодати имеет древнее происхождение и употреблялось еще в Ветхом Завете.

По примеру святых апостолов (2 Тим. 1, 6) этот обычай совершается до наших дней, являясь преемственным даром, восходящим к Самому Христу.

Рукоположение во священника совершается за Божественной Литургией после перенесения Святых Даров и Херувимской песни. Новопоставляемый во священника шествует, держа на голове обеими руками «возду́х» (покров), и становится под амвоном. По окончании второй части Херувимской песни его проводят через царские врата. Новопоставляемый становится у престола на оба колена в знак принятия особой благодати и ответственности будущего служения.

Епископ возлагает на главу его руки и читает особые тайносовершительные молитвы. После этого новопоставленный священник получает епитрахиль, пояс, фелонь, крест и служебник, при пении «аксиос» (греч.— «достоин»). Облачившись в священные одеяния, новопоставленный пастырь целует омофор и руку епископа.

Он первым приступает к приобщению Святых Тайн. Затем он читает заамвонную молитву и таким образом начинает свое служение Церкви.

ЕЛЕОСВЯЩЕНИЕ
(елеопомазание или соборование)

Это Таинство, в котором, при помазании тела елеем, призывается благодать Божия, исцеляющая немощи душевные и телесные, укрепляющая душевные и телесные силы.

Установление таинства елеосвящения принадлежит самому Христу, по заповеди Которого апостолы врачевали людей помазанием маслом (Мк. 6, 13). По апостольской заповеди (Иак. 5, 14) Таинство совершается собором священников, традиционно их 7 (по числу 7, символизирующему полноту духовных даров), отсюда другое его название — соборование.

Православная Церковь не отвергает учения Католической Церкви о Таинстве соборования как о последнем напутствии в вечную жизнь человека перед его

кончиной, но понимает это таинство шире и применяет его не только к больным.

В Греческой и Русской Православной Церкви существует древний обычай общего соборования в Великий Четверг, с непременной исповедью до соборования и причастия после него.

Чинопоследование соборования состоит из 3 частей: приготовления состава из вина и елея, освящения елея, помазания елеем.

Для совершения таинства в храме ставят стол и на нем: Евангелие, Крест, блюдо с пшеницей и сосуд с елеем и вином. Священники, облачившись, раздают присутствующим свечи, после чего читаются соответствующие молитвословия, поются 11 тропарей в честь Христа, Пресвятой Богородицы и святых угодников-целителей.

Символика таинства (зерно, свечи, седмеричное число апостольских и евангельских чтений и молитва) очень глубока.

ЦЕРКОВНОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ

Церковное богослужение обнимает и одухотворяет все проявления душевной жизни верующих, в высшей степени свойственные православным христианам. «Не зная церковной службы, совершенно нельзя понять, что такое русский народ и как он произошел»,— справедливо подчеркивал В. В. Розанов (Л. Н. Толстой и Русская Церковь. СПб., 1912. С. 18). Главным богослужением Православной Церкви, средоточием ее суточного круга богослужений является Божественная Литургия, совершаемая в утренние (ранняя литургия) и дневные (поздняя литургия) часы.

Первая часть Литургии называется *проскомидия*, что означает в переводе с греческого языка «принесение» — в память о том, что древние христиане приносили в храм хлеб и вино для Святой Евхаристии. От этого и сам церковный хлеб, употребляемый на проскомидии, называется просфора, то есть приношение.

В отличие от Западной Церкви, где употребляется пресный хлеб (опресноки), православные просфоры приготовляют на дрожжах, в воспоминание о том, что (в соответствии с греческим текстом Евангелия) Христос совершил Тайную Вечерю на квасном хлебе (в латинском переводе Евангелия нет разницы в названии пресного и квасного хлеба).

Чинопоследование проскомидии совершается следующим образом. Священник берет с жертвенника просфору, делает на ней знак креста и, читая молитвы и пророчества Ветхозаветного пророка Исайи (о пришествии Мессии), вынимает среднюю часть, которая называется Агнцем. Затем вливает вино и воду в чашу, что символизирует истекшие кровь и воду из ребра Спасителя на кресте. Из других просфор поочередно вынимаются частицы в честь Пресвятой Девы Марии, девяти ликов святых, за живых членов Церкви и за усопших. Проскомидия является приуготовительной частью к Литургии, в воспоминание жизни Христа до его вступления на проповедь и общественное служение; она совершается незримо для молящихся, в алтаре, что является особенностью православного Богослужения. Для молящихся в храме в это время читаются так называемые часы — собрание псалмов и молитв.

Вторая часть Литургии называется *Литургией оглашенных*, в воспоминание о том, что в Древней Церкви, еще неразделенной, во время совершения этой части Литургии могли находиться некрещеные лица (так называемые «оглашенные»), готовящиеся к принятию Крещения, а также недостойные и кающиеся христиане, отлученные от причастия.

Литургия оглашенных начинается с открытия завесы Царских врат, после чего диакон совершает каждение алтаря и всего храма. Каждение сопровождается чтением 50-го псалма. Затем священник произносит начальный возглас: «Благословенно Царство Отца, и Сына, и Святого Духа ныне, и присно, и во веки веков!» Диакон читает Великую (или мирную) ектению, а священник в это время читает тайные молитвы, прося Бога о даровании милостей молящимся в храме (в древности эти молитвы читались вслух). Во время Великой ектении верующие молятся о ниспослании мира свыше, прощении грехов и спасении душ; о мире всего мира, о непоколебимом стоянии Церквей и о соединении всех; о храме, в котором совершается Литургия; о Главах Православных Церквей, о епископах, священниках и о всем церковном и монашеском чине; о соединении, братолюбии и мире церковном; о Богохранимой стране и городе, о начальствах духовных и гражданских, об изобилии плодов земных и временах мирных; о плавающих, путешествующих,

больных, страждущих, пленных и о спасении их; об избавлении молящихся от всякой скорби, гнева и нужды.

После Великой ектении диакон сходит с амвона. Начинается пение так называемых «антифонов» — песнопений, выбранных из псалмов, которые исполняются попеременно двумя хорами. Во время пения третьего антифона совершается Малый вход, символизирующий выход Христа на проповедь. Отверзаются Царские врата, священник и диакон совершают троекратное поклонение перед престолом. Взяв Евангелие, священник подает его диакону, и оба выходят из северных врат алтаря на солею за свещеносцем, который шествует с зажженной свечой.

Стоя впереди священника перед Царскими вратами, диакон поднимает Евангелие, изображая им крест, и произносит: «Премудрость! Прости» («стойте прямо», «воспряньте», «выпрямитесь», внимая Божественной Премудрости).

После Малого входа хор поет тропари — краткие песнопения, посвященные празднику или святому, в честь которого построен храм. Во время чтения Деяний Апостолов диакон вновь совершает каждение всего храма. Чтение Евангелия совершается особенно торжественно.

После Евангелия произносится сугубая ектения, называемая так потому, что припев «Господи, помилуй» повторяется трижды (сугубый значит особый, повторный, усиленный).

Во все дни церковного года (кроме воскресных дней, двунадесятых и храмовых праздников) после сугубой ектении обычно произносится заупокойная ектения. Держа орарь, диакон воззывает: «Господи, помилуй», а священник молится в алтаре, чтобы Христос, поправший смерть и даровавший жизнь, упокоил души усопших в ином мире, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания.

Литургия оглашенных заканчивается чтением особой ектении об оглашенных, то есть о тех, кто готовится принять Крещение.

Молящиеся в храме, сознавая свое недостоинство называться христианами, ибо «один Христос без греха», ставят себя мысленно в ряд оглашенных и со смирением на каждое призывание диакона, преклоняя главы, восклицают: «Тебе, Господи!»

ЛИТУРГИЯ ВЕРНЫХ начинается словами «Елицы вернии, паки и паки миром Господу помолимся» (то есть те, которые верны, еще и еще все вместе, соборно, помолимся Богу). Это самая главная часть Литургии, на которой Честные Дары, приготовленные на проскомидии, силою и наитием Святого Духа пресуществляются в Тело и Кровь Христовы. Священнодействия Литургии верных символизируют собой страдания Христа, Его смерть и погребение, Воскресение из мертвых и Вознесение на Небо, пребывание в Царстве Бога Отца и Второе славное пришествие на землю.

Волнующим моментом Литургии верных является пение хором Херувимской песни: «Мы, Херувимов таинственно изображающие и Животворящей Троице трисвятую песнь поющие, всякое ныне житейское отложим попечение» (то есть оставим всякие мирские, земные заботы). Посредине Херувимская песнь прерывается, и священнослужители совершают Великий вход, изображающий торжественный вход Господа Иисуса Христа в Иерусалим в Вербное воскресение, когда Он добровольно шел на ожидавшие Его Крестные страдания. Священник и диакон берут святые сосуды с жертвенника и переносят их на престол, проходя через северные двери алтаря. Перед ними несут прислужники свечу и кадило. Остановившись в Царских вратах, священник и диакон возносят молитву о Патриархах, епископах, духовных и гражданских властях, стране и городе, всем народе и всех православных христианах. Затем священник ставит святые сосуды на престол на развернутом антиминсе и покрывает их «воздухом» (покровом). Царские врата закрываются, завеса на них задергивается, в воспоминание камня, которым был закрыт гроб Господень.

После этого диакон читает первую просительную ектению: «О предложенных Честных Дарех Господу помолимся», которая заканчивается благословением священника: «Мир всем». Только в мире, любви и единомыслии можно совершать великое Таинство Святой Евхаристии. Поэтому, приступая к нему, молящиеся все вместе читают исповедание православной веры — Символ Веры, в котором кратко изложены основные истины христианской веры.

В это время священник в алтаре колеблет «возду́х» над Святыми Дарами, молясь о ниспослании Святого

Духа на них. По окончании пения Символа Веры начинается Евхаристический Канон, то есть порядок самого пресуществления Святых Даров. Священник в алтаре снимает «воздух» со Святых Даров, целует его и кладет в сторону. Диакон, войдя в алтарь, веет над Дарами рипидой. Хор поет «Достойно и праведно поклонятися Отцу, и Сыну, и Святому Духу, Троице Единосущей и Нераздельной»; все молящиеся в это время земно кланяются. Во время пения «Достойно» священник начинает читать тайную евхаристическую молитву; последние слова молитвы он произносит вслух: «Победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще». Хор подхватывает слова молитвы, продолжая ее: «Свят, свят, свят Господь Саваоф, исполнь Небо и земля славы Твоея...» Продолжая про себя читать евхаристическую молитву, священник произносит вслух евангельские слова Христа: «Приимите, ядите, сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов». После ответа хора: «Аминь» священник продолжает: «Пийте от нея вси, сия есть Кровь Моя Нового Завета, яже за вы и за многие изливаемая во оставление грехов». Хор вновь ответствует: «Аминь». Далее следует молитва, называемая «Эпиклезис» (призывание Святого Духа), которую читает священник, после чего благословляет Святые Дары, которые уже пресуществились (таинственно преобразились) в Тело и Кровь Христову. Все молящиеся в храме совершают в этот момент земной поклон.

Сразу же после пресуществления Святых Даров священник поминает всех, за кого было совершено Таинство Евхаристии. Евхаристический канон заканчивается молитвой о единодушии и мире всей Церкви и благословением всех молящихся в храме.

Далее следует приготовление исповедников к принятию Святых Таин Христовых, то есть к причащению. После просительной ектении, возглашаемой диаконом, верующие все вместе поют «Отче наш» («Молитву Господню»).

Священник, стоя у престола, поднимает с дискоса Святой Агнец и возглашает: «Святая — Святым!». Под этим подразумевается, что Святое Тело Христово должно преподаваться только святым; верующие призваны стремиться к святости, к достойному причащению.

Священнослужители причащаются в алтаре, хор поет в это время так называемый «запричастный стих». Затем Царские врата распахиваются, и Святая Чаша выносится на солею со словами: «Со страхом Божиим и верою приступите». Все молящиеся в храме совершают земной поклон, как бы увидев Самого Господа. Причащение мирян происходит по древнему обычаю, установленному святителем Иоанном Златоустом, Патриархом Константинопольским. Причастники приступают ко Святому Причастию, сложив благоговейно руки на груди. Их причащают сразу Тела и Крови Христовых лжицей из чаши, после особой «Молитвы перед причастием»: «Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистину Христос, Сын Бога Живаго...», в которой причастники исповедуют свою веру в Святое Таинство Евхаристии.

Подходя к Святой Чаше, каждый причастник называет свое имя. Священник причащает его, говоря: «Причащается раб Божий (имя) Честнаго и Святаго Тела и Крове Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, во оставление грехов своих и в жизнь вечную».

Отойдя от Чаши, причастники запивают Святое Причастие теплотой (водой с вином).

После благодарственных молитв священник благословляет верующих на выход из храма, напоминая о том, что они должны сохранять в душе мир Христов: «С миром изыдем...»

После заамвонной молитвы, которую священник совершает, сойдя с амвона и став посреди народа, хор трижды поет: «Буди Имя Господне благословенно отныне и до века». Литургия завершается благословением народа, когда молящиеся подходят к священнику и целуют крест. При этом происходит раздача остатков просфор, то есть освященного хлеба (антидора), из которого вынута на проскомидии часть, называемая Агнцем.

Раздав антидор, священник совершает отпуст литургии и благословляет народ словами: «Христос, Истинный Бог наш, молитвами Пречистыя Своея Матери... и всех Святых помилует нас, яко благ и человеколюбец».

Осеняя себя крестным знамением, верующие выходят из храма.

Православные праздники. Их смысл, значение и празднование

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО*

2000 лет тому назад римский император Август, желая узнать, сколько у него подданных, приказал переписать всех людей, живших в его государстве.

Велел он сделать эту перепись и евреям, которые жили тогда в Иудее и управлялись наместником Августа — царем Иродом.

Тогда все пошли записываться, каждый в свой родной город.

Старец Иосиф и Пресвятая Дева Мария, которые были потомками царя Давида, отправились в город Вифлеем, где родился когда-то царь Давид.

Прибыли они в Вифлеем поздно вечером и не могли найти себе места в городе для ночлега, потому что по случаю переписи в нем было слишком много приезжих. Пресвятая Дева Мария и Иосиф нашли себе приют среди гор, в пещере, куда пастухи загоняли свои стада в плохую погоду.

И здесь, в этой пещере, у святой Девы Марии родился сын — обещанный Богом Спаситель мира, Господь наш Иисус Христос. Божия Матерь спеленала Младенца и положила Его в ясли, на сено. Так исполнилось предсказание пророка, который говорил, что Иисус Христос родится в Вифлееме.

Была тихая, ясная ночь. Все спало кругом, и никто не знал о том, что произошло. Не спали только пастухи, охранявшие свои стада около Вифлеема.

Вдруг им явился ангел Господень, окруженный невиданным светом. Пастухи испугались, но ангел сказал им: «Не бойтесь, я возвещаю вам великую радость для всех людей. В Вифлееме родился обещанный Богом Спаситель мира Иисус Христос. Вы найдете Младенца, спеленатого и лежащего в яслях».

И внезапно появилось в небесах множество других ангелов, которые славили Бога и пели: «Слава в вышних Богу и на земли мир, в человеках (среди людей) благоволение».

Когда ангелы скрылись, пастухи сказали друг другу: пойдем в Вифлеем и посмотрим, что там случи-

---

* Из книги для детей: Христос и его Церковь. Paris, Ymca-Press. 1989.

лось и о чем нам говорили ангелы. Они поспешили к городу и нашли Младенца Христа в пещере, лежащего в яслях, и поклонились Ему как Богу, а Матери Его рассказали о случившемся в поле.

В тот час, когда родился Иисус Христос, зажглась в небе большая, яркая звезда. Эту звезду увидали три мудреца, живших далеко от Вифлеема,— они поняли, что родился на земле кто-то Великий. Они скоро собрались в дорогу, пришли в Иерусалим и спрашивали: «Где родившийся Царь Иудейский? Мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему».

Царь же еврейский Ирод, узнав о цели их приезда, испугался, что новорожденный Царь отнимет у него власть над царством, и решил тайно убить Младенца Христа.

Зная, что по предсказаниям пророков Младенец Иисус должен родиться в Вифлееме, он сказал мудрецам: «Пойдите, узнайте все о Младенце, и когда найдете Его — известите и меня, потому что и я хочу пойти поклониться Ему». На самом же деле Ирод хотел узнать только место, где находится Христос, чтобы послать туда своих людей убить Его.

Волхвы (мудрецы) обещали Ироду исполнить его просьбу и отправились в Вифлеем. Звезда опять сияла в небе и шла перед волхвами, точно указывая путь странника, и вдруг остановилась как раз над тем местом, где был святой Младенец. Волхвы обрадовались, вошли в дом, увидали Младенца с Марией и, упавши на колени, поклонились Ему и принесли Ему свои дары — золото, ладан и смирну (душистую смолу).

В следующую ночь волхвам явился во сне ангел и велел им не возвращаться назад через Иерусалим, так как царь Ирод ждал вестей о Младенце, чтобы убить Его, и они тогда вернулись к себе домой другим путем. В то же время и старцу Иосифу явился другой ангел Господень и сказал: «Встань, возьми Младенца и Матерь Его и беги с ними в Египет и оставайся там, пока я снова не явлюсь тебе,— потому что царь Ирод ищет Младенца, чтобы погубить Его». Иосиф послушался ангела и ушел с Божией Матерью и Младенцем в Египет и оставался там, пока не умер царь Ирод.

Ирод же, увидав себя осмеянным и обманутым волхвами, очень разгневался и велел слугам своим убить всех младенцев в Вифлееме и его окрестностях, надеясь, что среди них погибнет непременно и маленький

Христос. Он и не подозревал того, что Христос находится уже далеко от Вифлеема — в Египте.

МОЛИТВА ПРАЗДНИКА

Когда родился Христос, все сотворенное Богом захотело принести Ему дары. И вот: *«Ангелы Божии принесли Ему свое пение, небеса принесли Ему в дар новую звезду, земля дала пещеру, в которой родился Христос, и ясли, в которые он был положен; волхвы принесли Ему золото, ладан и смирну, а мы, люди, дали Господу Его Пресвятую Матерь, Богородицу, потому что она была от нашего человеческого рода».*

Мы, люди, хотим все время благодарить Спасителя за то, что Он пришел на землю и спас Своею жизнью с людьми всех людей. Мы приносим Христу свои молитвы и хвалу вместе с ангелами. А в день, когда мы празднуем праздник Рождества Христова, мы особенно хотим славить Бога и благодарить Его за Его рождение на земле.

Поэтому мы и говорим в дни праздника: *«Рождество Твое, Христе Боже наш, озарило мир светом разума. Через Рождество Твое волхвы — мудрецы, поклонявшиеся звездам, звездою же были научены поклоняться Тебе, солнцу правды, и знать Тебя, сошедшего с высоты Господа, Господи, слава Тебе».*

Эта молитва в церкви поется так: *«Рождество Твое, Христе Боже наш, воссия мирови свет разума, в нем бо звездам служащии звездою учахуся Тебе кланятися, солнцу правды, и Тебе ведети с высоты востока: «Господи, слава Тебе».*

СРЕТЕНИЕ ГОСПОДНЕ

Одного просил я у Господа,
Одного только ищу,
Чтобы пребывать мне в доме Господнем
Во все дни жизни моей,
Созерцать красоту Господню
И посещать Храм Его.

Из 26-го псалма царя Давида

Господь создал нас, людей, для того, чтобы мы знали Его, любили Его и были бы Его детьми и всегда бы радовались жизни, которую нам дал Бог. Все люди — братья между собою, и все — дети Божии. Те люди, которые помнят Бога и любят Бога и исполняют запо-

веди Его, составляют одну большую семью, собравшуюся вокруг Господа, вместе с Божией Матерью, с апостолами, со всеми святыми, со всеми теми, кто жил раньше нас и веровал в Господа, потому что у Бога мертвых нет, у Него все всегда живы: и живые, и умершие.

Вся эта большая Божья семья, собравшаяся около Господа, называется Церковью. Кто принадлежит к Церкви, не должен уже ничего бояться, потому что вся Церковь защищает его от всякого зла, а Церковь, по слову Господа, так сильна, что ее никто никогда не одолеет (не победит).

Для того чтобы людям легче было всегда оставаться в Церкви, т. е. в этой семье Господа, не терять своего места в ней, а наоборот, все крепче и крепче связывать себя с Ней, Церковь Православная установила семь главных таинств, т. е. таких молитвенных действий, через которые нам всю нашу жизнь подается помощь Божия и благословение Божие. Прежде всего над нами совершается таинство крещения, через которое мы начинаем принадлежать Церкви. Через таинство миропомазания — освящаются все наши чувства. Через таинство причащения мы соединяемся со Христом. Через таинство покаяния нам прощаются наши грехи. В таинстве брака благословляется семья. В таинстве елеосвящения исцеляемся от болезни. В таинстве священства поставляются священники — пастыри Церкви.

Но кроме таинств, Церковь учит нас исполнять еще различные церковные обычаи, соединенные с молитвами.

Об одном из таких обычаев говорит нам праздник Сретения. Уже очень давно, еще во время Ветхого Завета, т. е. до Рождения Иисуса Христа, был установлен обычай, по которому родители приносили в храм к Господу своих маленьких новорожденных детей, чтобы Господь благословил их и принял бы их, как своих детей.

Детей приносили на 40-й день после их рождения. Богатые приносили при этом в жертву Богу ягненка, а бедные — пару голубей.

И вот, когда родившемуся Спасителю исполнилось 40 дней, Пресвятая Дева Мария в сопровождении Иосифа пришла в Иерусалимский храм и принесла Христа.

И так как они были очень бедны, то в жертву Господу Дева Мария и старец Иосиф принесли только пару голубей.

В то время жил в Иерусалиме очень старый человек по имени Симеон. Он был праведен и благочестив, ему было предсказано Богом, что он не умрет до тех пор, пока не увидит пришедшего на землю Христа. И вот, по внушению Божию, он пришел в храм в то время, когда Божия Матерь принесла туда Спасителя, и встретил Христа. Поэтому-то и праздник называется Сретение. Он взял на руки Христа, зная, что это Спаситель мира, и сказал: «Теперь Ты отпускаешь меня, раба Твоего, из этой жизни с миром, потому что видели очи мои спасение Твое, которое Ты приготовил перед лицом всех народов, свет к просвещению язычников и славу народа Твоего, Израиля».

Тут же в Церкви была Анна, пророчица, вдова, достигшая очень большой старости, которая уже лет 60 жила при храме и постом и молитвою служила Богу день и ночь. И она подошла к Иисусу Христу, тоже узнала в Нем Спасителя и стала всем говорить о Нем, радуясь и хваля Бога и говоря, что вот пришел Спаситель, которого уже ожидали в Иерусалиме.

Иосиф Бродский

СРЕТЕНЬЕ

Когда Она в церковь впервые внесла
Дитя, находились внутри из числа
людей, находившихся там постоянно,
Святой Симеон и пророчица Анна.

И старец воспринял Младенца из рук
Марии; и три человека вокруг
Младенца стояли, как зыбкая рама,
в то утро, затеряны в сумраке храма.

Тот храм обступал их, как замерший лес.
От взглядов людей и от взора небес
вершины скрывали, сумев распластаться,
в то утро Марию, пророчицу, старца.

И только на темя случайным лучом
свет падал Младенцу; но Он ни о чем
не ведал еще и посапывал сонно,
покоясь на крепких руках Симеона.

А было поведано старцу сему
о том, что увидит он смертную тьму
не прежде, чем Сына увидит Господня.
Свершилось. И старец промолвил: «Сегодня,

реченное некогда слово храня,
Ты с миром, Господь, отпускаешь меня,
затем что глаза мои видели это
    Дитя: Он — твое продолженье и света

источник для идолов чтящих племен,
и слава Израиля в нем».— Симеон
умолкнул. Их всех тишина обступила.
    Лишь эхо тех слов, задевая стропила,

кружилось какое-то время спустя
над их головами, слегка шелестя
под сводами храма, как некая птица,
    что в силах взлететь, но не в силах спуститься.

И странно им было. Была тишина
не менее странной, чем речь. Смущена,
Мария молчала. «Слова-то какие...»
    И старец сказал, повернувшись к Марии:

«В лежащем сейчас на раменах твоих
паденье одних, возвышенье других,
предмет пререканий и повод к раздорам.
    И тем же оружьем, Мария, которым

терзаема плоть Его будет, Твоя
душа будет ранена. Рана сия
даст видеть тебе, что сокрыто глубоко
    в сердцах человеков, как некое око».

Он кончил и двинулся к выходу. Вслед
Мария, сутулясь, и тяжестью лет
согбенная Анна безмолвно глядели.
    Он шел, уменьшаясь в значеньи и в теле

для двух этих женщин под сенью колонн.
Почти подгоняем их взглядами, он
шел молча по этому храму пустому
    к белевшему смутно дверному проему.

И поступь была стариковски тверда.
Лишь голос пророчицы сзади когда
раздался, он шаг предержал свой немного:
    но там не его окликали, а Бога

пророчица славить уже начала.
И дверь приближалась. Одежд и чела
уж ветер коснулся, и в уши упрямо
    врывался шум жизни за стенами храма.

Он шел умирать. И не в уличный гул
он, дверь отворивши руками, шагнул,
но в глухонемые владения смерти.
    Он шел по пространству, лишенному тверди,

он слышал, что время утратило звук.
И образ Младенца с сияньем вокруг
пушистого темени смертной тропою
душа Симеона несла пред собою,

как некий светильник, в ту черную тьму,
в которой дотоле еще никому
дорогу себе озарять не случалось.
Светильник светил, и тропа расширялась.

МОЛИТВА ПРАВЕДНОГО СИМЕОНА БОГОПРИИМЦА

Вот те слова, которые сказал старец Симеон, взяв на руки Спасителя, как мы их читаем в Церкви: *«Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром, яко видеста очи мои спасение Твое, еже еси уготовал пред лицом всех людей, свет во откровение языков, и славу людей твоих, Израиля».*

Сретение — Господний праздник, но песнопения и молитвы праздника прославляют прежде всего Пресвятую Деву Богородицу: *«Радуйся, благодатная Богородице Дево, из Тебе бо воссия солнце правды, Христос Бог наш, просвещаяй сущие во тьме: веселися и ты, старче праведный, приемый во объятия Свободителя душ наших, дарующего нам воскресение».*

Церковь установила четыре праздника, прославляющих Богородицу: Рождество Богородицы (8/21 сентября), Введение во храм (21 ноября/4 декабря), когда, по преданию, трехлетней девочкой Мария была введена в Иерусалимский храм и оставлена в нем на воспитание; Успение (15/28 августа), день ее кончины, когда Пресвятая Богородица, как бы минуя смерть, перешла от земной жизни к жизни небесной; особое место занимает праздник Благовещение (25 марта/7 апреля), когда архангел Гавриил объявил Деве Марии, что у нее чудесным образом родится Сын Божий: с этого момента начинается наше спасение.

Почитание Божьей Матери сложилось в самые первые века христианства. В Риме, в катакомбах-подземельях, где христиане хоронили своих мертвых и прятались от гонений, можно видеть на стене первое изображение Божьей Матери (II—III век). Тогда же была составлена одна из самых древних молитв к Божьей Матери:

«Под Твою милость прибегаем, Богородице Дево, молений наших не презри в скорбех, но от бед избави нас, едина чистая и благословенная».

Мы почитаем Божью Матерь за то, что Бог избрал Ее для рождения своего Сына. Она — образ чистоты, кротости, смирения, самоотвержения. Богородица — заступница у Христа за каждого из нас и за весь род человеческий.

«Богородица Дева, радуйся, благодатная Мария, Господь с Тобою. Благословенна Ты в женах и благословен плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших (так как Ты родила Спасителя наших душ)».

ВОЦЕРКОВЛЕНИЕ МЛАДЕНЦЕВ

Обычай приносить новорожденных детей в церковь есть и у нас до сих пор. Мы тоже приносим родившееся дитя, на 40-й день после его рождения, в церковь, чтобы с этого дня сделать его членом семьи Господней, т. е. Церкви, и помолиться о нем. Мать приходит в церковь и приносит своего младенца. Священник ждет ее у входа в храм, берет у нее из рук ребенка и читает над ним молитву: *«Благослови, Господи, младенца возрасти, освяти, вразуми, уцеломудри, удобомудрствуй...»* и дальше: *«Возрасти младенца на Тебе благоугодное и благое дело, отгоняя от него всякую силу знамением креста... Потому что Ты, Господи, хранишь младенцев».*

Затем священник совершает младенцем крест у входа в церковь и говорит: «Воцерковляется младенец (называет его имя) во имя Отца, и Сына, и Святого Духа». Входит в храм, останавливается с ребенком посреди храма и опять говорит: «Воцерковляется младенец во имя Отца, и Сына, и Святого Духа», и наконец подходит с ним к самому главному месту Церкви — алтарю, и если это мальчик, то вносит его в алтарь и там в третий раз говорит: «Воцерковляется раб Божий», если же это девочка, то священник останавливается с ней перед Царскими вратами, потому что женщинам запрещено входить в алтарь, и тут ей говорит в последний раз молитву.

После этого батюшка кладет младенца на пол в церкви перед Царскими вратами, и тогда его мать подходит и берет его уже на руки, получая таким образом свое дитя назад от Церкви. А священник в это время читает молитву старца Симеона: «Ныне отпущаеши раба твоего, Владыко».

КРЕЩЕНИЕ ГОСПОДНЕ, ИЛИ БОГОЯВЛЕНИЕ

У пресвятой Девы Марии была родственница Елисавета, жена священника Захарии. Она жила недалеко от Иерусалима. И она и муж ее вели праведную жизнь, дожили до глубокой старости, а детей все у них не было.

И вот, когда они потеряли уже всякую надежду иметь дитя, однажды, когда Захария совершал богослужение в храме, ему явился ангел и сказал, что у него родится сын, которого надо назвать Иоанн, и что этот сын будет проповедовать о скором приходе на землю Спасителя Христа.

Предсказание ангела сбылось. У Елисаветы родился сын, которого и назвали Иоанном.

Когда Иоанн вырос, он удалился один в глухую пустыню и жил там в пещере, молясь Богу, до тех пор, пока ему не исполнилось 30 лет. Он вел очень суровый образ жизни, носил всегда одежду из грубой верблюжьей шерсти, толстый кожаный пояс, а пищей ему был дикий мед и акриды (насекомые вроде саранчи, это пища самых бедных людей на востоке).

Когда же Иоанну исполнилось 30 лет, он оставил свою пещеру и пришел к народу еврейскому на реку Иордан и стал проповедовать народу о том, что приблизилось царство Божие и скоро придет Спаситель мира.

Он подготовлял людей к встрече со Спасителем, говорил им, что надо каяться в грехах, что надо быть чистым от грехов, не надо больше ни обижать друг друга, ни клеветать друг на друга, и в знак очищения от греха крестил евреев в воде Иордана.

О Спасителе же он говорил так: «Вот идет за мною Сильнейший меня, у Которого я не достоин развязать ремень обуви Его. Я крещу вас водою, а Он будет крестить вас Духом Святым».

И вот в один из дней, когда Иоанн был на реке Иордан и крестил там людей, приходит к нему сам Спаситель, Иисус Христос, которому в то время тоже было 30 лет, и просит Иоанна крестить и Его, как простого человека.

Хотя Он, как Бог, конечно, был совершенно чист от греха.

Иоанн ужаснулся и хотел удержать Его и сказал Христу: «Ты ли приходишь креститься ко мне? Это

мне надо принять крещение от Тебя». Но Иисус Христос возразил ему: «Оставь теперь: нам надо исполнить всю правду» (т. е. то, что повелел Бог).

И тогда Иоанн крестил Его в воде реки Иордан. Крестившись, Иисус Христос вышел из воды, и вдруг раскрылись небеса, и увидел Иоанн Духа Божия, который сходил на Христа в виде голубя, и слышен был в это время голос с неба: «Это Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение».

Так во время крещения Господа, в первый раз со времени рождения Иисуса Христа на земле, Бог явил себя людям во всей своей таинственной полноте, в Пресвятой Троице.

Был слышен голос с неба, голос Бога Отца, Дух Святой сходил в виде голубя, а сам Сын Божий Иисус Христос принял крещение от Иоанна.

Вот почему праздник Крещения Господня, который мы празднуем 6/19 января,— становится еще большим праздником и называется праздником Богоявления, т. е. таким днем, когда Бог явился людям как Единая Пресвятая Троица.

МОЛИТВА ПРАЗДНИКА

В день Крещения Господня мы читаем молитву, в которой рассказано о случившемся событии. В этой молитве говорится: «*В день Твоего крещения в Иордане, Господи, мы поклоняемся Святой Троице: в этот день Тебя указал голос Отца, называя Тебя Возлюбленным Сыном, и Дух Святой сошел на Тебя в виде голубя, подтверждая слова Бога Отца. Слава Тебе, Христе Боже, пришедший в мир и просветивший его*».

По-церковнославянски, в церкви, эта молитва читается так: «*Во Иордане крещающуся Тебе, Господи, Тройческое явися поклонение; родителев бо глас свидетельстваше Тебе, возлюбленного Тя Сына именуя, и Дух в виде голубине — извествоваше словесе утверждение; явлейся, Христе Боже, и мир просвещей, слава Тебе*».

ВОДОСВЯТИЕ

Мы хотим всегда окружать себя святыми предметами. Так, прежде всего мы любим иконы и вешаем их

в своих комнатах и молимся перед ними. Мы хотим и все другие предметы, нас окружающие, освящать, например дом, в котором мы живем, наши поля, луга, нашу пищу и многое другое.

Одним словом, мы хотим, чтобы все кругом нас было благословенно от Бога, тогда нам спокойнее и лучше жить.

В день Крещения Господа, 6/19 января, наша Церковь дает Божие благословение на воду и совершает благословение воды. И этой святой водой потом уже можно освящать другие предметы.

«Сегодня освящаются воды,— говорит одна церковная молитва праздника Крещения,— разделяется Иордан, и струи своих вод возвращает назад, видя Господа крещающимся».

В эти дни, 5/18 и 6/19 января, два раза совершается освящение воды. Первый раз, в сочельник праздника, т. е. накануне Крещения. Священник совершает освящение воды в церкви. Мы все разбираем эту освященную воду по домам и храним ее около святых икон и употребляем ее в случае болезни или когда надо освятить что-либо.

Священник в этот день обходит дома всех верующих и освящает молитвою и святой водой наши дома с пением молитвы: «Во Иордане крещающуся Тебе, Господи».

На другой день, в день самого праздника, по всей России, во всех ее городах, городках и селах, издавна совершался торжественный крестный ход из главной церкви на реку, чтобы освятить там воду. Место освящения воды на реке мы называем «Иордан». В это время года в России всегда страшные морозы, которые так и получили название «крещенских» морозов. Реки замерзают и покрываются толстым льдом. Приходится в реке прорубать топором отверстие, чтобы добраться до воды. Отверстие это делают большей частью в виде креста.

Сюда, к этому месту, приходил крестный ход, и тут совершали освящение воды, которую тоже потом разбирали в бутылках и пузыречках по домам.

Некоторые же бросались потом в прорубь, чтобы окунуться в этой ледяной, освященной воде и омыть свои грехи крещенской водой.

Обычай этот сохранился в России и до наших дней.

КАК ВЛАДИМИР СВЯТОЙ НАШЕЛ ИСТИННУЮ ВЕРУ

Ровно тысячу лет тому назад был на Руси храбрый и умный князь Владимир. Он еще не знал тогда истинного Бога и поклонялся идолам. И запала в его сердце мысль, что он поклоняется не настоящим богам. Начал он присматриваться к другим народам — кто из них как молится Богу. И стали к нему тогда приходить посланные от разных народов, и каждый предлагал ему свою веру. Магометане говорили: «Мы веруем в Бога, а Магомет у нас пророк Божий. Он учит нас, как жить, свинину не велел есть и вина не позволяет пить». Пришли евреи и тоже хвалили свою веру. «А где же ваша земля?» — спросил их Владимир. «Она в Иерусалиме,— отвечали те,— да только мы не живем там. Бог разгневался на наших отцов и рассеял нас по всем странам ради наших грехов и отдал теперь нашу землю христианам». Владимир сказал: «Как же это вы учите других своей вере, когда сам Бог вас отверг? Если бы Бог любил Вас, не рассыпал бы Он вас по всей земле. Хотите, чтобы и с нами то же случилось?» Но вот пришли к Владимиру греки-христиане, и один из них показал Владимиру картину Страшного суда, рассказывая о Христе. Сильно поразила эта картина Владимира, он задумался, вздохнул и сказал: «Хорошо этим, которые по правую сторону от Христа, горе же тем, которые стоят по левую и которые войдут в вечный огонь». На что грек-монах ответил ему: «Если ты хочешь быть с праведниками, то крестись».

Владимир все же не решался переменить свою веру и решил испытать каждую веру на месте. Он послал своих бояр по разным странам посмотреть, кто как живет и как служит Богу. Бояре побывали у болгар и у хазар, но когда они попали в Византию (теперь называется Константинополь), в храм Святой Софии,— то прямо не знали, где они находятся, на земле или на небе, такая красота была там. И решили они, что тут действительно Бог с людьми пребывает. Вернувшись к Владимиру, сказали ему: «Каждый человек, вкусивши сладкого, не захочет горького; так и мы больше не хотим оставаться в нашей старой языческой вере». Услышав их рассказ, Владимир решил принять святое крещение и крестить весь русский народ.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ГОСПОДНЕ

Иисус Христос много раз говорил своим ученикам, что Он пришел в мир ради спасения людей и что для этого Ему надо искупить грехи людей своими страданиями и своею смертью и воскрешением. Ученики же Его не понимали этого, они боялись за Христа, хотели уберечь Его. Апостол Петр даже говорил Христу: «Будь милостив к Себе, Господи, пусть не будет с Тобою этого» (Еванг. от Матф. 16 гл. 22 стих).

Христос хотел укрепить веру своих учеников в Себя так, чтобы она не могла быть поколеблена всеми теми мучениями и страданиями, которые Он должен был скоро уже претерпеть. Он захотел поэтому показать своим ученикам свою божественную славу.

Он взял с собою трех своих учеников, Петра, Иакова и Иоанна, и взошел с ними на гору, которая называлась Фавор.

Взойдя на гору, Христос стал молиться. Ученики же от усталости заснули, и вот вдруг сильный, нестерпимый свет разбудил их.

И они увидели Спасителя таким, каким никогда они еще не видали Его в обычной жизни. Христос преобразился, т. е. изменился, лицо Его сияло как солнце, блистающие одежды были белы как снег или как свет, так белы, как ни один белильщик не может выбелить на земле.

По обеим сторонам Христа стояли пророки Илия и Моисей и беседовали с Ним о Его будущих страданиях и смерти в Иерусалиме.

И было так хорошо всем в этом необыкновенном свете, что апостол Петр сказал Христу: «Господи, хорошо нам здесь быть. Сделаем три палатки: для Тебя, Моисея и Илии».

Когда он говорил это, вдруг явилось облако и опустилось на апостолов: они испугались, когда вошли в облако. И услышали голос Божий, который сказал: «Сей есть Сын мой возлюбленный, Его слушайте». Ученики от страха пали на лица свои.

Тогда Христос подошел к ним, коснулся их и сказал: «Встаньте, не бойтесь». Подняв глаза, апостолы ничего уже больше не увидели. Только один Спаситель был с ними, но уже таким, каким Он был обычно.

МОЛИТВА ПРАЗДНИКА

У нас на каждый день в году есть своя особая молитва, в которой говорится о том, что мы вспоминаем в этот день. Называется она «тропарь».

Есть такая молитва и на праздник Преображения Господня, в которой говорится: *«Ты преобразился на горе, Христе Боже, и показал ученикам Твоим славу Твою, насколько они могли ее увидеть. Пусть же воссияет и нам, грешным, твой свет вечный, по молитвам Богородицы. Слава Тебе, давшему нам свет»*.

В церкви же, во время богослужения, эта молитва по-церковнославянски читается так: *«Преобразился еси на горе, Христе Боже, показавый учеником Твоим славу Твою, якоже можаху: Да воссияет и нам, грешным, свет Твой присносущный, молитвами Богородицы, Светодавче, слава Тебе»*.

ТРИ СПАСА

Первый Спас — на воде — медовый.
Второй Спас — на горе — яблочный.
Третий Спас — на полотне — холщовый.

В начале августа у нас есть три праздника, совсем особенных. Каждый из этих праздников мы празднуем, вспоминая разные события из жизни Спасителя. Каждый из них поэтому и называется Спасовым или Спасителевым днем.

Первый Спас — 1 августа (ст. стиль). Церковь вспоминает в этот день крест Господа, на котором Он был распят. В древнем городе Византии, который теперь называется Константинополем (откуда мы, русские, получили нашу веру), в это время года стоит обыкновенно очень большая жара и засуха, отчего бывает много больных. Поэтому там существовал обычай в этот день из царской сокровищницы выносить в храм Святой Софии для поклонения частицу Креста Господня.

Эта частица Креста проносилась потом через весь город, который окроплялся святой водою, и всюду люди молились о благополучной жизни.

Мы теперь, тоже молясь о нашем благополучии, вспоминаем святой Крест, который так помогает людям жить, поэтому и в наших церквах в этот день тоже выносится крест из алтаря на середину церкви, где к нему мы все прикладываемся.

Вместе с этим в этот день бывает освящение воды в реках, озерах, колодцах, почему этот праздник и называется «Спас на воде».

Мы всегда хотим, чтобы Господь благословлял все в нашей жизни. Как раз к 1 августа пчелы перестают собирать мед, и, значит, можно уже собирать его из ульев и начинать есть. А так как мы не хотим ничего делать без Божьего благословения, то мы и приносим 1 августа мед в церковь для освящения. Поэтому-то праздник и называется еще медовым Спасом.

Следующий праздник (6/19 августа), Преображение Господне, называется яблочным Спасом, потому что к этому дню у нас в России уже созревают почти все яблоки и другие фрукты, которые мы и приносим в этот день в церковь для освящения. Наш народ не позволял себе есть фрукты, особенно яблоки, до этого дня, пока они еще не освящены Церковью.

На Преображение же надо не только самому съесть яблочко, но непременно дать его и тем, у кого его нету, поделиться с другими.

«На второй Спас и нищий яблочко съест»,— говорили в России.

...Обыкновенно свет без пламени
Исходит в этот день с Фавора,
И осень, ясная как знаменье,
К себе приковывает взоры...

Б. Пастернак

Последний праздник в честь Спасителя в августе мы празднуем 16 августа (ст. стиль). В этот день мы вспоминаем нерукотворный образ Иисуса Христа. Предание рассказывает, что у Спасителя, когда Он еще жил на земле, был ученик, который очень любил Спасителя, но который никогда не мог увидеть Его, так как жил очень далеко. Это был царь из города Эдессы по имени Авгарь.

Христос захотел доставить ему великую радость, отпечатлел лик Свой на куске полотна, прикоснувшись полотном к лицу Своему, и послал этот плат Авгарю.

Так и появилась нерукотворная икона Иисуса Христа, где лик Спасителя изображен на полотне. А к этому дню у нас в России крестьянки кончали белить свои домашние полотна, поэтому они освящали их святой водой, после чего начинали уже продавать.

Вот почему народ и говорит:

Первый Спас — на воде стоят.
Второй Спас — яблоки едят.
Третий Спас — на зеленых горах холсты продавать.

ПОЧЕМУ ХРИСТОС ПРЕОБРАЗИЛСЯ?

Он хотел напомнить людям о рае. Грехом люди этот рай потеряли; чтобы вновь найти его, надо преобразить свою жизнь.

Христос как бы сказал людям: «Преобразите свою жизнь, преобразите и самих себя, вернитесь к той жизни, которая была у вас в раю, через молитву, покаяние и причащение».

Могут ли люди хоть немного вернуть себе ту жизнь, которая была в раю?

Святые показывают нам, что это возможно. Вот один пример из жизни святого Серафима Саровского, великого русского святого.

Святой Серафим хотел постоянно быть с Богом, и, чтобы никто не мешал ему молиться, он ушел жить один в большой, густой и темный лес. Он выстроил себе маленькую избушку, устроил около нее огород и стал там жить один. Питался он овощами со своего огорода, а хлеб приносили ему из ближайшего монастыря. Хлебом он всегда делился со своими соседями — а соседи у него были только птицы и звери. Птицы перестали бояться его, и звери стали дружески приходить к нему.

Однажды приходит к святому одна старушка, и вдруг — что же она видит? Видит, что сидит старец, а подле него медведь, ужасной величины. Старушка так испугалась, что закричала не своим голосом: «Батюшки, смерть моя»,— и упала со страху на землю. Старец Серафим, услышав голос, махнул рукой на медведя, и тот, как разумный, тотчас отошел в сторону, в лес. Старец тогда и говорит: «Не бойся, не пугайся, это не смерть — смерть от тебя далеко, а это радость». И затем повел старушку к своей колоде, посадил ее и сам сел. Не успели они сесть, как тот же самый медведь вышел из лесной чащи и, подойдя, лег у ног святого. Старушка же, видя, что старец обращается с ним, как с кроткой овечкой, кормит его из своих рук, меньше стала и сама бояться. Тогда старец Серафим подал ей

кусок хлеба и велел и ей покормить зверя. И он спокойно ел и из ее рук.

Разве это не похоже на рай?

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ

Мы празднуем Вход Господень в Иерусалим в последнее воскресение перед Пасхой. В субботу вечером, накануне самого праздника, мы всегда принимаем участие в большой церковной службе, вспоминая, как народ, любивший Христа, приветствовал Его по дороге. Мы тоже хотим участвовать в этой радостной встрече Христа, поэтому мы приносим в церковь в этот вечер те зеленые ветки, которые уже у нас расцвели к этому времени ранней весны, и протягиваем их Христу вместе с народом еврейским и говорим: «Осанна Сыну Давидову, благословен грядый во имя Господне». Мы еще зажигаем свечи во славу Божию и стоим с ветвями и зажженными свечами. Господь благословляет наши ветви, которые священник окропляет святою водою, и мы потом несем их домой и храним около икон.

У нас в России бывает еще очень холодно ко дню этого праздника, местами только еще сходит снег с полей, и только одно дерево начинает уже расцветать — это верба, которая выпускает маленькие белые зайчики на своих ветках. Вот поэтому мы, не имея пальмовых ветвей, приносим Христу в этот день то, что имеем,— свои вербочки, а праздник называем поэтому Вербным Воскресеньем.

ШЕСТВИЕ НА ОСЛЯТИ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

В Вербное Воскресенье в нашей древней Москве после обедни устраивался торжественный крестный ход из кремлевского Успенского собора на «лобное место». В крестном ходе всегда участвовали патриарх московский и царь.

На площади, куда приходило шествие, уже все было приготовлено для совершения молебствия. Тут же в санях, украшенных красным и зеленым сукном, была укреплена освященная верба, увешанная яблоками, финиками, смоквами и другими плодами.

Недалеко же от этого места поставлено было «осля», как тогда его называли,— белая лошадь вместо осленка, потому что в России из-за холодной зимы на-

стоящие ослы не могут жить,— украшенная шелковым покрывалом.

Патриарх благословлял народ и раздавал вербу.

Когда во время службы начинали читать Евангелие и доходили до слов: «И послал (Господь) двоих учеников своих», патриарх обращался к двум священникам и говорил им: «Идите в село, которое перед вами, и там найдете привязанного молодого осла, отвяжите его и приведите сюда»,— они шли и брали приготовленного ранее «осля», причем те, кто держал «осля», спрашивали их евангельскими словами: «Что делаете, отвязывая осленка?» Они же отвечали: «Господь его требует».

Когда дальше Евангелие говорит: «И привели осленка», служители Церкви подводили под уздцы «осля», изображая учеников Христа. «Осля» тут еще покрывали одеждами, красным и зеленым сукном, а потом и золотым ковром— патриарх по высоким ступенькам восходил на «осля».

Начиналось шествие обратно в Кремль. Царь, показывая свое смирение перед Церковью, вел «осля» под уздцы, в полном царском одеянии.

Патриарх благословлял народ крестом. Везли в санях убранную, разукрашенную вербу, которую потом патриарх рассылал тем, кто особенно потрудился.

Кругом «осляти» шли мальчики, одетые в белые одежды, держа вербу, и пели: «Осанна Сыну Давидову, благословен грядый во имя Господне». Войска, стрельцы и народ расстилали по дороге свои одежды, кафтаны и сукна разных цветов. Однажды около 700 человек приняло участие только в расстилании одежд.

Так крестный ход доходил снова до Успенского собора, входил в храм, и тут уже заканчивалась начатая на площади служба.

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ

Перед Пасхою книжники и фарисеи, которые были врагами Христа, собрались вместе и советовались о том, как бы им убить Христа. И в это время к ним вошел один из 12 учеников Спасителя, Иуда Искариот, и сказал им: «Что вы мне дадите, если я предам Его вам?» Они предложили ему 30 сребреников. Иуда согласился взять эти деньги и с этого дня искал случая, чтобы предать им Господа.

В четверг вечером, накануне еврейской Пасхи, Христос собрался с учениками в комнате, где была приготовлена учениками пасхальная трапеза.

Когда Христос вошел в комнату, Он снял с себя верхнюю одежду и, взяв полотенце, опоясался им. Потом налил воды в умывальницу и начал умывать ноги ученикам и отирать их полотенцем, которым был препоясан. Когда Христос омыл всем ноги, Он сел с учениками за стол и сказал им: «Знаете, что Я сделал вам? Вы называете Меня Учителем и Господом, и правильно говорите. Итак, если Я, Учитель и Господь, умыл вам ноги, то и вы должны делать друг другу то же». И говорил дальше: «Истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня. А лучше было бы такому человеку не родиться на свет». Когда апостолы услышали эти слова Господа, они опечалились и начали все спрашивать Господа: «Не я ли, Господи, не я ли?» Иуда также спросил: «Не я ли, Господи?» Христос ответил ему тихо, так, что никто не слышал: «Да, ты!» Иуда после этого встал и вышел, а была уже темная глухая ночь.

Во время этой вечери, еще при Иуде, Христос взял хлеб, благословил его, разломил и, раздавая ученикам, сказал: «Это Тело Мое, за вас ломимое, во оставление грехов». И взяв чашу с вином, благодарил Господа, подал ее ученикам и сказал: «Пейте от нее все. Это Кровь Моя нового завета, за многих изливаемая во оставление грехов. Творите это в Мое воспоминание».

Так совершилось для нас великое событие — Христос установил нам таинство святого Причащения Телом и Кровью Христа.

ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРГ

Тайную вечерю Христа с учениками мы вспоминаем в Великий Четверг на Страстной неделе. Каждая обедня в церкви есть такая же тайная вечеря, как та, в которой участвовал Христос перед Своей смертью. С нами на обедне всегда присутствует Он Сам, и мы причащаемся Тела и Крови Христа. Но в Великий Четверг мы вспоминаем именно ту Тайную Вечерю, на которой Христос первый раз причастил Своих учеников; вот почему так важно нам причаститься именно в день Великого Четверга, вот почему в этот день поют

такую особенную молитву: «Вечери твоей тайной, сегодня, Сыне Божий, причастником меня приими, я не скажу врагам Твоим об этой тайне, и не поцелую Тебя, как Иуда, но, как разбойник, буду исповедовать Тебя: Помяни меня, Господи, во царствии Твоем».

После обедни в главной церкви города, где служит епископ, происходит замечательный обряд омовения ног. По примеру Спасителя, архиерей омывает в церкви ноги 12 священникам.

СТРАСТИ

В четверг же вечером мы идем в церковь на «страсти», т. е. слушать 12 Евангелий, в которых нам рассказывается о страданиях Христа. Это длинная-длинная служба, мы стоим с зажженными свечами и не тушим их даже после конца службы — это святой огонь, освященный страданиями Христа; мы несем его домой, зажигаем от него лампадки и храним, сколько можем, не туша.

В Евангелиях нам рассказывают о том, как после Тайной Вечери, поздно ночью, Христос пошел с учениками своими в Гефсиманский сад. Христос, придя туда, сказал ученикам: «Посидите тут, а Я пойду помолюсь там» — и, отойдя немного, пал на лицо Свое и стал молиться и говорил: «Отче, если возможно, пусть минует Меня чаша эта. Впрочем, не как Я хочу, но как Ты». Три раза подходил к ним Христос и три раза будил их, и просил их не спать, говоря: «Вы все еще спите? Приближается час, когда Сын Человеческий предается в руки грешных. Вот идет предающий Меня».

И когда Христос говорил это, Иуда Искариот вошел в сад и с ним множество народа и воинов с мечами и копьями. Иуда же им всем дал знак, сказав: «Тот, кого я поцелую, тот и есть». И, подойдя к Иисусу, сказал: «Радуйся, Учитель» — и поцеловал Господа. Иисус же Христос сказал ему: «Друг, для чего ты пришел сюда? Целованием ли ты предаешь Сына Человеческого?» В этот момент пришедшие схватили Христа и повели Его с собою из Гефсиманского сада во двор к еврейским первосвященникам, которые должны были судить Христа. Они долго старались найти какую-нибудь вину, чтобы иметь право осудить Христа на смерть, и не находили. Тогда один из первосвященников, Каиафа, говорит Христу: «Заклинаю Тебя Богом

живым, скажи нам, ты ли Христос, Сын Божий?» Иисус сказал ему: «Ты сказал. И еще говорю тебе: отныне увидите Сына Божия, сидящего одесную Силы и идущего на облаках небесных».

Тогда первосвященник разодрал на себе одежды и сказал: «Он богохульствует. На что нам свидетелей? Вот вы слышали, что Он сказал». Тогда присутствующие ответили: «Он повинен смерти».

И стали мучить Христа, плевать Ему в лицо, били Его по щекам и, издеваясь, говорили: «Скажи, кто ударил Тебя».

Когда настало утро, Христа отвели к Понтию Пилату, римскому начальнику, который один имел право осуждать на смерть. Пилат тоже не находил за Христом никакой вины. Спаситель поразил его Своим кротким и величественным видом, и он очень хотел отпустить Христа. Он вышел из судилища к народу и сказал: «Я никакой вины не нахожу в Нем. Есть у вас обычай, чтобы я отпускал вам на Пасху кого-либо из осужденных. Хотите, я отпущу вам Царя Иудейского?» Но народ, подговоренный первосвященниками, закричал в ответ: «Нет, не Его, но Варавву». Варавва же был разбойник. Тогда Пилат велел мучить Христа. И воины сплели Ему терновый колючий венок, и возложили его на голову Христа, одели Его в багряницу — красную одежду, и снова били его по щекам, говоря: «Радуйся, Царь Иудейский».

Пилат же и теперь еще хотел отпустить Христа и вывел Его к народу, надеясь, что народ пожалеет Его. Это была уже пятница перед Пасхой. И сказал Пилат: «Это — Царь ваш». Но толпа закричала: «Возьми и распни Его». Пилат говорил им тогда: «Царя ли вашего распну?» Первосвященники же отвечали: «У нас нет царя, кроме римского цезаря. Пусть кровь Его будет на нас и на детях наших».

Тогда Пилат умыл руки свои перед народом в знак того, что он не берет на себя смерть Господа, и предал Христа на распятие.

Тогда сняли с Господа багряницу, одели в простые одежды и повели, чтобы распять Его. Неся свой тяжелый крест, Христос от усталости и мук, которые Он перенес, несколько раз падал под тяжестью креста.

Христа привели на место, которое называлось Голгофа, что значит — место казни. Был уже третий час дня, и распяли Христа. И была сделана надпись на

кресте по повелению Пилата: «Царь Иудейский». Со Христом были распяты одновременно два разбойника. Христос молился за своих мучителей и говорил: «Отче, прости им, они не знают, что делают». Один из разбойников, вместе со многими из народа, злословил Христа и говорил: «Если Ты Христос — спаси Себя и нас». Другой же разбойник, который был распят по правую сторону от Христа, унимал первого и говорил: «Или ты не боишься Бога, когда и сам осужден. Но мы осуждены справедливо, по нашим делам. Он же ничего плохого не сделал». И, обратившись к Господу, сказал: «Помяни меня, Господи, когда приидешь во Царствие Твое». Христос тогда отвечал ему: «Сегодня же ты будешь со Мною в раю». Это было уже около шести часов дня, и сделалась по всей земле тьма и продолжалась до девятого часа. Около же девяти часов возгласил Христос громким голосом: «Отче, в руки Твои предаю Дух Мой» — и, сказав это, умер. И вот в храме раздралась завеса церковная на две части, и земля сотряслась. Евреи же, бывшие около места казни, с великим страхом, бия себя в грудь, стали возвращаться домой, а один римский сотник, видевший все это, восславил Бога и сказал: «Истинно, этот человек был праведник, Сын Божий».

Когда в Великий Четверг на страстях мы слушаем этот страшный рассказ о том, как мучили Христа и как Он страдал, мы хотим вспомнить хоть что-нибудь хорошее, что было в эти дни, чтобы утешить себя. И вспоминаем поэтому доброго разбойника, который пожалел Христа, и поем о нем в церкви. «Разбойника благоразумного в одно мгновение сподобил Ты, Господи, рая, и меня древом креста твоего просвети и спаси меня».

Борис Пастернак

ГЕФСИМАНСКИЙ САД

Мерцаньем звезд далеких безразлично
Был поворот дороги озарен.
Дорога шла вокруг горы Масличной,
Внизу под нею протекал Кедрон.

Лужайка обрывалась с половины.
За нею начинался Млечный Путь.
Седые серебристые маслины
Пытались вдаль по воздуху шагнуть.

В конце был чей-то сад, надел земельный.
Учеников оставив за стеной,
Он им сказал: «Душа скорбит смертельно,
Побудьте здесь и бодрствуйте со Мной».

Он отказался без противоборства,
Как от вещей, полученных взаймы,
От всемогущества и чудотворства,
И был теперь, как смертные, как мы.

Ночная даль теперь казалась краем
Уничтоженья и небытия.
Простор вселенной был необитаем,
И только сад был местом для житья.

И, глядя в эти черные провалы,
Пустые, без начала и конца,
Чтоб эта чаша смерти миновала,
В поту кровавом Он молил Отца.

Смягчив молитвой смертную истому,
Он вышел за ограду. На земле
Ученики, осиленные дремой,
Валялись в придорожном ковыле.

Он разбудил их: «Вас Господь сподобил
Жить в дни мои, вы ж разлеглись, как пласт.
Час Сына Человеческого пробил.
Он в руки грешников себя предаст».

И лишь сказал, неведомо откуда
Толпа рабов и скопище бродяг.
Огни, мечи и впереди — Иуда
С предательским лобзаньем на устах.

Петр дал мечом отпор головорезам
И ухо одному из них отсек.
Но слышит: «Спор нельзя решать железом,
Вложи свой меч на место, человек.

Неужто тьмы крылатых легионов
Отец не снарядил бы мне сюда?
И волоска тогда на Мне не тронув,
Враги рассеялись бы без следа.

Но книга жизни подошла к странице,
Которая дороже всех святынь.
Сейчас должно написанное сбыться,
Пускай же сбудется оно. Аминь.

Ты видишь, ход веков подобен притче
И может загореться на ходу.
Во имя страшного ее величья
Я в добровольных муках в гроб сойду.

Я в гроб сойду и в третий день восстану,
И, как сплавляют по реке плоты,
Ко мне на суд, как баржи каравана,
Столетья поплывут из темноты».

ПОГРЕБЕНИЕ СПАСИТЕЛЯ

Когда Христос умер, Его ученик Иосиф пришел к Пилату и просил позволить ему снять со креста тело Христа и похоронить. Пилат позволил. Взяв тогда тело Спасителя, Иосиф вместе с другом своим Никодимом обвил Тело чистою плащаницею с благовониями и положил в новом своем гробе, который был высечен в скале, и привалил большой камень к дверям гроба. Но евреи боялись, что ученики украдут тело Спасителя и начнут говорить, что Христос воскрес, и просили Пилата назначить стражу охранять гроб. Пилат сказал им: «Имеете стражу, пойдите и охраняйте, как знаете». Тогда пошли евреи и поставили у гроба стражу, а ко гробу приложили печати.

Погребение Христа во гробе мы вспоминаем в Великую Пятницу на Страстной неделе. На середину церкви выносится плащаница — изображение Спасителя, лежащего во гробе. Когда поют слова: «Благообразный Иосиф с древа снял пречистое тело Твое, плащаницею чистою и благовонною обвил и во гробе новом положил»,— священник выносит плащаницу из алтаря и кладет её посреди храма на приготовленный гроб. Мы тоже отираем её душистыми маслами, украшаем цветами, прикладываемся к ней и зажигаем перед ней свечи. И храним в этот день очень строгий пост.

СТРАСТНАЯ СУББОТА

Самый тихий день в году — Страстная Суббота, тот день, когда Спаситель был в гробу. Вся природа, и люди, и ангелы полны в этот день молчания. В этот день совершилось великое событие. В то время, когда тело Христа лежало в гробу,— душа Его, как учит наша Церковь, сошла в ад. До прихода Спасителя на землю души всех умерших людей,— даже души святых и праведных людей, как и души пророков,— после смерти шли в ад, потому что мир еще не был прощен. Но вот пришел на землю Спаситель. Он пострадал и умер на кресте. После смерти Его душа, как и души всех умиравших, сошла в ад. Но Его душа вошла в ад с таким

светом и такою славою, что все бывшие там сразу узнали в Нем Царя Славы — Бога. Все преграды, закрывавшие ад, рушились, Христос велел ангелам связать сатану и, обратясь к Адаму и другим людям, сказал: «Идите со мною все, от начала мира здесь заключенные. Я вас освобождаю силою Своего Креста». И благословил крестом всех, и Адама, и пророков, и праведников, и вывел их из ада. В память этого сошествия Спасителя в ад и победы Его над смертью в конце заутрени, ночью перед Великою Субботою, мы в церкви совершаем вокруг храмов крестный ход с плащаницею.

РАСПЯТИЕ

Не рыдай Мене, Мати, во гробе зряще.

I

Хор ангелов великий час восславил,
И небеса расплавились в огне.
Отцу сказал: «Почто Меня оставил!»
А Матери: «О, не рыдай Мене...»

II

Магдалина билась и рыдала.
Ученик любимый каменел.
А туда, где молча Мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.

Анна Ахматова. Из «Реквиема»

ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТОВО

**Христос воскресе из мертвых,
Смертию смерть поправ
И сущим во гробех живот даровав.**

Когда прошла суббота, на рассвете следующего дня, пришли ко гробу Спасителя Мария Магдалина и другие женщины. Они пришли очень рано, когда было еще темно. И хотели помазать тело Христа благовониями. По дороге говорили они между собою: «Кто же отвалит камень от гроба?» (Камень был очень тяжел.)

Но вдруг, взглянув, видят — камень отвален от гроба, гроб раскрыт.

Мария, испугавшись, поспешила к апостолам, чтобы сказать им, что кто-то унес тело Спасителя. Другие же жены, удивляясь и пугаясь, вошли в гроб — в пещеру, и вдруг им предстал ангел, вид которого был как молния, и одежда его была бела как снег.

Он сказал женщинам: «Я знаю, вы ищете Иисуса распятого. Его здесь нет. Он воскрес, как и сказал. Пойдите скорей, скажите ученикам Его, что Он воскрес из мертвых». Выйдя из пещеры, жены-мироносицы поспешили со страхом и трепетом возвестить весть ангельскую ученикам.

Мария же прибежала к апостолам Симону, Петру и Иоанну и говорит им: «Унесли Господа из гроба и не знаем, где положили Его». Тотчас же Петр и другой ученик вышли и пошли ко гробу. Они вышли вместе. Но Иоанн был моложе Петра, он бежал скорее Петра и пришел ко гробу первый. Наклонился Иоанн, посмотрел в гроб и увидал лежащие пелены, которыми было обвито тело Христа. Вслед за ним приходит Петр. Он вошел в пещеру и тоже увидал одни пелены, а плат, которым было закрыто лицо Спасителя,— лежит не с пеленами, а отдельно, свитый, на другом месте.

Апостолы с большим трепетом, не смея еще верить себе, вернулись домой; Мария же осталась у гроба и плакала. И когда она плакала — посмотрела в гроб и вдруг увидела там двух ангелов в светлых одеяниях — одного у ног, а другого в головах, как лежало тело Спасителя. И ангелы сказали Марии: «Жена, что ты плачешь». Говорит им Мария тогда: «Унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его». Но, сказав эти слова, обернулась и вдруг увидела стоящего Иисуса Христа, но от горя и слез не узнала, что это Господь. Иисус же тогда говорит ей: «Жена, что плачешь? Кого ищешь?» Она же думала, что это садовник, и говорит: «Господин, если ты взял Его, то скажи мне, куда ты положил Его, и я пойду и возьму Его». Иисус же тогда говорит ей: «Мария!» Она узнала Господа, обрадовалась, упала на колени и сказала: «Раввуни», что значит — Учитель. Христос говорит ей тогда: «Не прикасайся ко Мне, а иди к братьям моим и скажи им, что восхожу к Отцу моему и Отцу вашему, к Богу моему и Богу вашему». Тогда Мария Магдалина пошла и возвестила всем ученикам о том, что она видела воскресшего Господа, и о том, что Он сказал ей.

ПАСХАЛЬНАЯ МОЛИТВА К БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Ангел сказал Благодатной: *«Чистая Дева, радуйся и снова говорю — радуйся, Твой Сын воскрес после трехдневного гроба, мертвых воскресил — люди, веселитесь».*

А в церкви эту молитву поют так: «*Ангел вопияше благодатней: чистая Дева, радуйся, и паки реку, радуйся, Твой Сын воскресе тридневен от гроба и мертвые воздвигнувый, людие веселитеся*».

ПАСХАЛЬНАЯ НОЧЬ

Пасха — наш самый великий праздник.

В пасхальную ночь в церкви служится замечательная пасхальная заутреня. Жалко, что не все дети бывают на ней. Она напоминает как бы светлый царский пир.

Я думаю, что в России раньше только самые маленькие дети да больные и старики оставались в пасхальную ночь дома. По всем русским дорогам, в городах и селах спешили люди в эту ночь к церквам. А около церквей горели костры, смоляные бочки, в городах плошки и цветные фонарики.

Говорят, что пасхальная ночь — такая безмолвная и тихая, как ни одна другая ночь в году. Все молящиеся зажигают свечи и ждут, когда священники в светлых ризах, с крестом, иконами и хоругвями выйдут из церкви — для того, чтобы крестным ходом обойти вокруг храма и как бы прийти к запечатанному гробу Спасителя.

Вот крестный ход идет кругом церкви, вот подходит к действительно закрытым дверям храма.

В это время наступает 12 часов ночи, час, когда мы празднуем воскресение Христа.

Священник начинает петь: «Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав». И все входят в распахивающиеся двери церкви.

И все радуются, и когда священник говорит молящимся: «Христос Воскресе»,— радостно отвечают: «Воистину Воскресе».

С душевным ликованием слышим мы назидание святителя Иоанна Златоуста:

«*И все, кто был благочестив и боголюбив,— пусть наслаждаются этим добрым и светлым торжеством.*

И все, кто был благоразумен,— пусть войдут в этот день в радость Господа своего.

Если кто потрудился и постился — пусть получит сегодня награду.

Последнего и первого в этот день Господь принимает с одинаковой радостью.

Пусть богатые и бедные в этот день радуются друг с другом.

Прилежные и ленивые — пусть одинаково чтут этот день.

Постившиеся и непостившиеся — пусть все одинаково веселятся.

Пусть никто в этот день Пасхи не рыдает о своем убожестве — потому что явилось общее царство.

Пусть никто о грехах своих не плачет — потому что в этот день Бог дал людям свое прощение.

Пусть никто не боится смерти, всех освободила смерть Христа».

ХРИСТОСОВАНИЕ

Мы все христосуемся на Пасху. Мы целуем друг друга, старые и молодые, дети и взрослые, мужчины и женщины, и говорим друг другу: «Христос Воскресе», и отвечаем: «Воистину Воскресе».

Мы делаем это оттого, что радость воскресения научает нас тому, что все люди действительно — братья между собою, и потому что от радости мы больше не помним ни врагов своих, ни обидевших нас.

У нас в церкви поют на Пасху: «Сегодня день Воскресения. Просвятимся этим торжеством и друг друга обымем. И скажем друг другу: «Братья», и ненавидящих нас простим все ради Воскресения Господа, и все скажем: «Христос Воскресе».

Наш народ говорит, что если кто умрет на Пасху — во время всей Пасхальной недели,— то придет в рай, потому что на Пасху ад затворяется, а двери райские оставляются открытыми для всякого человека — грешного и доброго.

Поэтому-то и в церкви у нас на Пасху Царские врата никогда не закрываются, чтобы все знали, что никогда небо не бывает так близко от нас, как на Пасху.

ПАСХАЛЬНЫЙ ПИР

Наш народ думал всегда, что на Пасху Христос с апостолами выходит в нищенском рубище странствовать по земле и приходит в дома к людям в виде странника или нищего, чтобы испытать людское милосердие.

Вот почему мы все приготовляем в таком изобилии всякие яства на Пасху — и куличи, и пасхи, и яйца, и мясо, чтобы иметь возможность угостить всякого, кто войдет в дом, вот почему мы на Пасху радуемся приходу каждого человека, не разбирая, любим его или нет, и никого не отпускаем из дому, не угостивши.

На Пасху мы вспоминаем с особенным сочувствием, что есть на свете больные и несчастные. Наш народ всегда особенно жалел тех людей, которые в Пасхальную ночь оказывались заключенными в тюрьмах. Поэтому всегда надо в этот день посылать подарки — кулич, и пасху, и красное яичко — больным в больницах и арестованным в тюрьмах.

В старое время царь на первый день Пасхи отправлялся по тюрьмам к заключенным и говорил им: «Христос Воскресе» и раздавал им подарки — куличи, пироги, мясо, яйца, а в царицыной золотой палате в это время кормили нищую братию.

ПОМИНОВЕНИЕ УМЕРШИХ

На Пасху мы идем христосоваться и с мертвыми, которые лежат в своих могилах. Мы идем на кладбище, кладем на могилы по красному яичку, поем пасхальные молитвы, чтобы и мертвые услышали: «Христос Воскресе».

КРАСНОЕ ЯИЧКО

Мы все обмениваемся на Пасху красным яичком, говоря слова: «Христос Воскресе». Этот обычай очень давний; Христос дал нам жизнь, а яйцо — это знак жизни. Мы ведь знаем, что из яйца выходит маленькое живое существо. Окрашивается же в красный цвет оно потому, что Христос своей кровью освятил жизнь. Вот все христиане и начали с тех пор на Пасху приветствовать друг друга красным яйцом, как знаком вечной жизни.

«...В русском человеке есть особенное участие к празднику светлого Воскресения...

Отчего же одному русскому еще кажется, что праздник этот празднуется, как следует, и празднуется так в одной его земле? Мечта ли это? Но зачем же эта мечта не приходит ни к кому другому, кроме русского? Что значит, в самом деле, что самый праздник исчез, а видимые призраки его так ясно носятся по лицу

земли нашей: раздаются слова: Христос воскрес! и поцелуй, и всякий раз торжественно выступает святая полночь, и гулы всезвонных колоколов гудят и гудят по всей земле, точно как бы будят нас? Где носятся так очевидно призраки, там недаром носятся; где будят, там разбудят. Не умирают те обычаи, которым определено быть вечными. Умирают в букве, но оживают в духе. Померкают временно, умирают в пустых и выветрившихся толпах, но воскресают с новой силой в избранных, затем, чтобы в сильнейшем свете от них разлиться по всему миру. Не умрет из нашей старины ни зерно того, что есть в ней истинно русского и что освящено самим Христом...»

Н. В. Гоголь

ЯВЛЕНИЕ ХРИСТА ЛЮДЯМ ПОСЛЕ ВОСКРЕСЕНИЯ И ВОЗНЕСЕНИЕ ГОСПОДА

После Воскресения из мертвых Господь Иисус Христос много раз являлся своим ученикам. В тот день, когда Христос воскрес, вечером шли два ученика Господа из Иерусалима в село, которое называлось Еммаус, и разговаривали между собою обо всем, что произошло в те дни.

И когда они так рассуждали — подошел к ним Сам Иисус Христос и пошел с ними. Но они не узнали Его. Он им сказал: «О чем это вы рассуждаете и отчего вы печальны?» Один из них, по имени Клеопа, ответил: «Неужели Ты не знаешь о том, что произошло в эти дни?» И апостолы рассказали, как Спаситель был предан на смерть, как Он умер, и как три дня Он был во гробе. Рассказали и о том, как женщины, которые были утром у гроба, не нашли там тела Христа и как они видели явление ангела, который сказал им, что Христос воскрес. Тогда Христос стал объяснять им, что это действительно так. Он дошел с учениками до Еммауса и хотел оставить их там, но они, все еще не узнавая Его, попросили Его остаться с ними. Христос взял хлеб, благословил его и преломил и подал им его так, как Он это сделал во время Тайной Вечери,— и тогда вдруг как бы открылись глаза учеников и они узнали Христа. Но как только они узнали Его — в тот же момент Спаситель сделался невидимым.

Тогда апостолы, несмотря на поздний час, поспешили назад в Иерусалим к другим ученикам, и нашли

апостолов собравшимися вместе. Они стали рассказывать о том, как им только что явился Христос. И вот, когда они говорили это,— сам Иисус Христос стал посреди них и сказал им: «Мир вам». Они смутились и испугались, подумали, что видят духа. Но Он сказал им: «Что вы смущаетесь? Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои. Это — Я Сам». И сказав это, показал им свои руки и ноги. Когда же они от радости еще не верили и дивились, то Христос сказал им: «Есть ли у вас какая-либо пища?» Они подали Ему рыбы печеной и сотового меду, и Христос ел. После этого Иисус Христос сказал ученикам: «Я посылаю вас в мир, к людям. Идите, и кому вы простите грехи, тому простятся, а кому не простите, тому и Я не прощу». Так Христос велел нам всем каяться в грехах наших перед апостолами — или перед священником, который теперь замещает апостола.

Но в тот вечер, когда Спаситель явился ученикам в доме, апостол Фома не был вместе со всеми. И он сказал апостолам, что он ни за что не поверит в то, что Христос воскрес, пока не увидит сам Христа и даже не дотронется рукою до ран Спасителя. И вот через восемь дней опять были вместе все ученики Господа. Фома был тоже со всеми вместе. Двери в доме были заперты, и вдруг Спаситель стал посреди них и сказал: «Мир вам». Потом говорит Фоме: «Посмотри руки Мои. Подай руку твою и вложи в ребра Мои (где была рана у Христа), и не будь неверующим, но верующим». Фома тогда уверовал и сказал Христу в ответ: «Господь мой и Бог мой!»

После этих явлений Христос являлся апостолам и другим людям еще несколько раз. Однажды несколько учеников ловили вместе рыбу на Тивериадском озере и за целую ночь ничего не поймали. А когда настало утро — Христос явился им на берегу. Ученики не узнали, что это Иисус. Иисус говорит им: «Дети, есть ли у вас какая пища?» Они отвечали Ему: «Нет». Он тогда сказал им: «Закиньте сети по правую сторону лодки и поймаете». Ученики закинули сети и уже не могли вытащить сетей от множества рыбы. Тогда апостол Иоанн узнал Христа и сказал другим, что это Христос. Апостол Петр, обрадовавшись, бросился в море, чтобы скорей добраться до берега, другие апостолы приплыли в лодке, таща за собою сети.

Сто пятьдесят три рыбы поймали в этот раз апостолы, и сети не порвались от такого множества рыб. В другой раз, на горе Галилейской, Христос явился больше чем пятистам верующим.

Являясь ученикам своим, Господь велел им идти по всей земле и ко всем народам, всем проповедовать Евангелие и крестить людей водою «во Имя Отца, и Сына, и Святого Духа». А про Себя сказал, что Он не оставит людей до скончания мира. В сороковой день после Воскресения Иисус Христос явился ученикам в Иерусалиме и велел ученикам не уходить из Иерусалима, но ожидать там сошествия Святого Духа, Который поможет им Своею силою идти по всей земле и ко всем народам проповедовать о Христе. Сам же взошел с учениками на гору Елеонскую и там благословил учеников, вдруг начал подниматься от земли и возноситься на небо. И облако взяло Его и скоро закрыло от глаз апостолов. А когда ученики еще продолжали смотреть на небо, вдруг явились им два ангела и сказали: «Что вы стоите и смотрите на небо? Иисус Христос, вознесшийся от вас на небо,— придет еще на землю, так же, как вы видели Его восходящим на небо», т. е. предсказали второе пришествие Христа на землю.

Ученики поклонились Вознесению Господа и с радостью вернулись в Иерусалим и оставались там в храме, молясь Богу и ожидая сошествия Святого Духа.

МОЛИТВА ПРАЗДНИКА

Совершив наше спасение и соединив землю и небо, Христос, Бог наш, вознесся в славе, но не разлучился с нами, оставаясь с нами неотступно и говоря любящим Его: «Я с вами, и никто никогда вас не погубит».

В церкви по-церковнославянски эту молитву поют и читают так: «*Еже о нас исполнив смотрение, и яже на земли соединив небесным, вознесся еси во славе Христе Боже наш, никакоже отлучаяся, но пребывая неотступный, и вопия любящим Тя: Аз есмь с вами и никтоже на вы*».

ЕЛЕОНСКАЯ ГОРА

Гора Вознесения, или Елеонская,— самая высокая из гор, окружающих Иерусалим. С самой вершины ее открывается вид на весь Иерусалим, лежащий за глу-

боким оврагом. На месте, откуда вознесся Спаситель, некогда возвышалась прекрасная церковь, воздвигнутая святой Еленой, которая нашла когда-то крест Спасителя, а теперь это место занято большим восьмиугольным зданием из белого мрамора. С этого места Он вознесся на небо, благословляя людей. Верх купола этого здания не закрыт. Этим святая Елена выразила мысль, чтобы молящиеся в храме могли видеть небо, взявшее отсюда — с земли — Сына Божия, указывая и нам путь на небо.

Гору Елеонскую называют еще горой «трех светов». Ее озаряют свет восходящего солнца, свет заходящего солнца, а в древнее время ночью она освещалась огнями храма Соломонова.

В древности, накануне праздника Вознесения, множество народа сходилось на гору Елеонскую, и там, с зажженными свечами, проводили целую ночь в молитвах и пении, так что вся гора казалась как бы горящею.

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ СПАСИТЕЛЯ

Христос, когда еще жил на земле, говорил, что Он снова придет на землю, когда наступит конец мира. Об этом сказали апостолам и ангелы после Вознесения Спасителя. Христос говорил, что перед самым концом мира настанет очень страшное время на земле. Многие будут выдавать себя за Христа и от имени Его говорить всякую неправду, которой нельзя верить.

Восстанет тогда народ на народ, и будут войны, и голод, и болезни, и землетрясения. А христиан будут мучить и убивать. И люди будут ненавидеть друг друга и предавать друг друга. И такая будет скорбь в мире, какой не было от начала мира и не будет больше. И солнце потухнет, луна не даст больше своего света, звезды упадут с неба и все силы небесные поколеблются. И тогда явится знамение Господа на небе и придет Христос на облаках с ангелами и в великой славе. И пошлет Господь ангела с трубою громогласной собрать всех людей от края и до края. И сядет тогда Господь на престоле своем и будет судить всех людей. Он отделит одних на правую от Себя сторону, других же поставит на левую. И тем, кто будет по правую сторону, Господь скажет: «Приидите, благо-

словенные Отца Моего, наследуйте царство, уготованное вам от сотворения мира. Потому что, когда Я был голоден — вы накормили Меня, когда Я хотел пить — вы напоили Меня, когда Я был странником, вы приютили Меня; когда Я был наг, вы одели Меня». Тогда праведники спросят у Господа: «Господи, когда же мы сделали Тебе все это?» И Господь ответит им: «Так как вы сделали это одному из братьев Моих меньших — то сделали это и Мне». А тем, кто будет стоять по левую сторону от Христа, Господь скажет: «Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и аггелам его. Потому что, когда Я был голоден, вы не накормили Меня; когда Я жаждал — вы не напоили Меня, был наг — вы не одели Меня; когда Я был странником, вы не приютили Меня; болен был и в темнице, и вы не посетили Меня». Тогда грешники спросят у Господа: «Господи, когда же мы видели Тебя нагим и голодным и жаждущим и не послужили Тебе?» Тогда скажет им Господь: «Истинно говорю вам, так как вы не сделали этого одному из братьев Моих меньших, Мне не сделали». И пойдут грешники в муку вечную, а праведники в жизнь и радость вечную.

Пойте Господа и превозносите
во все века.

Благословите Господа, все дела
Господни.

Благословите Господа,
ангелы Господни.

Благословите, небеса.

Благословите, воды.

Благословите, солнце и луна.

Благословите, звезды небесные.

Благословите, дождь и роса.

Благословите, холод и жара.

Благословите Господа, росы и иней.

Благословите, ночи и дни.

Благословите, свет и тьма.

Благословите, молнии и облака.

Да благословит Господа вся земля.

Да благословят горы и холмы.

Благословите, моря и реки.
Благословите, все птицы небесные.
Благословите, все звери и скоты.
Благословите, сыны человеческие.

СОШЕСТВИЕ СВЯТОГО ДУХА НА АПОСТОЛОВ

Еще при Своей жизни на земле Господь много раз говорил Своим Ученикам о том, что Он никогда не оставит людей.

Он собрал верующих людей в Свою большую семью, которую назвал Своею Церковью, и сказал: «Я создам Мою Церковь, и никогда врата адовы (т. е. зло) не одолеют Ее».

Мы все члены Церкви, этой Божией семьи.

«Я умолю Отца, и Он даст вместо Меня другого Утешителя,— говорил ученикам Христос незадолго до Вознесения,— Который останется с вами навеки. Это будет Дух Святой — Дух правды, который научит вас истине. А вы идите по всему свету и научите все народы, проповедуйте Евангелие всем людям и крестите их во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, уча всех соблюдать то, что Я велел вам. Я буду с вами во все дни, до конца мира. И кто будет веровать в Меня, тот будет спасен, а кто не будет веровать — тот будет осужден».

И вот после того, как вознесся Христос на небо, к Богу Отцу,— апостолы Его вернулись в Иерусалим с великой радостью от полученного обещания и собрались все вместе в одном доме, молясь. С ними вместе была Матерь Божия, и жены мироносицы, и многие другие ученики Господа.

Так прошло десять дней. Наступил еврейский праздник Пятидесятницы, день, когда евреи вспоминали, как они получили от Бога десять заповедей.

Апостолы были вместе и единодушны. И вдруг сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где находились ученики. И явились им как бы огненные языки и почили по одному над каждым из них.

И приняли тогда все Духа Святого и получили необыкновенные силы и начали совершать чудеса во имя Господа и говорить на всех чужих языках. В Иеруса-

лиме же в это время находились люди самых разных народов. Когда сделался шум, собрался народ к дому апостолов и пришел в смятение, потому что каждый слышал теперь апостолов говорящими на их родных языках.

И все очень изумлялись и дивились и говорили: «Эти люди, говорящие сейчас,—не все ли они галилеяне? Как же мы слышим каждый — наш собственный язык, на котором мы говорим с детства?»

И парфяне, и мидяне, и ливийцы, и греки, и пришедшие из Рима — все слышали их говорящими на их родном языке о великих делах Божиих.

Изумлялись все, недоумевали и говорили друг другу: «Что это значит?» А некоторые даже насмехались и говорили: «Они напились сладкого вина и пьяны сейчас». Тогда встал апостол Петр с одиннадцатью учениками и сказал: «Мужи галилейские, и все, кто в Иерусалиме! Пусть будет вам это известно. Слушайте слова мои. Мы не пьяны, как вы думаете. Но совершилось то, что было предсказано пророками: «И будет это в последние дни,— Господь изольет Духа Своего на всех и будут пророчествовать сыны ваши, и дочери ваши, и юноши ваши. И будут все видеть видения и чудеса. И всякий, кто тогда призовет Имя Господне,— спасется». «Мужи израильские,— говорил Петр дальше,— слушайте слова мои. Иисус Назорей жил среди вас и сотворил много чудес для всех нас, а вы взяли и предали Его и пригвоздили ко кресту и убили. Но Бог воскресил Его. Он победил смерть, вознесся на небо к Богу Отцу и излил на нас сейчас Духа Своего Святого, Которого вы теперь видите и слышите».

Народ тогда спросил Петра и других апостолов: «Что же нам теперь делать?» Петр же сказал им: «Покайтесь и креститесь во имя Иисуса Христа для прощения грехов».

И тогда в тот день присоединилось к Церкви Господа 3000 человек, и они постоянно после этого пребывали с апостолами в общей молитве и в преломлении хлеба, как то велел Христос.

Много чудес совершили в это время апостолы, и весь народ любил их.

Апостолы не забыли воли своего Господа, который велел им идти по всей земле и проповедовать слово Божие. Теперь им было легко идти ко всем народам

во все концы вселенной, потому что они имели дар говорить на всех языках мира.

И вот, как только прошел праздник и как только стало возможно, они разошлись по всему миру и всюду говорили о Христе.

Апостолы Петр и Павел проповедовали по всему берегу Средиземного моря, в Греции, Риме, в Египте. Апостол Фома ушел в Индию и там основал христианство среди индусов, апостол Филипп проповедовал в Африке чернокожим абиссинцам, которые тоже до наших дней хранят веру во Христа, апостол Андрей Первозванный проповедовал в Константинополе и по всему берегу Черного моря. Есть предание, что он поставил на наших Киевских горах крест и сказал, что страна та, т. е. наша Россия, будет христианской.

Так апостолы начали распространять веру во Христа по всему миру.

Николай Клюев

«Я был в Духе в день воскресный».

Апокалипсис, гл. 1, 10.

Я был в Духе в день воскресный,
Осененный высотой,
Просветленно бестелесный
И младенчески простой.

Видел ратей колесницы,
Судный жертвенник и крест,
Указующей десницы
Путеводно-млечный перст.

Источая кровь и пламень,
Шестикрыл и многолик,
С начертаньем белый камень
Мне вручил Архистратиг.

И сказал: «Венчайся белым
Твердо-каменным венцом,
Будь убог и темен телом,
Светел духом и лицом.

И другому талисману
Не вверяйся никогда —
Я пасти не перестану
С высоты свои стада.

На крылах кроваво-дымных
Облечу подлунный храм,
И из пепла тел невинных
Жизнь лазурную создам».

Верен ангела глаголу,
Вдохновившему меня,
Я сошел к земному долу,
Полон звуков и огня.

МОЛИТВА ПРАЗДНИКА

«Будь благословен, Христос Бог наш, показавший нам мудрых ловцов (апостолов) и пославший на них Духа Святого и через них покоривший всю вселенную. Человеколюбивый Господи, слава Тебе».

По-церковнославянски в церкви эту молитву читают так: *«Благословен еси, Христе Боже наш, Иже премудры ловцы явлей, ниспослав им Духа Святаго, и теми уловлей вселенную. Человеколюбче, слава Тебе».*

ДАРЫ СВЯТОГО ДУХА

Святым Духом всякая душа живится.

Святым Духом живет Церковь, которая нас спасает, которая прощает нам наши грехи.

Силою Святого Духа наши священники молятся и совершают те святые таинства — исповеди, причащения, крещения и другие,— которые нам помогают оставаться близкими Богу.

Силу Святого Духа священники получили через таинство рукоположения, когда епископы возложили на них руки, читая особую молитву. Так апостолы передали силу сошедшего на них Святого Духа всем своим преемникам, и так они навсегда велели епископам сообщать силу Духа Святого священникам.

Святой Дух дает силу святым пророчествовать.

Святой Дух дает дар творить чудеса.

Святой Дух дает дар мудрости.

Святой Дух дает силу исцелять больных.

Святой Дух научил апостолов, простых рыбаков, победить весь мир и собрать всю Церковь Божию вместе.

Вот почему мы говорим Ему в молитве: *«Царю небесный, Утешителю, Душе истины, иже везде сый и вся исполняяй, сокровище благих и жизни подателю, прииди и вселися в ны и очисти ны от всякия скверны и спаси, Блаже, души наша».*

ИЗ ЖИЗНИ СВЯТОГО СТАРЦА СЕРАФИМА САРОВСКОГО

Однажды к нашему святому старцу Серафиму пришел его большой друг, помещик Мотовилов, которого незадолго перед тем старец исцелил от тяжелой болезни ног. День был холодный, зимний и пасмурный. Снегу лежало на целую четверть на земле, а сверху порошила довольно густая снежная крупа.

Встретились они на полянке в лесу, около маленькой избушки старца. И так и начали разговаривать, не входя в избушку.

«Как бы мне хотелось,— говорил старец Серафим,— чтобы мы всегда были в Духе Божием: тогда ведь ничего не страшно — хоть сейчас на страшный суд Божий».

«Батюшка,— возразил Мотовилов,— да как же я узнаю, со мною Дух Божий или нет? Все в жизни видно, добрые дела видны, а разве Дух Святой может быть виден?» «Да,— ответил старец,— мы теперь все далеки от Бога живого, потому что мы грешны и холодны.

Но после Воскресения Своего Господь послал Своего Святого Духа на апостолов и дал им силы делать великие чудеса.

Мы все получаем силу Святого Духа при крещении и миропомазании, когда священник на каждого ребенка кладет «Печать дара Духа Святого». И если бы мы не грешили после крещения, то всегда остались бы святыми и угодниками Божиими. Но мы грешим, и только когда каемся на исповеди и причащаемся, мы опять становимся близкими к Духу Святому».

«А как же узнать мне,— спросил Мотовилов,— нахожусь я в Духе Святом или нет?»

Тогда старец взял его крепко за плечи и сказал ему: «Да мы теперь, батюшка, оба в Духе Божием с тобою. Что же ты так смотришь на меня теперь?»

Мотовилов ответил: «Не могу, батюшка, смотреть, потому что из глаз ваших идет такой свет, как от молнии. Лицо ваше стало светлее солнца, и у меня глаза ломит от боли».

Старец сказал тогда: «Не бойся, и ты сам теперь такой же светлый, как и я. И ты теперь находишься в Духе Святом, иначе ты не мог бы видеть меня таким светлым».

И, помолившись, старец сказал: «Как же вы еще себя чувствуете?» «Необыкновенно хорошо,— ответил Мотовилов. — Я чувствую в себе и кругом нас необыкновенный мир, который нельзя выразить никакими словами, чувствую еще необыкновенную сладость и радость на сердце». Старец на это сказал: «Это — та сладость и та радость, которую Бог дает любящим Его. А еще что вы чувствуете?» «Теплоту необыкновенную»,— отвечал Мотовилов. «Как, батюшка, теплоту? Да ведь мы в лесу сидим и под нами снег и на нас более вершка снегу и сверху крупа падает. Какая же может быть тут теплота?» Тогда Мотовилов сказал, что все же он чувствует удивительную теплоту и при этом такой приятный запах, какого он еще никогда на земле не чувствовал.

Тогда старец сказал ему: «Я и сам, батюшка, знаю все, что вы говорите и чувствуете, только спрашиваю, так ли и вы это чувствуете. Все правда. Никакой земной запах, ничто земное не может быть похоже на то, что мы с вами сейчас видим и чувствуем. Вы сказали, что тепло вам, а посмотрите — ведь ни на мне снег не тает, ни под нами. Это та теплота, о которой мы в молитве молимся, когда говорим: «Теплотою Духа Святого согрей меня». Ею согревались мученики и пустынники, которые не боялись ни холода, ни голода, но всегда радовались.

Вот и мы удостоились увидеть эту радость Божию; теперь нечего больше спрашивать, каким образом люди бывают в Духе Святом. Господь ищет горячей веры и за это дает благодать Духа Святого. Господь ищет сердце человека, ему является во всей Своей славе. «Сын Мой, дай Мне сердце твое,— говорит Господь,— а Я все другое дам тебе Сам».

ПРАЗДНИК ПРЕСВЯТОЙ ТРОИЦЫ

День сошествия Святого Духа на апостолов был днем явления и Пресвятой Троицы. Дух Святой был послан на землю Сыном Божиим, вознесшимся к Отцу. Вот почему и праздник этот называется Троицей. На Троицу все наши церкви мы украшаем зелеными ветками берез или других деревьев, посыпаем пол травой, сами идем в церковь с цветами и всю службу стоим, держа в руках цветы. Так всегда делали с древних времен христиане, и мы делаем это по их примеру.

Мы делаем это потому, что от Духа Божия вся жизнь живится и расцветает в мире все живое — и цветы, и деревья. Без Бога нет никакой жизни, а зеленые ветки, трава, цветы — нам так хорошо показывают как раз ту жизнь, которую сотворил Бог.

Епископ Уфимский и Стерлитамакский Анатолий

Русская икона*

Тысяча лет прошло с тех пор, как на духовную ниву русского сердца упало семя евангельского благовестия. Русская земля стала купелью, в которой совершилось омовение водой крещения. Восприняв христианство, «Древняя Русь возжигает пламень своей культуры непосредственно от Византии из рук в руки, принимая как свое драгоценное достояние». Русское государство явилось подлинным наследником всего того лучшего, что оставила после себя Византия, и, конечно, искусство русской иконописи обязано ей своим происхождением.

Византийское искусство иконописи выросло и сформировалось в суровой борьбе за истину, и эта борьба наложила на нее свой отпечаток. И хотя русское искусство неуклонно следовало канонам Византии, все-таки Русь с самого начала уже рождала зачатки самобытности, присущей только русскому человеку. В русских иконах отобразились своеобразность и самостоятельность народности во всем ее несокрушимом могуществе, в ее непоколебимой верности однажды принятым принципам, в ее первобытной простоте и устойчивости нравов. Строгие лики иконописных типов, отсутствие неуместной сентиментальности, характерной для живописи Запада, невозмутимая глубина молитвенного чувства — все это соответствовало русскому народу, трудолюбивому, с незатейливым умом и простой душой. Через многие века дошла до нашего времени икона, которая теперь занимает место в ряду мировых сокровищ религиозного искусства.

---

* Печатаем в сокращении, с видоизмененным заглавием, по книге: „Tausend Jahre zwischen Wolga und Rhein". Мюнхен — Цюрих, 1988. С. 147—155.

В текущем году исполняется 1200 лет со времени Седьмого Вселенского Собора, утвердившего в 787 году догмат иконопочитания. Дата знаменательная. В православно-религиозном преломлении русского народа догмат иконопочитания органически связан со всеми остальными христианскими догматами, являясь венцом, завершающим христианское учение о спасении. Наглядное утверждение этого догмата подчеркнуто в православных храмах. Особенностью русского православного храма является обилие в нем икон. Вставленные в золоченые иконостасы и украшенные драгоценными окладами вместе с горящими перед ними свечами и лампадами, иконы составляют основное убранство храма.

Для верующих людей икона служит животворным источником благодати и в храме, и в домашней молитве. В почитании икон проявляется глубокая духовная связь живущих людей с Богом и Его святыми угодниками. Через икону совершается не только поклонение «первообразу», изображенному на ней, но и молитва личная или церковная о заступлении и предстательстве перед Богом. Через икону молящиеся получают благодать, восполняющую духовные силы, а также духовную помощь и исцеление. Свидетельствуя чудотворность иконы, Церковь особо чтит образы, прославившиеся чудесами, исцелениями. С таких икон делались и делаются многочисленные списки — копии, которые повторяют оригинальный образ.

Русская икона — это одно из наиболее ярких проявлений национального религиозного духа. Возникнув на Руси как новая ветвь православной византийской традиции, русская иконопись прошла многовековой путь самостоятельного развития, отразив в себе опыт духовной жизни нашего народа.

В гармонии красок, в ритме линий, молитвенной углубленности Древняя Русь созерцала божественное в мире и человеке. Икона всегда пронизана несравненной радостью, которую она возвещает миру, и наполнена религиозным содержанием, гармонично сочетая аскетическую форму выражения с необычайно живыми красками, приоткрывая тайну высшей скорби и высшей радости.

От первых веков христианства через Византию икона пришла на Русь, где и заняла свое признанное место как «богословие в цвете и линиях».

Икона появилась в Церкви, ее создало глубокое религиозное веросознание народа, выразив в ней тот церковный идеал, которым оно жило. Как живопись строго церковная, икона может быть правильно понята только с точки зрения догматического учения Церкви. От апостольских времен церковная живопись вошла в литургическую жизнь, а византийское искусство создало классические типы иконографии.

Почитание икон имеет длинную и сложную историю. Оно — плод постепенного усвоения людьми церковной веры. Ранняя Церковь не знала иконы в ее современном, догматическом значении. Начало христианского искусства — живопись катакомб — носит еще символический характер. В эпоху гонений иначе было нельзя изображать. Это не изображения Христа, святых или разных событий священной истории, как на иконе, а выражение определенных мыслей о Христе и Его Церкви, причем выражение, прежде всего, сакраментального опыта Крещения и Евхаристии. В катакомбном искусстве священные изображения с самого начала принимают те характерные черты выразительности, которые позднее в иконе приобрели свои законченные канонические формы. Тематика росписей катакомб, как чисто символическая, так и сюжетная, в большинстве своем соответствует ветхозаветным и новозаветным событиям с подчеркнутым между ними внутренним единством. Жертвоприношение Авраамом Исаака, пасхальный агнец, медный змий — предызображавшие в Ветхом Завете Христа; Скиния, стамна с манной, жезл Ааронов и другие прообразы, предызображавшие Богоматерь, поставлены в прямую связь с осуществлением их в Новом Завете и выражены в древнем христианском искусстве двумя основными образами, занимающими центральное положение: образом Иисуса Христа — Бога, ставшего Человеком, и образом Пресвятой Девы Марии.

С первых своих шагов в мире Церковь начинает вырабатывать такой художественный язык, который выражал бы ту же истину, что и ее словесный язык. Язык живописи должен был быть особенно ясным и точным. Чтобы передать невидимую для телесных глаз реальность духовного мира, нужны образы не расплывчатые, а точные и четкие, подобно тому, как святые Отцы, говоря о духовном мире, употребляют

особенно ясные и точные выражения. Этот язык, как и богословское выражение учения Церкви, в исторических условиях ее жизни все более уточнялся, расширялся и совершенствовался.

Византийский период в истории христианского искусства, и в частности иконографии, является классическим. В эту эпоху устанавливается большинство главных церковных праздников и создаются соответствующие им композиции икон. Начало византийского периода было временем торжества Церкви, но вместе с тем и временем ее великих испытаний. На смену христианским мученикам столпами веры теперь выступают христианские подвижники — Отцы и Учители Церкви. Догматическое учение Церкви, выраженное в богословии святых Отцов, было источником для церковного искусства этого периода. У святых Отцов мы находим определенный и конкретный взгляд на церковную живопись и ее место в церкви. Церковная живопись — это элемент проповеди.

Так, в ответ на ересь Ария, отвергавшего Божество Христа, по сторонам символа или образа Спасителя стали помещать буквы «альфа» и «омега».

После Ефесского Собора, осудившего ересь Нестория и провозгласившего Деву Марию Богородицей, появляются и распространяются особенно торжественные изображения Богоматери на троне с Богомладенцем на коленях в окружении ангелов. На мафории Богоматери изображаются три звезды, символизирующие Ее приснодевство.

Так постепенно в Византии христианская живопись оформилась в иконографические типы. При минимуме изобразительных средств художники пытались передать максимум содержания. Поэтому икона так условна. В ней все просто и ясно. Спокойные плавные линии, ясные краски. Фигуры и лики на светлом фоне как бы темнеют, будучи совсем не темными, они сливаются цветами в очень строго завершенные силуэты. Движения, жесты и повороты изображают только образ движений, только ритм. Здесь нет ничего лишнего, рассеивающего внимание. Наоборот, все сосредоточивает, окрыляет дух.

Свое учение о догматическом содержании образа Церковь выразила на Пято-Шестом (Трулльском) Соборе (692 г.). Из правил, касающихся священных изображений, особое значение имеет 82-е. Суть этого

правила в следующем. Изображение Господа Иисуса Христа под символом ветхозаветного агнца должно быть отменено. На иконах образ Христа Спасителя должен быть «по человеческому виду». Но Христос не только Человек, но и Бог. В изображении Христа как Богочеловека должна быть подчеркнута и обозначена Его Божественная сущность. Это возможно лишь посредством символов.

82-е правило указывает, что символика церковного искусства «должна быть не в самом сюжете, не в том, что изображается, а в том, как изображается этот сюжет, в манере изображения... Все возможности, которыми обладает изобразительное искусство, должны быть направлены к одной цели: верно передать конкретный исторический образ и в нем раскрыть другую реальность — духовную и пророческую».

Чтобы уяснить историческую основу этого правила, вспомним, что Трулльский Собор был завершением Пятого и Шестого Вселенских Соборов, осудивших монофизитство и монофилитство. Отцы Соборов ясно и точно определили догматическое учение Церкви о Боговоплощении. Но сказать истину мало, ее нужно было показать, и 82-е правило определяет эту задачу для изобразительного искусства Церкви: «очам всех представить совершенное». Таким образом, 82-е правило Трулльского Собора подчеркивает важность и значение в иконографии исторического реализма и в то же время не исключает иконографическую символику как способ или манеру выражения высшей духовной реальности. 82-е правило полагает начало иконописному канону как известному критерию, определяющему соответствие иконы Священному Писанию.

Связь церковного искусства с догматом о Боговоплощении в яркой форме выступает в истории иконоборчества в Византии. Среди всех аргументов, которые выставлял ум византийских богословов, с самого начала главной и основополагающей в своем существе была мысль, что изображение Христа на иконах служит ручательством за истинность и реальность Его воплощения, а почитание икон — ручательством за веру в непризрачность Его воплощения. Раз Сын Божий стал совершенным Человеком, то и писать Его можно как всякого человека. Несогласие с этим было равносильно отрицанию реальности самого воплощения, а следовательно, таило в себе угрозу вере в искупление

и спасение мира. Борьба за иконопочитание была одновременно борьбой за главный и центральный догмат христианского вероучения — догмат Боговоплощения.

Конец иконоборчеству был положен Седьмым Вселенским Собором (787 г.), восстановившим иконопочитание.

Отцы Седьмого Вселенского Собора не вновь ввели иконопочитание, но утвердили как догмат уже существовавшее в Церкви предание иконной живописи. Догмат Седьмого Вселенского Собора учит, что честь, воздаваемая иконе, относится к ее первообразу, и поклоняющийся иконе поклоняется ипостаси изображенного на ней.

«...Изобразительность неразлучна с евангельским повествованием, и, наоборот, евангельское повествование с изобразительностью». «Что слово сообщает через слух, то живопись показывает молча через изображение» (Деяние 6-е).

Согласно этому определению Седьмого Вселенского Собора, Церковь смотрит на икону не просто как на живописную иллюстрацию к повествованиям Священного Писания, но как на особую форму откровения Божественной реальности. Священное Писание и образ «указывают и поясняют» одно другое. Поэтому икона в Церкви имеет не только литургическое, но и догматическое значение.

Через богослужение и икону Божественное Откровение становится достоянием верующих. Образ становится уже не только символическим выражением истины, но более или менее адекватным представлением о ней, и в этом смысле критерий, определяющий соответствие иконы церковному преданию, должен быть тот же, который мы применяем по отношению к священным и богослужебным текстам, т. е. каноничность. Это значит, что икона не только по своему содержанию, но и по характеру его раскрытия должна строго соответствовать догматам веры, Священному Писанию и Преданию. В иконе недопустим произвольный полет фантазии художника, как это наблюдается в религиозной живописи. Православная Церковь никогда не допускала написания икон на основе фантазии или воображения художника, потому что это означало бы сознательный и полный разрыв с прообразом. Тогда имя, которое носит икона,

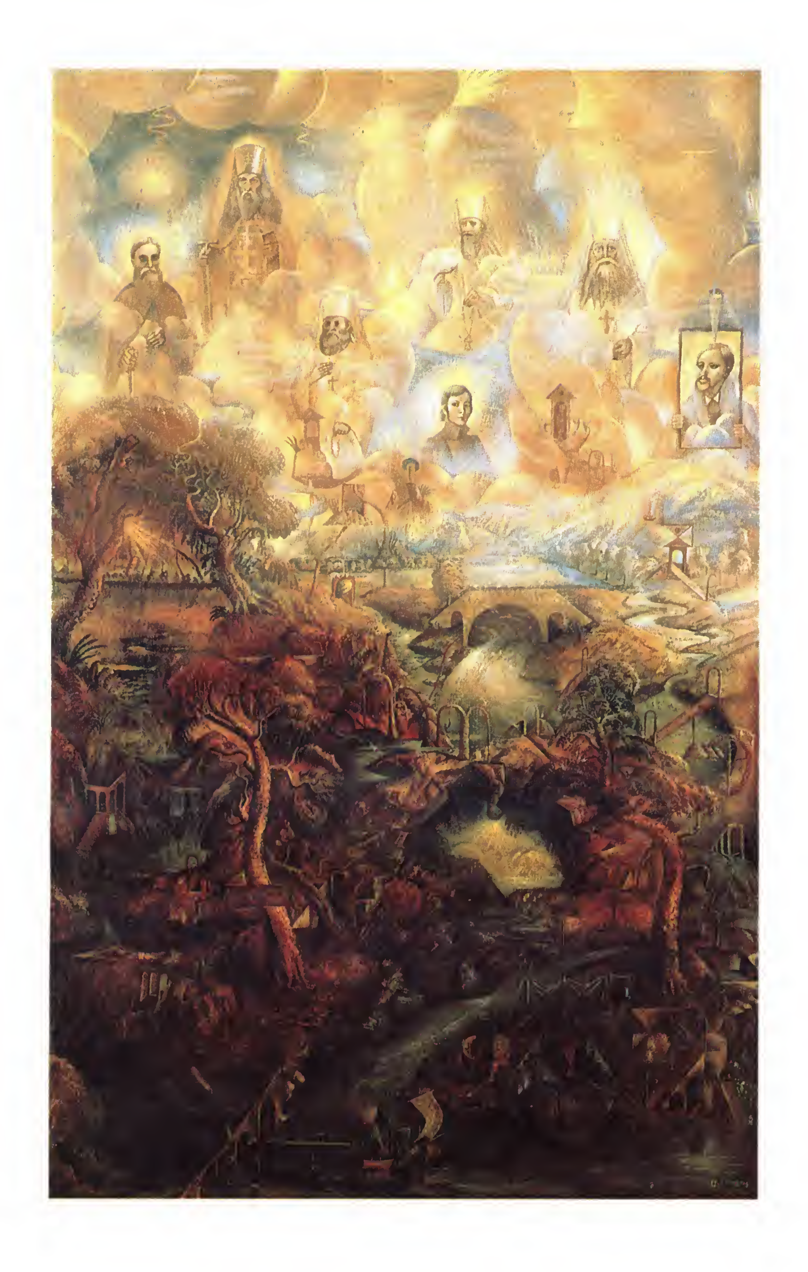
уже не соответствовало бы лицу, на ней изображенному, и это была бы явная ложь.

Но какими изобразительными средствами икона передает духовную реальность мира невидимого? В чем тождество изображенного на иконе с церковным догматом?

Очевидно, что Божественная благодать невыразима человеческими средствами. Она не может быть выражена ни словом, ни изображением. В иконе она может быть только обозначена символически. Реальность, представляемая христианским символом, не есть реальность плоти, но реальность высшая, духовная. «Икона — и то же, что небесное видение, и не то же: это линия, обводящая видение. Видение не есть икона, оно реально само по себе; но икона, совпадающая по очертаниям с духовным образом, есть в нашем сознании этот образ». «Если символ, как целесообразный, достигает своей цели, то он реально неотделим от цели... если же он реальности не являет, т. е., значит, цели не достигает... значит, как лишенный таковой, он не есть символ, не есть орудие духа, а лишь чувственный материал». «И икона всегда: или больше себя самое, когда она — небесное видение, или меньше, если она некоторому сознанию не открывает мира сверхчувственного и не может быть называема иначе, как расписанной доской» *(Священник Павел Флоренский).*

Самым значительным по своеобразному решению моментом в иконописи является проблема пространства — времени. Иконописец исключает прямую перспективу и вводит в икону так называемую обратную перспективу как способ выражения мира высшей духовной реальности. В обратной перспективе иконописец совмещает в одно несколько временных моментов, намечая разноместность и разновременность показа событий при единстве их объединяющего сверхпространственного и сверхвременного смысла. Мир иконы предстает перед созерцающим как бы прозрачным, повернутым одновременно всеми своими гранями, как видение.

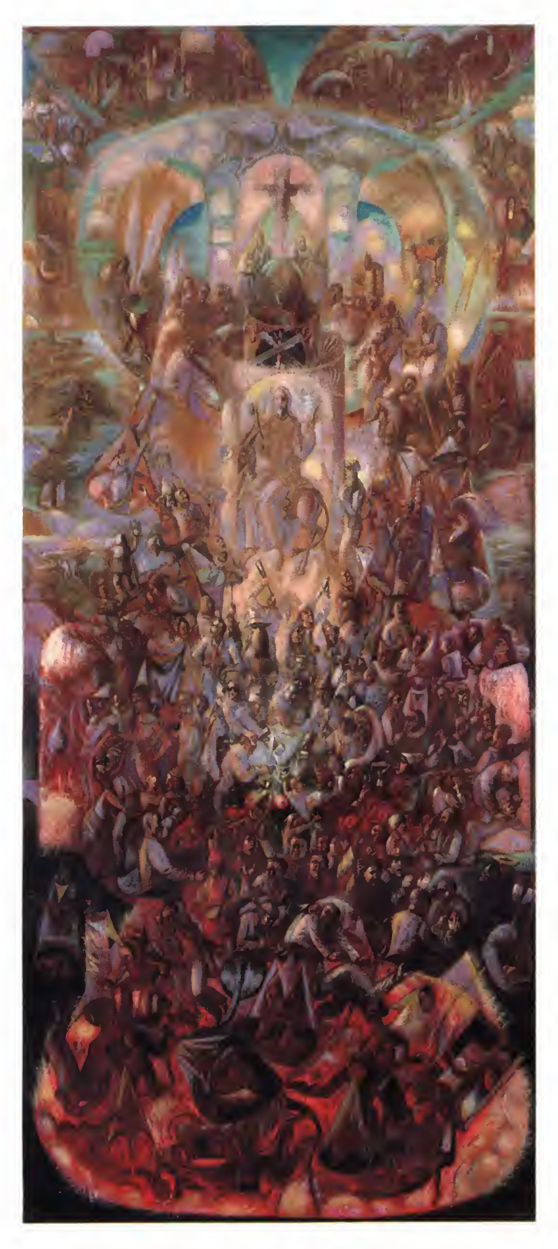
Тайнозритель Иоанн свидетельствует, что он видел «новое небо и новую землю» (Откр. 21, 1). Основные христианские догматы: Воскресение Христа и Его Вознесение на небо; взятие на небо ветхозаветных пророков Еноха и Илии; взятие на небо Богоматери;

Оптина Пустынь. *Худ. С. В. Потапов*

Крест, останавливающий время. *Худ. С. В. Потапов*

Вход в Иерусалим. *Худ. С. В. Потапов*

Открытие Царских Врат. *Худ. С. В. Потапов*

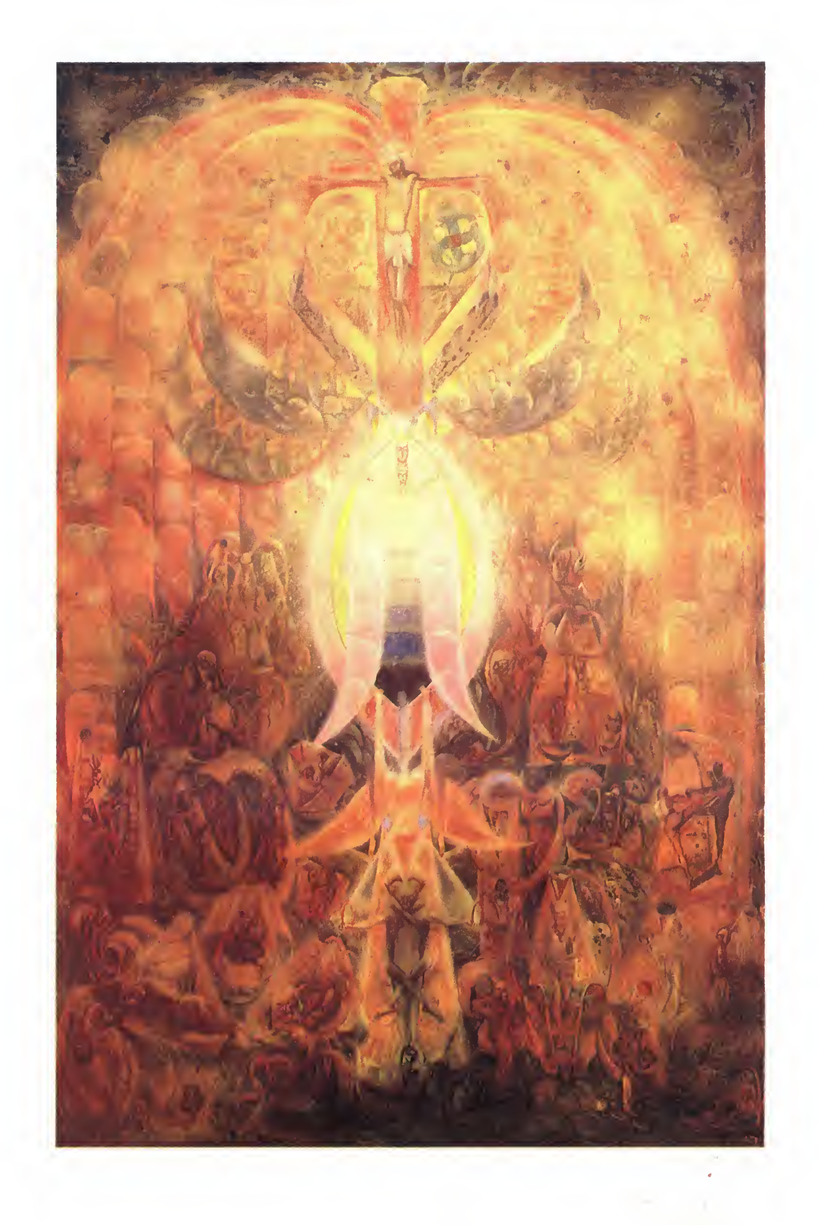
Евхаристия. *Худ. С. В. Потапов*

Крещение. *Худ. С. В. Потапов*

Пути, путники и путы. *Худ. С. В. Потапов*

Древо жизни в житейском море. *Худ. С. В. Потапов*

общее воскресение мертвых в будущем веке возможно мыслить лишь при допущении изменений в составе нашего тела.

Оставаясь Богочеловеком, Христос по Воскресении был уже в ином теле. Он мог появляться среди апостолов, когда двери дома были закрыты (Ин. 20, 19—26). Его не узнала Мария Магдалина (Ин. 27, 15). Его не узнали Апостолы на море Тивериадском (Ин. 21, 1—4). Его не узнали ученики на пути в Еммаус, а когда «открылись у них глаза», Он стал невидим (Лк. 24, 13—31)...

По Своем Воскресении Христос принадлежал уже к миру иному, именуемому Небом. Небо, как высшая духовная реальность, открывается для человека через личный религиозный опыт. «Царствие Божие внутрь вас есть»,— говорит Господь.

Обратная перспектива в иконе — есть зрительное представление понятия «иного мира». Но так как понятие непредставимо само по себе, а лишь мыслимо, то зрительное выражение понятия — мнимо. Если переднюю часть плоскости мы видим, то о задней только отвлеченно знаем.

Такому вневременному и внепространственному восприятию иконы способствует и ее композиция, отличающаяся необычной завершенностью форм, и цветовая гамма.

Цвет в иконе символичен. Он предопределен и лишен произвола. Например, в софийных иконах мы встречаем три основных цвета: красный, синий и зеленый. Цвета эти не случайны, а глубоко символичны. София — Премудрость Божия, есть мысль Бога о мире, о его предвечных судьбах, заключенная в едином миге вечности. Поскольку мысль эта стала плотию, она активна и символизируется красным цветом. Поскольку Божество самобытно, Оно не нуждается в мире, но мир нуждается в Нем. Это стремление мира к Богу выражается голубым цветом. Диалектический синтез двух первых атрибутов софийности выражен в цвете зеленом, говорящем о гармонии Божественного Бытия, о Его предвечном покое. Богоматерь изображается в красной одежде, когда Она представлена как Мать, и в голубой — когда Она Дева Богоматерь «Нерушимая Стена» Киевского Софийского собора изображена в синем гиматии. Здесь Она Дева — Оранта, Заступница христиан.

Особый смысл имеет в иконе золото. Не имея цвета, характеризуясь лишь тоном, золото отвлеченно. Самые краски как бы одухотворяются на нем и пронизываются светом. В Священном Писании на золото указывается как на символ горнего мира. Говоря о небесном Иерусалиме, Тайнозритель пишет: «Город был — чистое золото, подобен чистому стеклу» (Откр. 21, 8). Светоносность, напоенность пространства светом, световая глубь может быть передана только золотом. Поэтому золотом изображается только имеющее прямое отношение к Божией Силе, к явлению Божией благодати.

Как в писаниях святых Отцов, так и в житиях святых мы часто встречаемся с упоминаниями о некотором свете, которым изнутри светились лица святых в моменты их высшего прославления. Это явление благодатного света икона передает золотым нимбом вокруг головы святого. Нимб не аллегория, но символическое выражение конкретной реальности и является необходимым атрибутом иконы.

Кроме фона иконы и нимба, золото в виде ассистки (растекающихся струй) накладывается на одежды Спасителя и на все другие предметы, через которые подчеркнуто проявление Божией силы. На иконах более поздних ассистка накладывается и на одеждах святых, выражая отблеск Божественной благодати, или, по выражению Евгения Трубецкого, «Свет небесный, коим отмечены святые и ангелы».

Если так глубоко осмыслены в иконе цвет, пространство и композиция, то нельзя не видеть такой же осмысленности и в самой технике создания иконы. Писание иконы представляется как повторение основных ступеней Божественного творчества от абсолютного ничто до Небесного Иерусалима и святой твари.

Действительно, техника и приемы иконописи таковы, что не могут быть понимаемы иначе. Иконопись есть чисто выраженный тип искусства, где все одно к одному: и вещество, и поверхность, и рисунок, и предмет, и назначение целого, и условия его созерцания.

Смысл иконы и ее ценность не заключаются в ее красоте как вещи, но в духовной красоте, которую она изображает. Она — образ красоты как подобия Божия.

Искусство иконописцев Церковь рассматривает как очевидное свидетельство святости, как богословие в образе и в цвете. Вот почему Церковь предписывает писать иконы так, как их писали прежде святые иконописцы: «Изображай красками согласно Преданию,— говорит святой Симеон Солунский,— эта живопись так же истинна, как Писание в книгах, и Божественная благодать почиет на ней, потому что свято то, что она изображает».

Через всю историю христианской Церкви золотой нитью проходит традиция в собственном смысле святой иконописи. Начиная с первых свидетелей воплощенного Слова и дальше через все века идут святые, сами иконописцы, и иконописцы — «сами святые». И если Византия по преимуществу дала Церкви богословие в слове, то богословие в иконе дано было Россией.

Киевская Русь, как и другие области России, подобно Крыму и Грузии, приняла византийское искусство в его монументальных формах. С начала XIII столетия, когда наступил поворотный период в истории политического и культурного преобладания Византии на всем православном Востоке, а вместе с этим и конец ее обособленного художественного творчества, восточное христианское искусство стало развиваться в славянских странах на Балканском полуострове, а также и в других славянских землях, не разоренных монгольским нашествием.

Все уцелевшие памятники древнерусского искусства носят на себе следы византийского характера, который сохраняется на Руси вплоть до XVI века.

Со времени крещения Киевская Русь, Великий Новгород и несколько позже Владимиро-Суздальская Русь вступают в тесную связь с византийским миром и переживают период быстрого проникновения и укрепления византийского церковного, художественного и придворного влияния и расцвета искусств уже на русской земле.

Весь период ранней Руси, охватывающий время Киева, Новгорода и Пскова, Владимиро-Суздальского княжества и позже Москвы, представляет период общего проникновения и выражения в искусстве религиозного ощущения жизни русским народом. В этот период новое религиозное чувство постепенно собирает в одно выражение весь облик тогдашней Руси,

и складывается традиция византийско-русского православия, которой до сих пор живет православный русский человек.

Этот период очень родственен романскому периоду на Западе и близок по форме искусства.

Но жизнь русского искусства пошла по своему, совсем отличному пути от Запада. Запад постоянно меняется в последовательности: на смену романскому стилю для Севера приходит Готика, а для Юга классическое искусство Возрожения, охватившее затем Север и перешедшее в Европе в двухсотлетний период Барокко.

Искусство России, минуя Готику, совершенно чуждую ей, не зная классики Возрождения, а сохраняя свое религиозное ощущение жизни, стоит в традиции одного стиля вплоть до середины XVI века. Хотя этот стиль и не имеет своего определенного названия, но по его сущности можно назвать его Русско-византийским стилем.

Нет необходимости подчеркивать значение византийской художественной культуры для древнерусского искусства, которое явилось подлинным наследником всего того лучшего, что оставила после себя Византия. Поэтому за всем тем новым, что дало древнерусское искусство в смысле самостоятельной культуры, «никогда не следует забывать и всего того, чем оно было обязано Византии».

Восприняв иконографические типы из Византии в их канонической завершенности, русская иконопись обогатила содержание образа. На Руси образы Христа и Богоматери открывают ту любовь, о которой свидетельствовал Иоанн Богослов. Это видно из сравнения иконографических типов. Византийская икона воплотила выражение надмирности в образе Спаса Вседержителя, грозного Судии. Русская икона изображает образ Спаса Всемилостивого. Если в Царственной Византии распространен был величественный образ Богоматери — Одигитрии, то для русского православного сознания излюбленным стал образ «Умиления». Это относится и к колориту. Русские иконы более красочны по сравнению с византийскими и необычайно ритмичны. При всей канонической строгости русская икона открывает (или точнее — воссоздает) жизнеутверждающую радость. И этими акцентами она отличается от византийской иконы.

Строго следуя благочестивым заветам, русский иконописец считал главной задачей сообщить иконе внутренний глубокий смысл и содержание. Икона не была для него картиной, а предметом священным, предназначенным сосредоточивать ум и чувства молящегося и переносить их к Первообразу. История свидетельствует о том, что на Руси, вплоть до Синодального периода, многие русские святые были иконописцами, начиная с простых монахов и кончая митрополитами.

Вместе с христианством Россия получила от Византии уже установившийся церковный образ, зрелую, веками выработанную технику. Приезжие греки, мастера классической эпохи византийского искусства, были первыми учителями русских художников в росписях храмов, как, например, Киевской Софии (1037 — 1167).

О Киевском периоде русского церковного искусства можно судить главным образом по фрескам и мозаикам. Татаро-монгольское нашествие около середины XIII века не только уничтожило очень многое, но в значительной мере подорвало написание новых икон. Сохранившиеся иконы этого периода немногочисленны.

Иконам домонгольского периода присуща исключительная монументальность, свойственная стенной живописи, и лаконизм художественного выражения в композиции, фигурах, одежде. Колорит их сдержан. Но уже в XIII веке сумрачный колорит начинает сменяться яркими красками. Ранние иконы еще находятся в большей или меньшей зависимости от греческих образцов, но в XIII веке они уже выступают в национальном русском преломлении, нашедшем свое окончательное выражение в XIV веке. Иконы этого периода отличаются свежестью и непосредственностью выражения, яркими красками, чувством ритма и простотой композиции. К этому периоду относится деятельность святых иконописцев — митрополита Московского Петра (+1326), архиепископа Ростовского Феодора (+1394) и других.

XIV, XV и первая половина XVI века представляют собой расцвет русской иконописи, совпадающий с расцветом святости на Руси. Это время дает наибольшее количество прославленных святых, особенно XV век.

Грань XIV и XV веков связана с именем великого русского иконописца, преподобного Андрея (Рублева), работавшего со своим другом Даниилом Черным. Необычайная глубина духовного прозрения преп. Андрея нашла свое выражение при посредстве совершенно исключительного художественного дара. Творчество преподобного Андрея кладет отпечаток на русское церковное искусство XV века, в течение которого оно достигает вершины своего художественного выражения. Это классическая эпоха русской иконописи. «Троица» Андрея (Рублева) не случайно осознается... как высочайшее достижение русского искусства. Созданная в итоге длительного творческого пути одного мастера, она вместе с тем воплощает в себе работу творческой мысли нескольких поколений. Как и всякий другой средневековый художник, Рублев высоко ставил значение традиции и коллективного труда. Все лучшие черты русской культуры начала XV века соединились в «Троице»: внешне отвлеченная, но поразительно конкретная по содержанию форма философского обобщения, способность выражать в иконографических образах национальный характер, наконец, художественное мастерство, достигающее вершин мирового искусства».

Мастера XV века достигают необычайного совершенства владения линией, умения вписывать фигуры в определенное пространство, находить прекрасное соотношение силуэта к свободному фону.

Вторая половина XV и начало XVI века связаны с другим гениальным мастером, Дионисием, работавшим со своими сыновьями. Его творчество, опираясь на традиции Рублева, представляет блестящее завершение русской иконописи XV века.

XVI век сохраняет духовную насыщенность образа. На прежней высоте остается красочность иконы. Однако во второй половине XVI века величественная простота и классическая мерность композиции начинают колебаться. Утрачиваются широкие планы, классический ритм, чистота и сила цвета. Появляется стремление к сложности, виртуозности. Это эпоха перелома в русской иконописи. Догматический смысл иконы перестает осознаваться как основной, а повествовательный смысл становится доминирующим.

В XVII веке наступает упадок церковного искусства как результат глубокого духовного кризиса и об-

мирщения религиозного сознания. В церковное искусство проникают чуждые принципы. Догматическое содержание иконы исчезает, а символический реализм становится непонятным языком. Под воздействием светского реалистического искусства, родоначальником которого является знаменитый иконописец Симон Ушаков, происходит разрыв с преданием. Происходит смешение образа церковного и образа мирского (светского). Исчезает символический реализм, уступая место образу, свидетельствующему не о духовной реальности, а о различных представлениях и идеях по поводу этой реальности, превращаясь в идеализм.

С утерей догматического осознания искусства иконы искажается его основа, и уже никакое художественное дарование не в состоянии его заменить. Иконописец становится полуремесленником, иконопись— полуремеслом или простым ремеслом.

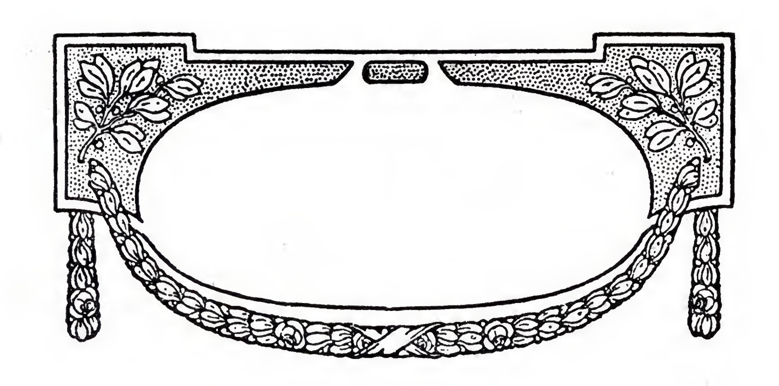
Как религиозная мысль не всегда была на высоте богословия, так и иконописное творчество не всегда было на высоте подлинного иконописания.

Но догматическое сознание образа не теряется Церковью, и не следует думать, что упадок этот явился концом иконы. Ремесленная иконопись, рассчитанная на широкий спрос желающих иметь иконы, всегда существовала наряду с большим искусством, но в XVIII, XIX и XX веках она приобретает лишь доминирующее значение. Наряду с плохой ремесленной иконой продолжали и продолжают создаваться иконы высокого уровня как в России, так и в других православных странах. Иконописцы, не отступившие от иконописного Предания Церкви, пронесли через эти века упадка и сохранили до наших дней подлинный литургический образ — икону.

Как продолжает существовать учение о цели христианской жизни, так продолжает существовать в богослужении Православной Церкви догматическое учение об иконе, благодаря которому сохраняется и подлинное к ней отношение. Русский человек не представлял себе, чтобы в доме не было икон. Обилие икон в Древней Руси объясняется тем, что в икону глубоко верили, верили в ее святость, благодатную помощь и чудотворную силу. Чудотворные иконы с заботливой тщательностью оберегали, писали с них копии и эти списки рассылали на благословение.

В тяжелые моменты народного испытания иконам вверялась судьба страны, народа и Православной Церкви. Нельзя исчислить множество чудес от чудотворных икон Богоматери, которыми была спасена Россия. Русская чудотворная икона представляет собой как бы отклик на беспредельную скорбь и радость русского народа.

Русская икона, с одной стороны, — широкое художественное явление исконной старины, с другой — она дар и воплощение религиозной жизни и быта русского народа. Икона живет в сердце народа, и народ живет иконой: исцеляется, здоровеет, становится чище и нравственней от молитвы перед иконой.

Часть 4

ЧЕЛОВЕК, ПРЕДСТОЯЩИЙ БОГУ

Митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим

Тело, душа, совесть*
(Учение о человеке в христианской традиции и современное общество)

Сегодня, в период перестройки и обновления всего нашего общества, в качестве исторической парадигмы вызывает определенный интерес положительная роль Церкви в отечественной истории. Нравственное влияние Церкви на человека в процессе формирования правового общества (которое гарантирует наряду с другими свободами и правами и религиозную свободу) может принести безусловную общественную пользу, и эта польза, на наш взгляд, будет иметь тенденцию к возрастанию.

У христианской Церкви есть огромный исторический опыт — со времен св. равноапостольного императора Константина Великого, который был выдающимся социальным реформатором и политиком. Он по достоинству оценил и использовал положительную

* Текст воспроизведен в журнале «Человек». 1990. № 1. С. 133 — 138.

нравственную роль Церкви в условиях перехода к новой общественной формации. Святой равноапостольный великий князь Владимир сыграл такую же роль в истории нашего Отечества. Провозглашая и утверждая высшие духовные потребности человека, как имеющие вечный смысл, Русская Православная Церковь противостоит социальной энтропии, то есть тенденции любой общественно-политической формации ставить превыше всего потребности социального регулирования. Такое регулирование всегда имеет место на той или иной стадии общественного развития, оно представляет лишь относительную ценность и вследствие несовершенства аппарата и инструментов регулирования обычно прибегает к мерам принуждения.

Церковь же по своей природе, как институт-посредник между людьми и Богом, основанный на Евангельской любви, не может действовать принудительными средствами. Ее Таинства и обряды имеют врачующую силу только в порядке добровольного употребления. Общество, впрочем, никогда не может стать идеальным, то есть вполне христианским, полностью свободным от зла и насилия (природа которых глубоко иррациональна). По отношению к злу и насилию необходимо принудительно-регулирующее начало, воплощением которого выступает государство.

Мы не разделяем двух крайних, противоположных точек зрения на значение социально-политического строя для нравственности человека: первая полностью отрицает таковое, вторая полагает, что совершенный общественный строй автоматически устранит всякое зло и полностью усовершенствует человека. Не будем останавливаться на второй точке зрения, так как очевидно, что при любом общественном строе источником всякого нравственного добра является личность или коллектив личностей. Что же касается первого воззрения, довольно распространенного среди части христиан, оно также не выдерживает критики: социальные реформы, усовершенствование общественного и государственного устройства объективно способствуют улучшению нравственности не только отдельных лиц, но и всего общества; об этом свидетельствует сама история.

Правовое, демократическое государство олицетворяет собой конструктивный, регулирующий принцип социальной жизни, предохраняющий общество, с одной

стороны, от анархии, а с другой — от тирании и тоталитаризма. Сосуществование Церкви и государства, их взаимное невмешательство, сотрудничество и симфония являются условием нормального течения общественной жизни, раскрытия подлинно человеческого в человеке, то есть реализации идеалов гуманизма, следовательно, торжества нравственности. Христиане при этом не забывают об эсхатологической устремленности самой истории за пределы времени, к жизни будущего века, к новой земле и новому небу.

Не отрицая относительной правды и справедливости, достижений современного правового государства, мы помним об их несоизмеримости с идеалами абсолютного добра. Это памятование должно предохранить от ложных иллюзий построения идеального земного общества, что на практике грозит разрушением всего неидеального, когда цель оправдывает средства. Ибо внешнее объединение людей на основе экономического коллективизма в самом хорошем правовом государстве все же не сможет устранить их внутренней отчужденности друг от друга. Только духовная солидарность людей, основанная на сознании братского, родового единства, общности происхождения и судьбы, поможет построить дом на твердом основании. В этом отношении именно Церковь способна помочь обществу, если само общество захочет воспользоваться этой помощью. Ибо в Церкви каждый ее член обретает подлинный опыт человеческого общения и постигает его непреходящий духовный смысл, заключенный в евангельской молитве Христа: «Да будут все едино...» (Ин. 17, 21).

Разве не из религиозных заповедей пришли к нам моральные принципы, которые легли в основу всех прав человека, призывов к гуманизации государства и общества? Разве не религия породила культуру как проявление особой формы духовности, присущей только человеку? Поистине, это anima spiritus (развитие духа). Такая культура может и должна стать сферой сближения, взаимодействия и взаимообогащения Церкви и общества. Но для этого в церковной ограде должны найти себе место и храм, и приют милосердия, и духовная школа, и художественная студия. В этом случае, как писал в свое время профессор (впоследствии протоиерей) С. Н. Булгаков, социальная жизнь утратила бы свой прозаический оттенок, приобре-

тая некую окрыленность и вдохновенный характер: «И жизнь, и культура, освещенная внутренним светом, оказались бы светопроницаемы, полны света и жизни... Поэтому нужно любовно, без кичливости, но с христианским смирением открыть свое сердце светскому миру... И с той и с другой стороны должна быть признана обоюдная вина и принесена духовная жертва...» (Цит. по: Вопросы религии. М., 1906. Вып. 1. С. 50—52).

Осознание этого в среде культурной общественности как верующими, так и неверующими — залог подлинного духовного обновления и консолидации всего нашего общества. Лишь в единстве свободы и ответственности человек как подлинный homo sapiens реализует свое высокое призвание в мире.

Социальная психология, другие общественные науки ищут сегодня правильные критерии, которые адекватно отражали бы всю сложность человеческой природы, в том числе ее метафизическую глубину, ее духовное измерение.

Недостаточность исходных положений современной философской антропологии, например, биологической антропологии (А. Гелен, Г. Плеснер и др.), признается самими философами.

В известном смысле можно сказать, пишет один из них, что здесь прорублена лишь одна просека в лесу сущностных черт и свойств человеческого существа. И хотя даются определенные образы человека, все они односторонни, а потому являются искаженными картинами, и ни разу дело не доходит до всеохватывающего определения человека.

Кризис современной антропологии можно считать наследием прошлого столетия. В первой его половине господствовала так называемая эмпирическая психология, которую точнее было бы назвать психологией без души. Душа как понятие сугубо метафизическое отметалась. В результате явления душевной жизни теряли свое единство и глубину, лишались разума и смысла, рассматривались как бессвязный набор отдельных психических элементов — представлений, ощущений и т. п. Эта ассоциативная или атомистическая психология была развенчана во второй половине XIX в. работами выдающихся психологов У. Джемса (1842—1910), А. Бине (1857—1911), А. Бергсона (1859—1941) и др.

Развитие новейшей психологии во многом обусловлено замечательным открытием австрийского философа Ф. Брентано (1838—1917), который развил идею интенциональности (смысловой направленности) душевной жизни на предметный мир. Влияние феноменологии интенционализма (вместе с влиянием психоанализа) сказалось на трудах Э. Гуссерля, К. Ясперса, Э. Кречмера и других выдающихся философов и психологов. Они отвергли устаревшее, чисто натуралистическое понимание душевной жизни, справедливо усмотрев в ней явно выраженную сверхприродную, идеальную сторону. Возможность двустороннего взаимодействия между душевными (психическими и парапсихическими) и телесными явлениями стала очевидным фактом.

Если не жизненная сила (психея, энтелехия, другие синонимы души), как думали виталисты, то что же является общим у всех живых систем? Над этим вопросом постоянно ломают голову биологи. Пытаясь на него ответить, Ж. Моно в своей известной работе «Случай и необходимость» постулирует целесообразную организацию молекулярной природы и подчинение организации индивидуума некоему плану. Эти и подобные концепции в современной психологии заставляют вспомнить древнее учение о душе, имеющее источником различные мировые религии.

В данной связи немаловажное значение представляет христианская антропология, традиционное учение Церкви о природе человека, равно как христианская триадология (учение о соотношении и взаимообщении Трех Лиц Святой Троицы), которую можно рассматривать как идеальную модель для человеческого общежития.

Святой апостол Павел призывает христиан: «преобразуйтесь обновлением ума Вашего» (Рим. 12, 2), заботьтесь «иметь Бога в разуме» (Рим. 1, 28).

Не желая соперничать с наукой и не отвергая методологии научных исследований, Церковь в то же время сдержанно относится к их результатам, в чем можно было убедиться недавно на примере идентификации Туринской плащаницы. Предлагая обязательные для верующих догмы, богословская мысль оставляет достаточно свободы для их интерпретации, а также допускает весьма различные и многообразные точки

зрения по целому ряду промежуточных вопросов (так называемые теологумены).

Христианские мыслители, именуемые учителями Церкви, не оставили вполне разработанных и цельных систем антропологии. Но их несложно реконструировать, извлекая те или иные суждения о человеке из разных сочинений, опираясь на богатейшую литературу по истолкованию Библии, а также, прежде всего, на тексты самого Священного Писания.

В Библии учение о происхождении человека (антропогония) и учение о его сущности (антропология) связаны воедино. Библейская антропология исходит из воззрения, что весь космос, весь тварный мир и венец природы — человек — созданы Высшим Творческим Началом — Богом.

Признание Бога в качестве целеполагающей причины творения принципиально недоказуемо, оно является предметом в е р ы, характерной особенностью человека верующего. Вера же как психологический феномен имеет исключительную устойчивость: «Существование Верховного Разума, а следовательно, и Верховной Творческой Воли, я считаю необходимым и неминуемым требованием (постулатом) моего собственного разума, так что если бы я хотел теперь не признавать существование Бога, то не мог бы этого сделать, не сойдя с ума»,— писал выдающийся русский ученый Н. И. Пирогов (Соч. Киев, 1916. Т. 2. Стлб. 176).

Библия сообщает, что Бог создал человека в шестой день (6-й космический цикл) творения по образу и подобию Своему (предшествующие циклы творения можно рассматривать как подготовительные этапы создания человека). Библия об этом повествует так: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душею живою» (Быт. 1, 7).

Раннехристианские писатели, такие, например, как Ориген или Ириней, епископ Лионский, считали, что образ Божий человеку дан, подобие же задано, его надлежит стяжать в соответствии с заповедью Христа: «будьте совершены, как совершенен ваш Отец Небесный» (Мф. 5,48). Отсюда идеал обожения у учителей Церкви — Макария Великого, Афанасия Великого и других.

Создание тела и души — это как бы два момента, начальный и конечный, в сотворении первочеловека

Адама. Библейское откровение оставляет открытым вопрос о возможной эволюции человека и ступенях этой эволюции. В этом плане возможно существование целого ряда самостоятельных научных гипотез, безотносительно к религиозным учениям. Безусловно несовместимым с библейской антропологией, однако, является взгляд на то, что человек лишь количественно, а не качественно отличается от своих ближайших соседей на ступенях эволюции.

Человек, созданный по образу и подобию Творца, и для которого Он сотворил мир, рассматривается в христианстве как венец творения. «Среди всего ранее сотворенного не было настолько ценного создания, как человек... он достойнее и величественнее всего остального... И не только достойнее, но и является хозяином всего и все для него создано»,— подчеркивает болгарский богослов IX в. Иоанн Экзарх в своем весьма популярном в Киевской Руси сочинении (Шестиднев. София, 1981. С. 232—233). Превосходство человека над всем сущим объясняется его одновременной принадлежностью двум мирам — видимому физическому и невидимому духовному (трансцендентному). Мир человека (микрокосм) столь же целостен и сложен, как и мир природы (макрокосм).

В Библии с поразительной ясностью разграничены в человеке естественная (биологическая) и сверхъестественная (теологическая) сферы. К первой относится человеческое тело, генеалогия которого выводится непосредственно из природного вещества (земной персти), подчинена законам животного бытия. Ко второй относится «душа живая», несущая печать Божественного Духа, так как Сам Бог «вдунул в лице его (человека) дыхание жизни» (Быт. 2, 7). Христианская антропология рассматривает человека прежде всего как явление духовного порядка, «загадочного пришельца», предназначенного к уходу в иной мир.

Следует сказать, что признание акта творения отнюдь не разрешает всех загадок человеческой природы, например, связи человека с космической эволюцией, взаимосвязи физической и психической сферы (тела и души), в единстве которых человек представляет собой живое, целокупное существо, несмотря на означенную двойственность. Дуализм человека, ограниченность его физической природы и устремленность его духа в бесконечность — извечная тема поэзии:

О, вещая душа моя!
О, сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!

Федор Тютчев

Психическая жизнь человека сама по себе весьма подвижна и неустойчива, она похожа на быстротекущую реку, в которую невозможно войти дважды. Это область, в которой взаимодействуют тело и душа (дух); сами же они весьма устойчивы — в пределах земной жизни (тело) и даже в вечности (душа). Та неизменная устойчивость личности, которую мы подразумеваем под словом «Я», создающая идентичность нашей индивидуальности, несмотря на постоянный поток сознания, смену впечатлений и ощущений, круговорот обмена веществ,— эта устойчивость определяется с точки зрения христианской антропологии именно душой, нематериальным субстратом, в котором, упрощая проблемы и выражаясь современным языком, заложена вся информация о нашем «Я».

Творческое Слово, которое по мысли св. Григория Нисского (IV в.) Бог первоначальчо вложил в мир и человека, являлось нормой для их бытия. Эта норма была нарушена вследствие космической катастрофы — грехопадения прародителей (Адама и Евы), повлекшего за собой онтологическую поврежденность (падшесть) в человеке, распространившуюся на весь мир. Профессор В. И. Несмелов в своем труде «Наука о человеке» (Казань, 1906) дает интересную интерпретацию темы библейского грехопадения человека. Нарушение Божественной заповеди, вкушение от древа познания добра и зла явилось искушением пойти внешним путем для приобретения высшего ведения, попыткой взойти на высоту бытия без должных внутренних усилий.

В этом символическом образе заключена глубокая трагедия человека, приведшая его к утрате царственного положения в природе, к подчинению ее стихийным силам. Отсюда контраст между первоначальным райским блаженством человека и дальнейшей борьбой за существование в человечестве, дошедшей до современного состояния, близкого к агонии (прибегая к научной терминологии, это состояние можно описать как возрастание энтропии до некоего критического

предела; по Т. де Шардену — это приближение к разрыву ноосферы).

Современному позитивизму до недавних пор оставалось чуждо (ибо требует не простого рационального понимания, но духовного постижения) христианское учение о «падшести», поврежденности, болезненности человека, а вместе с ним и всей природы, которая «совокупно стенает и мучится поныне», ожидая спасения «славы детей Божиих» (Рим. 8, 19—22). В настоящее время, ввиду глобального экологического кризиса, положение изменилось. Понятие глобальной аномалии, укоренившееся в современных научных представлениях, позволяет, в силу некоей расширенной аналогии, уяснить если не верность такой концепции, то хотя бы правомерность постановки вопроса о поврежденности человека.

В этом контексте вырисовывается общность судьбы всего человечества и общечеловеческая солидарность отдельных людей. В сознании и формулировке глобальной проблематики, предвосхитившей современную так называемую «философию космизма», безусловный приоритет принадлежит русской религиозной философии второй половины XIX в., в частности Н. Ф. Федорову и В. С. Соловьеву. (См. *Никитин В. А.* Владимир Соловьев и Николай Федоров.— Символ. 1990. № 23.) Оба гениальных мыслителя впервые с полной ясностью развили учение о том, что субъектом истории является человечество как целое. Единство человечества обусловлено его единосущием, следствием сотворенности по образу и подобию Божию. Отсюда линии этого единства как в историософии, так и в космологии: человечество является особым образованием не только в историческом бытии, но и венцом природы в эволюционном плане, в биосфере и ноосфере (Тейяр де Шарден).

Свойственное Православию эсхатологическое ожидание преображенного мира и вера в конечное обожение человека привлекли к христианской антропологии многих видных русских философов и общественных деятелей на рубеже XX века. Среди них назовем Н. А. Бердяева и С. Н. Булгакова, С. Л. Франка и П. Б. Струве, П. А. Флоренского и Л. П. Карсавина. Парадокс христианства, как указывали многие видные религиозные мыслители, и прежде всего Н. А. Бердяев, заключается в том, что оно одновременно и исторично

(ибо основано исторической Личностью — Иисусом Христом), и сверхисторично (имеет иточником Божественное Откровение и устремлено к Царству «не от мира сего»).

Творчество человечества венчает историю мира, потому что человек не утратил благодатных творческих даров Божиих, хотя и утратил свое Богоподобие. В центре внимания у Тейяра де Шардена — человек как венец творческой эволюции Богосотворенной природы, вершина космогенеза, и в то же время «руководящая сила всего биологического синтеза», устремленная к сверхличному началу — «точке Омеге», Абсолюту, Богу. Его натурфилософия естественным образом переходит в религию и даже в мистику, но это мистика знания.

В отличие от нее православная антропология носит ярко выраженный христологический характер, основываясь прежде всего на догмате искупления рода человеческого воплотившимся Богочеловеком Иисусом Христом. Христос Своею крестною смертию снял с рода человеческого тяготевший над ним первородный грех. Спасительные плоды Его подвига усваиваются каждым человеком через Крещение и другие церковные Таинства. Благодаря Боговоплощению и Искуплению, дарованному Христом, стало возможно спасение и обожение человека и всей твари, всего космоса. В этом и состоит предназначение Церкви, ее вселенская миссия.

По формуле IV Вселенского (Халкидонского) Собора, божественная и человеческая природа соединены в Иисусе Христе нераздельно и неслиянно — при наличии двух природ личность (ипостась) Богочеловека была одна. В каждом же из людей одна личность и одна природа. Различение природы и ипостаси весьма существенно для уяснения и раскрытия положения человека в мире, которое рассматривается в трех аспектах: 1) человек в его первозданном состоянии в раю; 2) человек после грехопадения и изгнания из рая; 3) человек после Искупления, дарованного Христом.

Истинная природа человека, его роль и призвание в мире могут быть выявлены, с точки зрения христианской антропологии, лишь в связи и взаимозависимости всех трех аспектов. Здесь мы коснемся лишь второго аспекта, да и то в самых общих чертах.

Как уже говорилось, хотя первородный грех исказил природу человека, но он не уничтожил в человеке высшей творческой силы, образа Божия, запечатленного во всей природе человека,— и в теле, и в душе, и в духе. Принято считать, что одни христианские богословы учат о трехчастном составе человеческого существа (тело, душа и дух), другие — о двухчастном (тело и душа). Этот широко распространенный взгляд нуждается в корректировке, так как одни и те же богословы говорят и о двухчастности, и о трехчастности человека, а история патристики не знает спора дихо- и трихотомистов. Видный современный богослов В. Н. Лосский был убежден, что разница между сторонниками дихотомизма и трихотомизма сводится к терминологии: «Дихотомисты видят в духе высшую способность разумной души, посредством которой человек входит в общение с Богом» (Мистическое богословие.— Богословские труды. М., 1972. Сб. 8. С. 68).

Святой Афанасий Великий (IV в.) был убежденным трихотомистом и учил, что все духовно-душевно-телесное естество человека должно обожиться вследствие восстановленной Богопричастности человека. Многие представители русского богословия так же понимали природу человека, в их числе св. Тихон Задонский, св. Феофан Затворник, а из наших современников — архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий, 1877—1961). В своей известной работе «О духе, душе и теле» архиепископ Лука аргументировал трихотомизм данными психофизиологии, парапсихологии и генетики. Он разработал учение о так называемых актах сознания, которые никогда не бывают изолированными, поскольку мысль сопровождается чувством, а волевые акты связаны не только с восприятием физических органов, но и с восприятием души и духа. Архиепископ Лука доказывал, что дух может вести жизнь раздельную от души и тела, ссылаясь на передачу наследственных свойств от родителей к детям, поскольку наследуются лишь основные «духовные» черты характера родителей, а не их чувственные восприятия и душевные воспоминания. Он разделял взгляд на то, что животные тоже имеют душу, но подчеркивал, что у человека душа гораздо совершеннее, он обладает высшими дарами Святого Духа — разумением и познанием, творческим вдохновением, мудростью и др.

Самым значительным проявлением духовности в человеке, на наш взгляд, является совесть.

Совесть, неотъемлемое начало общечеловеческой нравственности, рассматривается христианской Церковью как голос Свыше, присутствие Божие в душе человека. Человек часто пытается заглушить этот голос, потворствуя своим страстям и корыстолюбию, но до конца его не может заглушить, пока в нем живет хоть какая-то человечность. Именно совесть является наиболее человеческим в человеке — в самом благородном значении этого слова.

Пока не удастся выработать и принять общегуманистические основы нравственности, единые для всего человечества, оно будет раздираться силами вражды и противоборства. Критерием такой нравственности, безусловно, может быть только совесть, как бы ее ни называли — «категорическим императивом» (И. Кант) или голосом Божиим. Без веры, совести и внутренней обращенности к Абсолюту сердце человеческое мятется, а ум бывает поглощен суетой: вместо разумения в нас проявляется рассудок, поглощенный самим собой. Отсюда — эгоизм, взаимоотчужденность, чувство одиночества, отпадение от семьи, выпадение из общества. В творениях церковных писателей такое состояние именуется непросвещенностью и духовным помрачением.

Святой Андрей Критский (VII в.) в своем «Покаянном каноне» дал весьма впечатляющее определение этого состояния — человек поклоняется самому себе как идолу. Поистине природа не терпит пустоты! Там, где нет обращенности к Источнику Света, сгущается мрак, царят различные идолы — «рода», «пещеры», «рынка», «театра» и всякие другие, которые, вероятно, и не снились автору «Нового Органона» Ф. Бэкону (1561—1626). Служение этим идолам порождает культ ложных ценностей, приводит к насилию над человеком и обществом.

В любом акте насилия и разрушения (отрицания) есть некая «злая радость», которая создает иллюзию творческого акта; но это не творческий акт, не акт силы, а стихийное буйство, проявление творческого бессилия, паразитирующего на том, что было создано подлинно творческим актом — Деянием как волеизъявлением Добра. В нашей недавней истории пафос отрицания привел к самому чудовищному вандализму,

уничтожению бессмертных творений человеческого гения. Для Церкви по существу неприемлемо всякое отрицание, даже так называемое «отрицание отрицания», этот хитроумный принцип диалектики, под которым может скрываться что угодно.

Зловещая практика XX века, чудовищный опыт нигилизма и дегуманизации, репродуцированный в будущее авторами антиутопий (Е. Замятин, Дж. Оруэлл, О. Хаксли), подтверждают давний взгляд на природу человека, выраженный в христианском богословии, согласно которому эту природу нельзя произвольно улучшить или переделать безблагодатными средствами. Сложной, духовной по преимуществу, природе человека противопоказано низведение ее запросов к социально-экономическим или так называемым «духовным», под коими обычно подразумеваются потребности интеллектуальные и культурные.

Для усовершенствования социума, правильного развития общественных отношений недостаточно использование одних лишь материальных и культурных факторов. Необходима особая забота о подлинно духовном, что в плане конвергенции общества и Церкви можно рассматривать как движение в сфере религиозного просвещения.

Эта сфера издавна была предметом внимания церковных деятелей.

Поведение христианина по «Слову Жизни», то есть по Евангелию

Пробудившись, сразу же обрати мысль к Богу и благоговейно перекрестись, помышляя о распятом Иисусе Христе, Который нашего ради спасения умер на кресте. Не позволяй себе долго нежиться в постели, но быстро встань; одеваясь, помни, что ты находишься в присутствии Господа. Затем начни читать утренние молитвы — внимательно, с глубоким смирением. Проси всемогущего Бога укрепить твою веру, надежду и любовь и дать тебе силы безропотно принять все, что Ему будет угодно послать тебе или попустить в этот день. Прими твердое решение все делать для Господа, все принимать от отеческой руки Его; реши сделать сегодня именно такое-то добро или

избегать именно такого-то зла; приноси всего себя в живую жертву Богу. Проси Господа благословить твои занятия в этот день; почитай, если есть время, Евангелие. Подумай о том, что сей день может быть последним днем твоей жизни, и все делай так, как если бы ты должен был сегодня предстать на суд Божий. Благодари Господа за то, что Он сохранил тебя в прошедшую ночь. Сколько людей предстало в эту ночь перед Лицо Господа! Возблагодари Бога за то, что Он дает тебе еще время покаяться и снискать Его благоволение. Каждое утро думай, что только теперь ты начинаешь быть христианином.

После этого перейди к занятиям твоим и все делай во славу Божию. «Едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте во славу Божию»,— говорит апостол Павел (Кор 10. 31). Помни, что Бог всегда видит тебя, все твои чувства, мысли, желания и действия и щедро воздает за все доброе. Не предпринимай ничего, не помолясь Господу, ибо то, что мы делаем без Божия благословения, может принести вред душе. Сам Господь сказал: «Без Меня ничего не можете творить».

Трудясь, представляй себе Иисуса, который в поте Лица Своего ел хлеб Свой, работая со Св. Иосифом. Будь весел и спокоен; исполняй все тяжелое для тебя как епитимию за грехи — в духе послушания и смирения. Как можно чаще произноси молитву Иисусову. Если работа твоя совершается успешно, согласно твоему желанию, благодари за это Господа. Если же ты терпишь неудачу, помни, что и радости и испытания посылаются нам по воле Божией и что «любящим Бога... все содействует ко благу» (Рим. 8. 28).

Когда вкушаешь пищу, представляй Отца Небесного, отверзающего руку Свою, чтобы напитать тебя. Всегда перед едой и во время ее представляй, что Иисус вкушает пищу с тобой. Делись с голодным тем, что тебе послал Бог, считай себя как бы принадлежащим к числу пяти тысяч, которых чудесно напитал Иисус Христос; возблагодари Его от всего сердца и моли Его о даровании тебе небесной пищи — слова Своего и Пречистых Тела и Крови Своих.

Прежде чем ляжешь спать, испытай свою совесть. Проси Духа Святого помочь тебе познать грехи твои; поразмыслив о них, проси Бога простить тебя; обещай

исправиться; определи ясно и точно, в чем именно и как ты думаешь исправлять себя. Потом предай себя Богу, как если бы ты должен был в эту ночь предстать перед Ним. Поручи себя также Божией Матери, Ангелу Хранителю, Святому, имя которого носишь.

Если не можешь уснуть или бодрствуешь в ночные часы, вспоминай слова: «Се Жених грядет в полунощи и блажен раб, его же обрящет бдяща», или Гефсиманскую ночь, когда Иисус молился до кровавого пота; молись за страждущих в эту ночь в тяжких болезнях или смертном томлении.

Если желаешь жизни мирной, всецело предай себя Господу. Ты не найдешь душевного мира, пока не успокоишься в едином Боге. Всегда помни о любви Бога к нам, грешным. Во всем старайся исполнить волю Божию. Не нарушай заповедей Божиих, не домогайся житейских выгод в ущерб ближним. Заботься не о том, чтобы окружающие тебя уважали и любили, но о том, чтобы угодить Богу и чтобы совесть не обличала тебя в злых делах.

Старайся владеть своими чувствами и помышлениями. Ничего не почитай маловажным, когда дело касается твоего вечного спасения. «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (Мф. 16.26). Молись Богу так горячо, как можешь, чтобы Господь помянул тебя тогда, когда ты забудешь о Нем. Во всем да будет твоим учителем Господь Иисус Христос. Внутренне взирая на Него, чаще спрашивай себя, что в этом случае помыслил бы, сказал бы, сделал бы Христос. Приучись в каждом человеке находить что-то доброе, будь кроток, тих и мирен. Когда тебя осуждают и унижают, терпи по примеру Иисуса. Он не возложит на Тебя креста, которого ты не можешь понести. Он сам поможет тебе нести крест. Не надейся, что сможешь приобрести какую-нибудь добродетель без усилий и скорби.

Проси у Бога благодати как можно лучше исполнять заповеди Его, даже если это тебе кажется весьма трудным. Исполнив доброе дело, ожидай искушения, ибо любовь ко Христу испытывается огнем. Никогда не оставайся праздным, всегда трудись по примеру Христа: «Отец Мой всегда творит и Я творю» — говорит Он. Нетрудящийся недостоин имени христианина. Уединяйся, когда возможно, следуя примеру Христа, Который удалялся от теснившей

Его толпы, чтобы сосредоточенно молиться Отцу Небесному. В минуту тяжелого душевного состояния молись Господу — как Иисус Христос трижды молился Отцу, когда Его душа была прискорбна даже до смерти.

Воздерживайся даже от самых малых грехов, ибо совершение малых грехов часто предрасполагает к совершению больших. Всякий помысел, удаляющий тебя от Бога, особенно скверный плотский помысел, изгоняй из сердца как можно скорей, подобно тому как сбрасываешь искру с одежды. В минуты искушения немедленно обращайся к Богу со словами: «Господи, помоги, Господи, помилуй, Господи, не оставь меня, избавь от искушений». Не смущайся, когда возникают искушения: Тот, Кто попускает врагу напасть на тебя, поможет тебе победить его. Всегда старайся быть спокойным. Уповай на Бога: «Господь свет мой и спасение мое: кого мне бояться? Господь крепость жизни моей, кого мне страшиться?» (Пс. 26. 1). Проси у Бога отнять у тебя все, что вредит твоей душе, хотя бы это тебе и было горько. Когда придется перенести какое-нибудь унижение, верь, это послано Богом для твоего вразумления и духовного возрастания. Стремись соединиться со Христом униженным и оскорбляемым: если ты любишь Христа, возлюби и крест ради нас Распинаемого.

Если имеешь пищу и одежду, будь этим доволен, по примеру Иисуса, ради нас обнищавшего. Не увлекайся спорами и не стремись оправдываться. Не говори ничего дурного о начальниках и ближних твоих без необходимости. Будь искренен и правдив. С любовью принимай наставления, советы и обличения других. Не поддавайся чувству ненависти или зависти. Не будь чрезмерно строгим к зависящим от тебя. Чего не хочешь себе, того не желай и не делай другим. Чего себе от других желаешь, то делай сам для других.

Принимай приходящих к тебе как посланников Христа. Думай о том, что Христос находится среди тех, с которыми ты беседуешь. Не говори ничего необдуманного. Помни, что жизнь кратка и что надо будет дать отчет о бесполезных словах и времяпрепровождении. Испрашивай у Господа Благодати говорить и молчать в подходящее время. Не проявляй

чрезмерного любопытства. Если кому-нибудь принесешь пользу, признай в этом благодать Божию. Избегай дурного общества.

Если согрешишь, немедленно покайся, проси прощения у Бога со смирением и упованием на Его благость. Испытывай себя, не сделался ли ты хуже, чем был раньше, не впадаешь ли в какие грехи, которых раньше не делал. Если не будешь сокрушаться о грехах, то будешь скоро снова впадать в них. Старайся делать каждому добро, какое и когда только можешь, не думая о том, будет ли оно оценено должным образом. Радуйся, когда без раздражения перенесешь оскорбление, особенно от того, кому ты делал добро. Незлобие принесет тебе великую пользу. Если же вред причиняется многим, не оставайся равнодушным и думай больше не о своей пользе, а о пользе других.

Общественное служение начинается в семье, в браке, благословенном Церковью, при рождении детей, и также — когда дети любят, почитают и слушаются своих родителей. Обязательно воспитывай детей в святой Христовой вере, даже если это связано с большими трудностями. Кто сознательно не крестит детей, обрекает себя и их на смерть духовную. Неустанно показывай детям — своим и чужим — добрый пример. Остерегайся хоть чем-нибудь соблазнить детскую душу. Помни, что соблазнителям детей грозит страшное наказание на земле и на небе (МФ. 18. 6). Будь почтителен к своим родителям: всегда люби их и помогай им (особенно в старости). Слушай их добрые наставления и молись о них при их жизни и после их смерти.

В супружеских отношениях храни чистоту и будь верен до гроба обету, данному тобой при бракосочетании. Помни, что невозможно нечистому войти в Царствие Божие (Мф. 5. 856, Ефес. 5.5). Храни верность законному епископству Церкви. Почитай твоего духовного отца, молись за него и исполняй его наставления. Во время болезни возложи все твое упование на Бога, вспоминай и размышляй о страдании и смерти Иисуса Христа для укрепления твоего духа в часы страданий. Непрестанно твори молитву. Старайся воздерживаться от ропота и раздражительности. Господь Иисус Христос перенес ради нас са-

мые тяжкие страдания. А мы что сделали для нашего спасения?

Посещай церковные богослужения, когда имеешь возможность. Особенно в праздничные дни, день твоего рождения и Ангела, старайся с сердечным сокрушением, благоговением, смирением, верой и любовью. Как можно чаще размышляй о великой любви к тебе Господа, в Троице славимого и поклоняемого, чтобы и самому тебе возлюбить Его всем сердцем твоим, всею душою твоею и всеми силами твоими.

Благодать Господа нашего Иисуса Христа да будет с тобою. Аминь.

Как следует вести себя в церкви

Церковь — место присутствия Божия, и пребывать в ней следует с благоговением и любовью. Войдя в нее, осени себя крестным знамением и соверши три малых поклона, помня, что в алтаре, на престоле, в Святых Дарах, таинственно и действительно пребывает Сам Господь.

Затем произнеси краткую молитву, например:

«Боже, милостив будь ко мне, грешному. Создавший меня, Господи, помилуй меня. Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитв ради Пречистой Твоей Матери и всех святых, помилуй нас. Аминь».

После этого соверши малые поклоны перед иконами Господа Иисуса Христа, Пресвятой Богородицы и святых и благоговейно облобызай их (если в это время не совершается служба). Если начинается служба, стань на определенное место и сосредоточенно слушай чтения и песнопения.

Находясь в церкви, не следует здороваться со знакомыми за руку, беседовать и переходить с места на место. Лишь в крайнем случае можно тихо сказать то, что относится к богослужению.

Свечи желательно ставить до начала службы, во всяком случае не подобает ставить их во время чтения Евангелия и литургии верных (от пения Херувимской до причащения Св. Даров). Не следует проходить между Царскими вратами и находящимся посредине церкви аналоем с иконой. Когда проходишь перед аналоем, соверши малый поклон, осеняя себя крестным знамением.

Когда священнослужитель осеняет присутствующих в церкви крестом, или Евангелием, или Чашей, или св. иконой, крестись, наклонив голову.

Преклонять голову надлежит во время чтения св. Евангелия, а также когда священнослужитель призывает к этому, совершает каждение или благословляет.

На св. пасхальной неделе, когда священник кадит с крестом в руке и говорит: «Христос Воскресе!», все крестятся и отвечают: «Воистину Воскресе!»

Принимая благословение епископа или священника, облобызай его руку.

Вообще в церкви во время богослужения полагается стоять. Сидеть можно по немощи или болезни, когда не совершаются главные священнодействия.

Не следует творить земных поклонов и преклонять колена после причащения Святых Таин и в дни воскресные, великие праздники, а также в период от Пасхи до Пятидесятницы, так как в эти дни воспоминается наше примирение с Богом, по слову апостола Павла: «Ты уже не раб, но сын» (Гал 4. 7).

Осеняй себя троекратным крестным знамением и совершай малый поклон: при чтении или пении «Святый Боже» и троекратного «Аллилуиа»; при чтении «Сподоби, Господи, в вечер (день) сей без греха сохранитися нам»; в начале Великого Славословия «Слава в вышних Богу»; после возгласа священника «Слава Тебе, Христе Боже, упование наше, слава Тебе».

Осеняй себя крестным знамением, совершая малый поклон после каждого возгласа священника и при пении «Честнейшую херувим». Земные поклоны следует совершать по окончании молитвы «Тебе поем»; в конце молитвы «Достойно есть» или «Задостойника» в честь Матери Божией; в начале молитвы «Отче наш»; при выносе Св. Даров для причащения, при благословении Св. Дарами и возгласе «всегда, ныне и присно и во веки веков»; на всенощной; когда священнослужитель возглашает: «Богородицу и Матерь света...»

На Литургии Преждеосвященных Даров надлежит повергаться ниц при возгласе: «Свет Христов просвещает всех» и во время безмолвного великого входа; также совершается троекратный земной поклон при чтении молитвы «Господи, Владыко живота моего» (в период великого поста).

Практическое руководство к молитве*

МОЛИТВА И МОЛИТВОСЛОВИЕ

У каждого человека, порой даже у неверующего, бывают мгновения, когда душа невольно устремляется ввысь в молитвенном порыве. Трагические переломы жизни, трепет души, охваченной творческим подъемом или соприкоснувшейся с красотой,— все это может пробудить в глубине нашего существа ту силу, которая поднимает нас к Богу в мольбе, благодарении, радости. Мы же будем говорить главным образом о молитве систематической, которая входит в жизнь как постоянная ее спутница и вдохновительница.

1. Молитвословие

Первоначальной и необходимой формой такой молитвы является **молитвословие.** Так называют чтение «Правила», состоящего из утренних и вечерних молитв, которые произносятся ежедневно. Этот ритм необходим, ибо в противном случае душа легко выпадает из молитвенной жизни, как бы просыпаясь лишь от случая к случаю. В молитве же, как и во всяком большом и трудном деле, одного «вдохновения», «настроения» недостаточно.

Подобно тому, как человек, смотря на икону или картину, слушая музыку или стихи, приобщается к внутреннему миру их создателей, так и чтение молитв связует нас с их творцами, псалмопевцами и подвижниками. Это помогает нам обрести духовный настрой, родственный их сердечному горению. «В том,— говорит о. А. Ельчанинов,— чтобы молиться нам «чужими» словами, пример нам Христос. Его молитвенные вопли на кресте — «цитаты» из псалмов (Пс. 21, 2; 30, 6)».

Существуют три основных правила:

1) Полное — которое рассчитано на людей, располагающих большим, чем другие, временем; оно содержится в полных и иерейских молитвенниках;

2) Краткое правило, рассчитанное на всех. Утром: «Царю небесный», «Трисвятое», «Отче наш», «От сна восстав», «Помилуй мя, Боже», «Верую», «Боже, очи-

* Из самиздатской рукописи, опубликованной в «Вестнике русского христианского движения». № 131.

сти», «К Тебе, Владыко», «Святый Ангеле», «Пресвятая Владычице», призывание святых, молитва за живых и усопших. Вечером: «Царю небесный», «Трисвятое», «Отче наш», «Помилуй нас, Господи», «Боже вечный», «Благого Царя», «Ангеле Христов», от «Взбранной Воеводе» до «Достойно есть». Молитвы эти содержатся в любом молитвослове; и, наконец,

3) Минимальное правило преп. Серафима (три раза «Отче наш», три раза «Богородице Дево» и один раз «Верую») — для тех дней и обстоятельств, когда человек находится в крайнем утомлении или не имеет достаточно времени.

Совсем опускать «правило» опасно. Утомление и рассеянность не должны смущать нас. Даже если «правило» читается без должного внимания, слова молитв, проникая в подсознание, оказывают свое освящающее действие.

2. Подготовка к молитвословию

Основные молитвы хорошо знать наизусть, чтобы они глубже проникли в сердце и чтобы их можно было повторять в любых обстоятельствах. Написаны молитвы на церковнославянском языке. Смысл этого заключается в том, что в момент их произнесения мы легче освобождаемся от обыденных мыслей и ассоциаций и проникаемся чувством священного. В содержании же молитв нужно разобраться заранее: найти их перевод или перевести самим, чтобы слова не звучали бессмысленно. «Потрудитесь,— советует преподобный Никодим Святогорец,— не в молитвенный час, а в другое свободное время обдумать и прочувствовать положенные молитвы. Сделав это, ты и во время молитвословия не встретишь никакого труда воспроизвести в себе содержание читаемой молитвы» (Невидимая брань. 6. 198).

Очень важно, чтобы приступающий к молитвословию изгнал из сердца обиды, раздражение, горечь. «Прежде молитв,— говорит святитель Тихон Задонский,— требуется ни на кого не гневаться, не злобиться, но всякую обиду оставить, чтобы и нам Бог оставил грехи» (Плоть и дух. Собр. соч. Т. 2. С. 89).

Подготовкой к молитве должна служить вся жизнь. Без усилий, направленных на борьбу с грехом, на служение людям, на установление контроля над телом и душевной жизнью, молитва не может стать

тем, чем она предназначена быть — внутренним стержнем нашей жизни. Немалую роль в воспитании молитвенного духа играет чтение, особенно чтение Евангелий. Во главе же всего должны стоять таинства Исповеди и Евхаристии.

Причащение Св. Таин включает всего человека в сокровенный поток благодатной жизни. Редкое причащение наносит нам немалый ущерб, ибо лишает нас благодатной помощи. В прошлом сложилась осуждаемая св. Отцами практика редкого причащения. «У нас нынче говорят даже, что грех часто причащаться,— писал еп. Феофан,— иные толкуют, что нельзя раньше шести недель причащаться. Может быть, кроме этих и другие есть в этом отношении неправильности. Не обращай внимания на эти толки — причащайся так часто, как потребно будет, ничтоже сумняшеся. Старайтесь только всячески приготовляться как должно, и приступать со страхом и трепетом, с верою и сокрушением и покаянным чувством. Докучающим же речами об этом отвечайте: ведь я не инуде перелажу и ко св. причащению всякий раз имею разрешение духовного отца моего» (Письма к разным лицам. С. 392).

3. Время и место

В условиях современной жизни с ее загруженностью и ускоренными темпами нелегко отводить для молитвы определенное время. Однако лучше всего утренние молитвы читать до начала всякого дела. В крайнем случае их можно произносить по дороге из дому. Поздно вечером часто бывает трудно сосредоточиться из-за усталости, поэтому учителя молитвы рекомендуют прочитывать вечерние молитвы в свободные минуты до ужина или еще раньше.

Если есть возможность, во время молитвы хорошо уединиться или встать перед иконой. На вопрос о том, следует ли читать «правило» вместе, всей семьей, или каждому отдельно, невозможно дать однозначный ответ. Это зависит от характера человека и его домашних взаимоотношений. Общая молитва рекомендуется прежде всего в торжественные дни, перед праздничной трапезой и в подобных случаях. Семейная молитва есть все же разновидность церковной («домашняя церковь») и поэтому не может заменить молитву индивидуальную, а лишь дополняет ее.

4. Начало молитвы

Перед началом молитвословия мы осеняем себя крестным знамением и стараемся, отбросив повседневные заботы, настроиться на внутреннюю беседу с Богом. «Постой молча, дондеже утишатся чувства,— учит Молитвослов,— поставь себя в присутствие Божие до сознания и чувства Его с благоговейным страхом и восставь в сердце живую веру, что Бог слышит и видит тебя».

5. Во время молитвословия

Начинающему необходимо произносить молитвы вслух или вполголоса. Это помогает сосредоточиться.

Если во время чтения «правила» прорывается молитва своими словами, то, как говорит св. Никодим, «не попускай сему случаю прийти мимолетно, но остановись на нем» (Невидимая брань. С. 200). Эту же мысль мы находим и у еп. Феофана: «Когда найдет,— говорит он,— сильное молитвенное чувство и разбивает чтение молитв, оставляй это чтение и давай простор этому чувству» (Письма к разным лицам. С. 289).

Многим людям кажется, что молитва всегда должна приносить «духовную усладу». Они забывают о «трудническом» ее характере. «Не ищи в молитве наслаждений,— говорит еп. Игнатий Брянчанинов,— они отнюдь не свойственны грешнику. Желание грешника ощутить наслаждение есть уже самообольщение... Не ищи преждевременно высоких духовных состояний и молитвенных восторгов» (*Еп. Игнатий.* О молитве). Заметим, что поиски постоянного духовного наслаждения есть скрытый вид эгоизма и стремления к духовному комфорту. Трудность молитвы нередко — признак ее подлинной действенности.

Молитва за других людей — неотъемлемая часть молитвословия. Предстояние Богу не отделяет человека от ближних, но связывает его с ними еще более тесными узами. Об этом хорошо писал поэт А. К. Толстой: «Просить с верой у Бога, чтобы он отстранил несчастье от любимого человека — не есть бесплодное дело, как уверяют некоторые философы».

Краткий толковый молитвослов*

О МОЛИТВЕ

Молиться Богу значит прославлять Бога, просить Его о своих нуждах и благодарить Его за оказанные нам милости.

Господу Богу нужно молиться, потому что Он сотворил нас, дал нам всякие блага и постоянно заботится о нас.

Молиться Господу Богу нужно всегда, во всякое время, но особенно нужно молиться Богу утром, при начале всякого доброго дела, по окончании дела, перед принятием пищи, после принятия пищи и вечером перед отходом ко сну.

Утром мы должны благодарить Господа Бога за сохранение нас во время сна и просить у Него благословления на наступающий день, чтобы день этот мы провели с пользой для души и без несчастий. При начале дела мы должны просить помощи Божьей, потому что без Божьей помощи мы не можем сделать ничего доброго. При окончании дела мы должны благодарить Бога за Его помощь. Перед принятием пищи мы должны просить у Господа Бога благословить нашу пищу на здоровье нам. После принятия пищи мы должны благодарить Бога за посланную нам пищу. Вечером, перед отходом ко сну, мы должны благодарить Господа Бога за прошедший день и просить у Него прощения наших грехов и спокойного сна.

Молиться Господу Богу можно везде, во всяком месте; но в особенности нужно молиться в храме Божьем, который мы должны посещать во время богослужения.

Богослужениями, или службами Божьими, называются: вечерня, утреня, литургия и другие.

Мы должны непременно посещать службы Божии во все воскресные дни, в праздники и посты.

Кроме Господа Бога, мы молимся Божьей Матери, святым ангелам и святым людям. Мы просим их молить за нас Бога.

Во время молитвы мы обыкновенно смотрим на святые иконы, перед которыми и молимся.

---

* Из дореволюционного издания Троице-Сергиевой Лавры «Троицкий Благовестник».

Святые иконы суть изображения Господа Иисуса Христа, Пречистой Его Матери, святых ангелов и святых людей.

Во время молитвы мы должны стоять прямо, креститься и делать поклоны поясные и земные.

Креститься должно так: нужно сложить вместе три первых пальца правой руки — большой, указательный и средний; два же остальные пальца — безыменный и мизинец — пригнуть к ладони. Руку со сложенными так пальцами нужно класть сначала на чело, потом на грудь, затем на правое и левое плечо.

Три первые сложенные пальца означают, что Бог Един, но в Трех лицах.

Два пальца, пригнутые к ладони, означают, что Господь наш Иисус Христос сошел с неба на землю для нашего спасения и что Он есть Бог и Человек.

Полагая на себя крестное знамение, мы показываем, что нас спасает вера в Господа Иисуса Христа, распятого на Кресте.

Крестное знамение мы полагаем на чело для того, чтобы Господь просветил наш ум; на грудь, чтобы Он освятил наши чувства; на правое и левое плечо, чтобы Он укрепил наши силы.

Креститься нужно правильно. Кто стыдится креститься или крестится небрежно, тот оскорбляет Господа Бога. Точно так же оскорбляет Бога тот, кто стоит во время молитвы рассеянно. Такая молитва не угодна Богу; напротив, она прогневляет Его.

Во время молитвы мы должны помнить, что говорим с Самим Богом, и Он видит нас, поэтому мы должны стоять на молитве благоговейно и молиться усердно.

МОЛИТВЫ

Молитва начинательная

«Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь. (т. е.) *истинно)».*

Молитву эту нужно произносить перед началом всякого доброго дела, посему она называется Начинательною.

Молитва мытаря

«Боже, будь милостив ко мне грешному».

В этой молитве мы просим у Бога милости и прощения наших грехов. Она называется молитвою мытаря,

потому что, по изображению в притче Господней о мытаре и фарисее, ее произносил мытарь (сборщик податей). Он был грешником, но произнося эту молитву с раскаянием, получал прощение грехов.

Молитва Господу Иисусу

«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий! По молитвам Пречистой Твоей Матери и всех Святых, помилуй нас. Аминь».

Кратко эту молитву мы постоянно произносим так: «Слава Богу». Ею мы прославляем Господа за всякое добро, которое Бог подает нам постоянно. С этой молитвой мы обращаемся к Господу Иисусу Христу и просим, чтобы Он помиловал нас и простил нам грехи наши, ради молитв за нас Богородицы и всех святых.

Молитва Святому Духу

«Царь небесный, Утешитель, Дух истины, Который везде существуешь и все Собою наполняешь, Источник всякого добра и Податель жизни, приди, и вселись в нас, и очисти нас от всякой нечистоты, и спаси, Милосердный, наши души».

Это молитва к Богу Духу Святому. В ней мы просим Духа Святого, чтобы Он поселился в нас, очистил нас от всего дурного и спас наши души.

Трисвятое

«Святый Боже, Святый Всемогущий, Святый Безсмертный, помилуй нас».

Это — молитва Пресвятой Троице и называется «Трисвятое», потому что в ней три раза повторяется слово «Святый». Она также называется «Ангельскою песнью», потому что ее поют на небе ангелы пред престолом Божим.

Славословие Пресвятой Троице

«Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу, и теперь, и всегда, и во веки вечные. Аминь».

Это — хвалебная молитва во славу всех трех Лиц Пресвятой Троицы.

Молитва Пресвятой Троице

«Святейшая Троице! помилуй нас; Господи, очисти грехи наши; Владыка, прости беззакония наши; Святый, приди и исцели наши немощи во славу Твою».

В этой молитве мы сначала просим у Святой Троицы вместе, а потом отдельно у каждого Лица — прощения наших грехов.

Молитва Господня

«Отец наш, Который находится на небесах. Пусть благоговейно чтится Имя Твое, пусть приидет царство Твое, пусть будет воля Твоя и на земле так же, как и на небе. Хлеб, необходимый нам для жизни, дай нам сегодня. И прости нам грехи наши, как и мы прощаем обидевшим нас, и не введи нас в искушение, но избави нас от дьявола, потому что Твое Царство, и сила, и слава вечны. Аминь».

Эта молитва называется Молитвою Господнею, потому что Сам Господь Иисус Христос дал ее Своим ученикам, когда они просили Его научить их молиться. Поэтому сия молитва самая важная изо всех молитв.

«Придите, поклонимся Царю нашему Богу. Придите, поклонимся и падем пред Христом, Царем Богом нашим. Придите, поклонимся и припадем пред Самим Христом, Царем и Богом нашим».

В этой молитве мы торжественно призываем всех верующих поклониться вместе с нами Царю и Богу нашему, Господу Иисусу Христу.

Псалом 50

«Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей и по множеству щедрот Твоих изгладь беззакония мои. В особенности омой меня от беззакония моего, и от греха моего очисти меня. Ибо беззакония мои я сознаю, и грех мой всегда предо мною. Тебе, Тебе единому согрешил я, и лукавое пред очами Твоими сделал, так что Ты праведен в приговоре Твоем и чист в суде Твоем. Вот я в беззаконии зачат, и во грехах родила меня матерь моя. Вот ты возлюбил истину в сердце, и внутрь меня явил мне мудрость (Твою). Окропи меня иссопом, и буду чист, омой меня, и буду белее снега. Дай мне услышать радость и веселие, и возрадуются кости, Тобою сокрушенные. Отврати лицо Твое от грехов моих, и изгладь все беззакония мои. Сердце чистое сотвори во мне, Боже, и дух правый обнови внутри меня. Не отвергни меня от лица Твоего, и Духа Твоего Святого не отними от меня. Возврати мне радость спасения Твоего и Духом владычественным утверди меня. Научу беззаконных путям Твоим,

и нечестивые к Тебе обратятся. Избави меня от кровей, Боже, Боже спасения моего, и язык мой восхвалит правду Твою. Господи, отверзи уста мои, и уста мои возвестят хвалу Твою. Ибо жертвы Ты не желаешь, я дал бы ее: к всесожжению не благоволишь. Жертва Богу дух сокрушенный; сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже. Облагодетельствуй, Господи, по благоволению Твоему, Сион; воздвигни стены Иерусалима; тогда благоугодны будут Тебе жертвы правды, возношение и всесожжение, тогда возложат на алтарь Твой тельцов».

Этот псалом написал пророк Давид, царь еврейский. Он сделал большой грех: погубил благочестивого Урию и взял к себе его жену Вирсавию. Давид раскаялся в своем преступлении и написал этот 50-й псалом (песнь). Псалом называется покаянным, потому что в нем выражены чувства глубоко раскаявшегося человека, и содержится горячая молитва к Богу о прощении грехов. Потому и Святая Церковь весьма часто употребляет этот псалом во время Богослужения. И нам, грешным людям, следует читать его как можно чаще.

Символ Православной веры

«Верую в одного Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, и всего видимого и невидимого.

И в одного Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единственного, рожденного от Отца прежде всех веков: как Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, а не сотворенного, имеющего с Отцом одно существо, и Которым все сотворено.

Для нас, людей, и для нашего спасения сошедшего с небес, и принявшего человеческую природу от Марии Девы чрез наитие на Нее Духа Святого, и сделавшегося человеком.

Распятого за нас при Понтии Пилате, и страдавшего, и погребенного.

И воскресшего в третий день согласно с Писаниями.

И вознесшегося на небеса и пребывающего по правую сторону Отца.

И опять Имеющего прийти со славою, чтобы судить живых и мертвых, Царству Которого не будет конца.

И в Духа Святого, Господа, дающего всему жизнь, от Отца исходящего, почитаемого, и прослав-

ляемого наравне с Отцом и Сыном, говорившего чрез пророков.

В одну святую Соборную и Апостольскую Церковь.

Признаю одно крещение для оставления грехов.

Ожидаю воскресения мертвых.

И жизни будущего века. Аминь».

Символ веры есть краткое изложение того, во что должны веровать христиане. Его составили отцы первого и второго Вселенских Соборов. Вселенский собор — это собрание пастырей и учителей христианской Церкви, по возможности со всей «вселенной», для того, чтобы решить, какое учение есть истинно христианское. Всего вселенских соборов было семь. Первый проходил в Никее в 325 году, а второй в Константинополе в 381 году.

Молитва утренняя

«К тебе, Владыка Человеколюбец, вставши от сна, обращаюсь и за дела Твои принимаюсь по Твоему милосердию, и молюсь Тебе: помоги мне во всякое время, во всяком деле, и избавь меня от всякого мирского злого дела и дьявольского искушения и спаси меня, и введи в Царство Твое вечное. Ибо Ты — мой Творец и всякого добра Источник и Податель; на Тебя вся надежда моя, и Тебе славу воздаю теперь, и всегда, и во веки вечные. Аминь».

Молитва к Ангелу хранителю

«Святой Ангел, приставленный к окаянной моей душе и к исполненной страстями моей жизни, не оставь меня грешного и не отступи от меня из-за моей невоздержанности; не дай возможности злому демону господствовать надо мною при помощи этого смертного тела; укрепи слабую и худую мою руку и наставь меня на путь спасения. О, святой Ангел Божий, хранитель и покровитель окаянной моей души и тела, прости мне все, чем я оскорбил Тебя во все дни жизни моей, и если в чем я согрешил в прошедшую ночь, защити меня в настоящий день и сохрани меня от всякого дьявольского искушения, чтобы никаким грехом мне не прогневать Бога, и молись за меня Господу, чтобы Он утвердил меня в страхе Своем и сделал меня рабом, достойным Его милости. Аминь».

Ангел есть добрый дух, не имеющий тела. Ангел Хранитель дается Богом при крещении каждому хри-

стианину на всю нашу жизнь. Ангел Хранитель постоянно охраняет нашу душу от грехов и спасает наше тело от несчастий. Ангел Хранитель молится за нас Богу и испрашивает у Него для нас милости.

Молитвенное призывание Святого, которого носишь имя

«Моли Бога обо мне, святой угодник Божий (имя), так как я с усердием обращаюсь к тебе, скоро помогающему и молящемуся о душе моей».

Каждому христианину при крещении дается имя одного из святых угодников Божих, например имя Петра в честь св. апостола Петра, Марии — в честь св. Марии Магдалины, и т. п. Святой, имя которого мы носим, молит за нас Бога и оберегает нас от несчастий. Он, вместе с нашим Ангелом Хранителем, есть наш небесный заступник и покровитель. День, когда св. Церковь празднует память нашего святого, бывает для нас большим праздником, который называется нашими именинами, или тезоименитством (по-русски: «то же имя»), или днем Ангела. День, когда нужно праздновать память святого, можно найти в календаре.

Песнь Пресвятой Богородице

«Богородице Дево, радуйся! Исполненная благодати Мария, Господь с Тобою; благословенна Ты между женами и благословенен плод, рожденный Тобою, потому что Ты родила Спасителя душ наших».

Молитва перед учением

«Мудрости Наставник, разума Податель, неразумных Вразумитель и нищих Защититель, сделай твердым в добре и разумным сердце мое, Владыко! Ты, Слово Отца, дай мне дар слова, ибо вот — я не буду препятствовать устам моим взывать к Тебе: Милостивый, помилуй меня грешного».

Молитва после учения

«Благодарим Тебя, Создатель, за то, что Ты дал нам помощь Твою, чтобы внимательно выслушать учение. Награди наших начальников, родителей и учителей, ведущих нас к познанию добра, и подай нам силу и здоровье для продолжения этого учения».

Молитва перед обедом и ужином

«Глаза всех (людей) на Тебя, Господи, с надеждою смотрят, и Ты даешь им пищу, когда нужно, открываешь щедрую руку Твою и наполняешь всех живущих милостию».

Молитва после обеда и ужина

«Благодарим Тебя, Христе Боже наш, за то, что Ты напитал нас земными Твоими благами; не лиши нас и небесного Твоего Царства».

Молитва вечерняя

«Господи Боже наш, все, чем я согрешил в этот день словом, делом и мыслию, Ты, как милосердный и человеколюбивый, прости мне; дай мне мирный и спокойный сон; пошли Твоего Ангела Хранителя, который защищал бы и сохранял бы меня от всего злого. Ибо Ты — хранитель душ и тел наших, и Тебе славу возсылаем: Отцу и Сыну, и Святому Духу, теперь и всегда и в вечные времена. Аминь».

Молитва Св. Ангелу Хранителю

«Ангел Христов, Хранитель мой святой и покровитель души и тела моего, прости мне все, в чем я согрешил в сегодняшний день, и избавь меня от всякой хитрости злого моего врага, чтобы я никаким грехом не разгневал Бога моего; но молись за меня грешного и недостойного раба, чтобы мне оказаться достойным благости и милости Святейшей Троицы и Матери Господа моего Иисуса Христа и всех святых. Аминь».

Эта молитва — к нашему Ангелу Хранителю, которого мы называем Христовым, потому что он дается нам при крещении Иисусом Христом.

«Да воскреснет Бог и разбегутся враги Его, и пусть бегут от Лица Его все ненавидящие Его. Как исчезает дым, так пусть и они исчезнут; как тает воск от огня, так пусть погибнут и бесы при виде любящих Бога и осеняющих себя крестным знамением и с радостью говорящих: радуйся, пречестный и животворящий крест Господень, прогоняющий бесов силою распятого на тебе Господа нашего Иисуса Христа, сошедшего в ад и уничтожившего дьявола и давшего нам тебя, Свой чтимый крест, для прогнания всякого врага.

О многочтимый и животворящий крест Господень! помогай мне вместе со Святою Госпожею Девою Богородицею и со всеми Святыми во веки. Аминь».

В этой молитве мы высказываем веру, что крестное знамение прогоняет от нас всякое зло, в особенности же врага нашего — дьявола. Поэтому мы просим Господа, чтобы Он защитил нас от всякого зла силою Своего Святого Креста.

Краткая исповедь перед духовником

«Исповедую Господу Богу моему пред тобою, отче честный, все мои безчисленные прегрешения, которые я сотворил до настоящего дня и часа: делом, словом, помышлением. Ежедневно и ежечасно согрешаю неблагодарностью к Богу за Его великие и бесчисленные мне благодеяния и всеблагое промышление о мне грешном.

Согрешил: празднословием, осуждением, презорством (высокомерием), непокорством, гордостью, немилосердием, завистью, гневом, оклеветанием, невниманием, нерадением, небрежением, дерзостью, раздражительностью, нарушением заповедей отеческих, унынием, злопомнением, воздаянием зла за зло, ожесточением, преслушанием, роптанием, самооправданием, прекословием, самочинием, самоволием, укорением, злоречием, ложью, смехом, соблазном, самолюбием, честолюбием, чревоугодием, излишеством в пище и питие, тайноедением, тайнопитием (пьянством), вещелюбием, тщеславием, леностью, принятием блудных нечистых помыслов, со услаждением и замедлением в них, сладострастными мечтаниями и истеканиями.

Согрешил: многоспанием, нечистым воззрением, опущением службы Божьей по лености и небрежению, дреманием и шептанием в церкви, опозданием к началу службы церковной, рассеянностью на молитве церковной и келейной, неисполнением в точности келейного монашеского канона.

Согрешил: делом, словом, помышлением, зрением, слухом, обонянием, вкусом, осязанием и прочими моими чувствами душевными и телесными, в них же каюсь и прошу прощения.

(Здесь нужно сказать и иные грехи, если имеешь что-либо особенное на душе.)

Еще каюсь и прошу прощения во всем том, что по неразумию и забвению не исповедал.

Прости и разреши мя, отче честный, и благослови приобщиться Святых и Животворящих Христовых Таинств для оставления грехов моих и в жизнь вечную».

Избранные молитвы

МОЛИТВА В ДЕНЬ НОВОГО ГОДА

Господи Боже, всех видимых и невидимых тварей Творец и Зиждитель, сотворивший времена и лета, Сам благослови начинающийся сего дня Новый Год, который мы считаем от воплощения Твоего для нашего спасения. Дозволь нам провести сей год и многие по нем в мире и согласии с ближними нашими; укрепи и распространи Св. Вселенскую Церковь, которую Ты Сам основал в Иерусалиме, и спасительною жертвою святого Тела и пречистой Крови освятил. Отечество наше возвыси, сохрани и прославь; долгоденствие, здоровье, изобилие плодов земных и благорастворение воздуха дай нам; меня, грешного раба Твоего, всех родственников и ближних моих и всех благоверных христиан, как истинный наш верховный Пастырь, упаси, огради и на пути спасения утверди, чтобы мы, следуя по нему после долговременной и благополучной жизни в мире сем, достигнули царства Твоего небесного и удостоились вечного блаженства со Святыми Твоими. Аминь.

МОЛИТВА В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Господи Боже, Владыка всего мира видимого и невидимого. От Твоей святой воли зависят все дни и лета моей жизни. Благодарю Тебя, премилосердный Отче, что Ты дозволил мне прожить еще один год; знаю, что по грехам моим я недостоин этой милости, но Ты оказываешь мне ее по неизреченному человеколюбию Твоему.

Продли и еще милости Твои мне, грешному; продолжи жизнь мою в добродетели, спокойствии, в здоровье, в мире со всеми сродниками и в согласии со всеми ближними. Подай мне изобилие плодов земных и все, что к удовлетворению нуждам моим потребно. Больше всего очисти совесть мою, укрепи меня на пути спасения, чтобы я, следуя по нему, после многолетней в мире сем жизни, перейдя в жизнь вечную,

удостоился быть наследником Царства Твоего небесного. Сам, Господи, благослови начинаемый мною год и все дни жизни моей. Аминь.

МОЛИТВА ПРИ КРЕЩЕНИИ

Сый, Владыко Господи, сотворивый человека по образу Твоему и подобию и давый ему власть жизни вечныя, таже отпадша грехом не презревый, но устроивый вочеловечением Христа Твоего спасение мира: Сам и создание Твое избавь от работы вражия, приими в Царство Твое Пренебесное: отверзи его (ея) очи мысленныя, во еже озаряти в нем (ней) просвещению Евангелия Твоего; сопрязи животу его (ея) ангела светла, избавляюща его (ею) от всякаго навета сопротиволежащаго, от сретения лукаваго, от демона полуденнаго, и от мечтаний лукавых.

МОЛИТВА ПОСЛЕ СВ. КРЕЩЕНИЯ ИЛИ В ГОДОВЩИНУ ПРИНЯТИЯ ЕГО

Избавление грехов, святым крещением рабу Твоему (рабе Твоей) даровавый, и жизнь паки рождения ему (ей) подавый, сам Владыко Господи, просвещение лица Твоего в сердце его (ея) озаряти выну благоволили: щит веры его (ея) ненаветован соблюди, нетления одежду еюже одеяся, нескверну в нем (ней) и неблазнену сохрани, нерушиму в нем (ней) духовную печать благодатию Твоею соблюдая, милостив емуже (ейже) и нам бывая, по множеству щедрот Твоих.

Яко благословися, и прославися пречестное и великолепое имя Твое: Отца, и Сына, и Святаго Духа, ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

МОЛИТВА ДЕВИЦЫ О СУПРУЖЕСТВЕ

О, Всеблагий Господи, я знаю, что великое счастье мое зависит от того, чтобы я Тебя любила всею душою и всем сердцем моим и чтобы исполняла во всем святую волю Твою. Управляй же Сам, о Боже мой, душою моею и наполняй сердце мое: я хочу угождать Тебе одному, ибо Ты Создатель и Бог мой. Сохрани меня от гордости и самолюбия: разум, скромность и целомудрие пусть украшают меня. Праздность противна Тебе и порождает пороки, подай же мне охоту к трудолюбию и благослови труды мои. Поелику же закон Твой повелевает жить людям в честном супружестве,

то приведи меня, Отче Святый, к сему освященному Тобою званию, не для угождения вожделению моему, но для исполнения предназначения Твоего, ибо Ты Сам сказал: нехорошо человеку быть одному и, создав ему жену в помощницу, благословил их расти, множиться и населять землю (Быт. 1. 28; 2. 18).

Услышь смиренную молитву мою из глубины девичьяго сердца Тебе воссылаемую: дай мне супруга честнаго и благочестиваго, чтобы мы в любви с ним и согласии прославляли Тебя, милосерднаго Бога: Отца, и Сына, и Святаго Духа, ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

МОЛИТВА ПРИ БРАКОСОЧЕТАНИИ ИЛИ МОЛИТВА ХРИСТИАНСКИХ СУПРУГОВ

Господи Боже наш, во спасительном Твоем смотрении, сподобивый в Кане Галилейской честный показати брак Твоим пришествием, Сам ныне рабы Твоя (имена рек) яже благоволил еси сочетатися друг другу в мире и единомыслии сохрани: честный их брак покажи, нескверное их ложе соблюди, непорочное их сожительство пребывати благослови и сподоби я к старости маститей достигнути, чистым сердцем делающе заповеди Твоя.

Ты бо еси Бог наш, Бог еже миловати и спасати, и Тебе славу воссылаем, со безначальным Твоим Отцем, всесвятым и благим и животворящим Твоим Духом, ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

МОЛИТВА СУПРУГОВ, ДЕТЕЙ НЕИМУЩИХ, О ДАРОВАНИИ ДЕТЕЙ

Услышь нас, Милосердный и Всемогущий Бог, да молением нашим ниспослана будет благодать Твоя. Будь милостив, Господи, к молитве нашей, воспомни закон Твой об умножении рода человеческого и будь милостивым Покровителем, да Твоею помощью сохранится Тобою же установленное. Ты властною силою Твоею из ничего все сотворил и положил начало всего в мире существующего — сотворил и человека по образу Своему и высокою тайною освятил союз супружества в предуказание тайны единения Христа с Церковью (Еф. 5. 16—33). Призри, Милосердый, на рабов

Твоих сих, союзом супружеским соединенных и умоляющих о Твоей помощи, да будет на них милость Твоя, да будут плодовиты и да увидят они сыны сынов своих даже до третьяго и четвертаго рода и до желаемой старости доживут и войдут в царство небесное через Господа нашего Иисуса Христа, Которому всякая слава, честь и поклонение подобает со Святым Духом во веки. Аминь.

МОЛИТВЕННОЕ ВОЗДЫХАНИЕ ХРИСТИАНСКОЙ СУПРУГИ ВО ВРЕМЯ БЕРЕМЕННОСТИ

О, Преславная Матерь Божия, помилуй меня, рабу Твою, и прииди ко мне на помощь во время моих болезней и опасностей, с которыми рождают чад все бедные дщери Евы. Вспомни, о, Благословенная в женах, с какою радостью и любовию Ты шла поспешно в горнюю страну посетить сродницу Твою Елисавету во время её беременности, и какое чудесное действие произвело благодатное посещение Твое и в матери и в младенце (Евангелие от Луки. Гл. 1. Ст. 41—45). И по неисчерпаемому благосердию Твоему даруй и мне, униженнейшей рабе Твоей, разрешиться от бремени благополучно; даруй мне сию благодать, чтобы дитя, покоящееся теперь под моим сердцем, пришедши в чувство, с радостным взыгранием, подобно святому младенцу Иоанну поклонялось Божественному Господу Спасителю, Который из Любви к нам, грешным, не возгнушался и Сам стать младенцем. Неизглаголанная радость, которую преисполнилось девственное Твое сердце при воззрении на новорожденного Твоего Сына и Господа, да усладит скорбь, предстоящую мне среди болезней рождения. Жизнь мира, мой Спаситель, рожденный Тобою, да спасет меня от смерти, пресекающей жизни многих матерей в час разрешения, и да причтет плод чрева моего к числу избранных Божиих. Услышь, Пресвятая Царица Небесная, смиренную мольбу мою и призри на меня, бедную грешницу, оком Твоея благодати; не постыди моего упования на Твое великое милосердие и осени меня. Помощница христиан, Исцелительница болезней, да сподоблюсь и я испытать на себе, что Ты — Матерь милосердия, и да прославлю всегда Твою благодать, не отвергшую никогда молитвы бедных и избавляющую всех призывающих Тебя во время скорби и болезни. Аминь.

ПРИЗВАНИЕ ПОМОЩИ ДУХА СВЯТАГО НА ВСЯКОЕ ДОБРОЕ ДЕЛО

Творче и Создателю всяческих, Боже, дела рук наших, к славе Твоей начинаемая, Твоим благословением исправи, и нас избави от всякого зла, яко Един всесилен и человеколюбец.

Скорый в заступлении и крепкий в помощи, предстани благодатию силы Твоея ныне, и благословив укрепи, и в совершение намерения благого дела рабов Твоих произведи: вся бо, елика хощеши, яко сильный Бог, творити можеши.

МОЛИТВА ПЕРЕД НАЧАЛОМ ОБУЧЕНИЯ ДИТЯТИ

Господи Боже и Создателю наш, образом Своим нас, людей украсивший, избранных Твоих научивший закону Твоему, так что внимающие ему дивятся, детям тайны премудрости открывший, Соломону и всем имущим ее даровавший — открой сердца, умы и уста рабов Твоих сих (имена рек), чтобы уразуметь силу закона Твоего и успешно познать преподаваемое им полезное учение для славы Пресвятого имени Твоего, для пользы и устроения Святой Твоей Церкви и разумения благой и совершенной воли Твоей.

Избавь их от всяких козней вражеских, сохрани их в вере Христовой и чистоте во все время жизни их,— да будут крепки разумом и исполнением заповедей Твоих и так наученные прославлять Пресвятое имя Твое и будут наследниками Царствия Твоего,— ибо Ты Бог крепок милостию и благ крепостью и Тебе подобает всякая слава, честь и поклонение Отцу, и Сыну, и Святому Духу, всегда, ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

МОЛИТВА В БОЛЕЗНИ

Господи Боже, Владыко жизни моей, Ты по благости Своей сказал: не хочу смерти грешника, но чтоб он обратился и жив был. Я знаю, что эта болезнь, которою я страдаю, есть наказание Твое за мои грехи и беззакония; знаю, что по делам моим я заслужил тягчайшее наказание но, Человеколюбче, поступай со мною не по злобе моей, а по беспредельному милосердию Твоему. Не пожелай смерти моей, но дай мне си-

лы, чтобы я терпеливо сносил болезнь, как заслуженное мною испытание, и по исцелении от неё обратился всем сердцем, всею душою и всеми моими чувствами к Тебе, Господу Богу, Создателю моему, и жив был для исполнения святых Твоих заповедей, для спокойствия моих родных и для моего благополучия. Аминь.

МОЛИТВА ПРИГОТОВИТЕЛЬНАЯ К ПОСЛЕДНЕМУ ЧАСУ

Тропарь, гл. 3

Смиренную мою душу посети, Господи, во гресех все житие иждившую: имже образом блудницу, приими и мене, и спаси мя.

Преплывая пучину настоящаго жития, помышляю бездну моих зол и не имеяй окормителя помышлений, Петров провещаваю Ти глас, спаси мя, Христе, спаси мя, Боже, яко Человеколюбец.

Слава: Скоро совнидем в невестник Христов, да вси услышим блаженный глас Христа Бога нашего: приидите любящии небесную славу, сопричастницы бывше мудрых дев, уяснивше свещи наша верою.

И ныне: Душе, покайся прежде исхода твоего, суд неумытен грешным есть, и нестерпимый возопий Господу во умилении сердца: согреших Ти в ведении и неведении, щедрый, молитвами Богородицы, ущедри и спаси мя.

МОЛИТВА ОБ ИСЦЕЛЕНИИ БОЛЬНОГО

О премилосердный Боже, Отче, Сыне и Святый Душе, в нераздельной Троице поклоняемый и славимый, призри благоутробно на раба Твоего (имя рек), болезнию одержимого; отпусти ему вся согрешения его; подай ему исцеление от болезни; возврати ему здравие и силы телесные, подай ему долгоденственное и благоденственное житие, мирные Твои и премирные блага, чтобы он вместе с нами приносил благодарные мольбы Тебе, всещедрому Богу и Создателю моему.

Пресвятая Богородица, всесильным заступлением Твоим помоги мне умолить Сына Твоего, Бога моего, об исцелении раба Божия (имя рек).

Все Святые и Ангелы Господни, молите Бога о больном рабе Его (имя рек). Аминь.

МОЛИТВА ОБ ИЗБАВЛЕНИИ ОТ НЕЧИСТЫХ ПОМЫШЛЕНИЙ

Владыко, Господи Боже мой, в руках Которого участь моя, спаси меня Сам по милости Твоей; не дай мне погибнуть во грехах моих и не допусти последовать нечистым желаниям плоти, оскверняющим душу мою: ибо я — Твое создание, не презирай дело рук Твоих, не удаляйся, умилосердись и не посрами, не оставь меня, Господи, ибо я немощен и к Тебе, Покровителю моему Богу, прибегаю, исцели душу мою, ибо я согрешил пред Тобою. Спаси меня по милости Твоей, ибо на Твоем попечении был я от юности моей, — да постыдятся желающие удалить меня от Тебя чрез дела греховные, помышления непристойные, воспоминания неполезные; удали от меня всякое распутство, пороков излишество. Ибо Ты один только Свят, один Крепкий, один Бессмертный, во всем несравненное могущество имеющий и Тобою одним подается всем против диавола и его воинства сила. Ибо подобает Тебе всякая слава, честь и поклонение, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

МОЛИТВА О ПРИМИРЕНИИ ВРАЖДУЮЩИХ

Благодарим Тя, Владыко Человеколюбче, Царя веков и подателя благих, разрушившаго вражды средостение и мир подавшаго роду человеческому, даровавшему и ныне мир рабом Твоим, вкорени в них страх Твой и друг к другу любовь утверди: угаси всякую распрю, отъими вся разгласия соблазны. Яко Ты еси мир наш и Тебе славу воссылаем, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

МОЛИТВА НА ОСВЯЩЕНИЕ НОВОГО ДОМА

Боже Спасителю наш, изволивый под сень Закхееву внити и спасение тому и всему дому бывый: Сам и ныне зде жити восхотевшие и нами недостойными мольбы Тебе и моления приносящие, от всякого вреда соблюди невредимы, благословляя тех зде жилище и ненаветен тех живот сохраняяй. Яко подобает Тебе всякая слава, честь и поклонение, со безначальным

Твоим Отцем и с Пресвятым, и Благим, и Животворящим Твоим Духом, ныне, и присно и во веки веков. Аминь.

МОЛИТВА НА ОСВЯЩЕНИЕ ВСЯКОЙ ВЕЩИ

Создателю и Содетелю человеческого рода, дателю вечного спасения: Сам Господи, посли Духа Твоего Святаго свыше и благословение на вещь сию, яко да вооружена силою небесного заступления хотящим употребити, помощна будет к телесному спасению и заступлению и помощи о Христе Иисусе Господе нашем. Аминь.

О ЗАКЛЮЧЕННЫХ

На проскомидии

Господи Иисусе Христе Боже наш, святаго апостола Твоего Петра от уз и темницы без всякаго вреда свободивый, приими, смиренно молим Ти ся, жертву сию милостивно во оставление грехов рабов Твоих (раба Твоего/рабы Твоея) (имя рек) в темницу всажденных (всажденнаго), и молитвами их (его), яко человеколюбец всесильною Твоею десницею от всякого злаго обстояния избави и на свободу изведи.

На Литургии

О еже простите рабом Своим... вся согрешения их и милостиву и благоуветливу быти им, Господу помолимся.

О еже вскоре услышати глас моления нашего, и от уз и темницы милостивно свободити их, Господу помолимся.

О еже, якоже иногда прилежную Церкве Своея о Петре молитву, и нашу ныне милостивно услышати, и от уз свободити рабов Своих, Господу помолимся.

О еже по многим щедротам и милости Своей от всякого злаго обстояния избавити, и свободити рабы Своя, Господу помолимся.

О еже сотворити милость с рабы Своими и от всех бед и нужд, и от узилища, якоже Иосифа в Египте иногда, силою Своею скоро свободити их, Господу помолимся.

Тропарь, гл. 2

Манассию от уз и горькаго заточения молитв ради свободивый, Всещедрый Боже, и рабы Твоя нами ныне молящыяся (молящагося), от уз и заточения свободи, и от всякаго злаго обстояния избави, яко един Человеколюбец.

Кондак, гл. 5

Яко милосердия источник, и благости пучина, Христе Боже, не презри в скорбех и бедах, Тебе верою призывающих, но яко щедр помилуй, и от уз скоро свободи, да поем Ти: Аллилуиа.

Прокимен, гл. 7

Изведи из темницы душу мою, исповедатися имени Твоему, Всевышний.

Стих: Вонми молитве моей, яко смирихся зело.

Деяния св. Апостол чтение (12.1—11)

Аллилуиа, гл. 4 Из глубины воззвах к Тебе, Господи, услыши глас мой.

Стих: Да будут уши Твои внемлюще гласу моления моего.

От Иоанна св. Евангелия чтение (8.31—36)

Ектения «Рцем» и прочая и приложи:

Петра от уз и темницы изведый, и невредна Церкви Твоей представивый, Христе, и рабов Твоих, нами Тебе ныне молящихся (молящагося), яко милосерд помилуй, и от уз свободи, молим Ти ся, Всемилостивый Спасе, услыши и помилуй.

Избавляяй нища от сильна, и убога, емуже несть помощника, в беде и заточении и узах сущия (сущаго), яко щедр милостивно свободи, прилежно молим Ти ся, скоро услыши, и яко щедр, помилуй.

Иосифа в темнице иногда в Египте заключеннаго преславно свободивый, и ныне нами Тебе призывающия (призывающаго) от уз и горькия беды избави, молим Ти ся, избавителю милостивый, услыши и помилуй.

Причастен: Да внидет пред Тя воздыхание окованных: по величию мышцы Твоея, снабди сыны умерщвленных.

ПСАЛОМ 91/90

(обычно читаемый в опасностях)

Обетование о безопасности

Живущий под кровом Всевышнего, под сенью Всемогущего покоится. Говорит Господу: «Прибежище мое и защита моя, Бог мой, на которого я уповаю!» Он избавит тебя от сети ловца, от гибельной язвы; перьями Своими осенит Тебя, и под крыльями Его будешь безопасен; щит и ограждение истина Его. Не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей днем, язвы, ходящей во мраке, заразы, опустошающей в полдень. Падут подле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя; но к тебе не приблизится. Только смотреть будешь очами твоими и видеть возмездие нечестивым.

Свидетельство псалмопевца

Ибо ты сказал: «Господь — упование мое»; Всевышнего избрал тебе зло, и язва не приблизится к жилищу твоему.

Ибо ангелам Своим заповедает о тебе — охранять тебя на всех путях твоих. На руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею. На аспида и василиска наступишь; попирать будешь льва и дракона.

Свидетельство Господа

«За то, что он возлюбил Меня, избавлю его; защищу его, потому что он познал имя Мое. Воззовет ко Мне, и услышу его; с ним Я в скорби; избавлю его и прославлю его; долготою дней насыщу его, и явлю ему спасение Мое».

МОЛИТВА СВ. ИОАННА ЗЛАТОУСТОГО ПО ЧИСЛУ 12 ЧАСОВ ДНЯ И НОЧИ

Господи, не лиши мя небесных Твоих благ. Господи, избави мя вечных мук. Господи, умом ли или помышлением, словом или делом согреших, прости мя. Господи, избави мя всякаго неведения и забвения и малодушия и окамененного нечувствия. Господи, избави мя от всякаго искушения. Господи, просвети мое сердце, еже помрачи лукавое похотение. Господи, аз, яко человек, согреших, Ты же, яко Бог щедр, помилуй мя, видя немощь души моей. Господи, посли благодать

Твою в помощь мне, да прославлю имя Твое святое, Господи Иисусе Христе, напиши мя, раба Твоего, в книзе животней и даруй ми конец благий. Господи Боже мой, аще и ничтоже благо сотворих пред Тобою но даждь ми по благодати Твоей положити начало благое. Господи, окропи в сердце моем росу благодати Твоея. Господи небес и земли, помяни мя, грешнаго раба Твоего, студнаго и нечистаго, во Царствии Твоем. Аминь.

Господи, в покаянии прими мя. Господи, не остави мене. Господи, не введи мя в напасть. Господи, даждь ми мысль благу. Господи, даждь ми слезы и память смертную и умиление. Господи, даждь ми помысл исповедания грехов моих. Господи, даждь ми смирение, целомудрие и послушание. Господи, даждь ми терпение, великодушие и кротость. Господи, всели в мя корень благих, страх Твой в сердце мое. Господи, сподоби мя любити Тя от всея души моея и помышления и творити во всем волю Твою. Господи, покрый мя от человек некоторых, и бесов, и страстей, и от всякия иныя неподобныя вещи. Господи, веси, яко твориши, якоже Ты волиши, да будет воля Твоя и во мне грешнем, яко благословен еси во веки. Аминь.

Митрополит Трифон (Туркестанов)

Акафист Благодарственный* «Слава Богу за все!»

Кондак 1

Нетленный Царю веков, содержащий в деснице своей все пути жизни человеческой силою спасительного промысла Твоего. Благодарим Тя за все ведомые и сокровенные благодеяния Твоя, за земную жизнь и за небесные радости Царства Твоего будущего. Простирай нам и впредь Твои милости, поющим:

Слава Тебе, Боже, во веки.

---

* Автором акафиста в «Вестнике русского христианского движения», № 120, ошибочно назван протоиерей Григорий Петров. Текст сверен нами по рукописному оригиналу во время работы над статьей «Памяти митрополита Трифона (Туркестанова). К 50-летию его кончины», опубликованной в «Журнале Московской Патриархии». 1984. № 9. С. 16 — 22. — *В. А. Никитин.*

Икос 1

Слабым беспомощным ребенком родился я в мир, но Твой Ангел простер светлые крылья, охраняя мою колыбель. С тех пор любовь Твоя сияет на всех путях моих, чудно руководя меня к свету вечности. Славно щедрые дары Твоего промысла явлены с первого дня и доныне. Благодарю и взываю со всеми, познавшими Тя.

Слава Тебе, призвавшему меня к жизни,
Слава Тебе, явившему мне красоту Вселенной,
Слава Тебе, раскрывшему предо мною небо и землю как вечную книгу мудрости,
Слава Твоей вечности среди мира временного,
Слава Тебе за тайные и явные милости Твои,
Слава Тебе за каждый вздох грусти моей,
Слава Тебе за каждый шаг жизни, за каждое мгновение радости,
Слава Тебе, Боже, во веки.

Кондак 2

Господи, как хорошо гостить у Тебя: благоухающий ветер, горы, простертые в небо, воды, как беспредельные зеркала, отражающие золото лучей и легкость облаков. Вся природа таинственно шепчется, вся полна ласки, и птицы и звери носят печать Твоей любви. Благословенна мать земля с ее скоротекущей красотой, пробуждающей тоску по вечной отчизне, где в нетленной красоте звучит: Аллилуйа!

Икос 2

Ты ввел меня в эту жизнь, как в чарующий рай. Мы увидели небо, как глубокую синюю чашу, в лазури которой звенят птицы, мы услышали умиротворяющий шум леса и сладкозвучную музыку вод, мы ели благоуханные и сладкие плоды и душистый мед. Хорошо у Тебя на земле, радостно у Тебя в гостях.

Слава Тебе за праздник жизни,
Слава Тебе за благоухание ландышей и роз,
Слава Тебе за сладостное разнообразие ягод и плодов,
Слава Тебе за алмазное сияние утренней росы,
Слава Тебе за улыбку светлого пробуждения,

Слава Тебе за вечную жизнь, предвестницу небесной,

Слава Тебе, Боже, во веки.

Кондак 3

Силою Духа Святого обоняет каждый цветок, тихое веяние аромата, нежность окраски, красота Великого в малом. Хвала и честь животворящему Богу, простирающему луга, как цветущий ковер, венчающему поля золотом колосьев и лазурью васильков, а души — радостью созерцания.

Веселитесь и пойте Ему: Аллилуйа!

Икос 3

Как Ты прекрасен в торжестве весны. Когда воскресает вся тварь и на тысячи ладов радостно взывает к Тебе: Ты источник жизни, Ты победитель смерти.

При свете месяца и песне соловья стоят долины и леса в своих белоснежных подвенечных уборах. Вся земля — невеста Твоя, она ждет Нетленного Жениха. Если Ты траву так одеваешь, то как же нас преобразишь в будущий век воскресения, как просветятся наши тела, как засияют души!

Слава Тебе, изведшему из темноты земли разнообразные краски, вкус и аромат,

Слава Тебе за радушие и ласку всей природы,

Слава Тебе за то, что ты окружил нас тысячами Твоих созданий,

Слава Тебе за глубину Твоего разума, отпечатленного во всем мире,

Слава Тебе, благоговейно целую следы Твоей незримой стопы,

Слава Тебе, зажегшему впереди яркий свет вечной жизни,

Слава Тебе за надежду бессмертной идеальной нетленной красоты,

Слава Тебе, Боже, во веки.

Кондак 4

Как Ты услаждаешь думающих о Тебе, как животворно святое Слово Твое, мягче елея и сладостнее сот беседа с Тобой. Окрыляет и живет молитва к Тебе;

каким трепетом тогда наполняется сердце и как величава и разумна становится тогда природа и вся жизнь! Где нет Тебя — там пустота. Где Ты — там богатство души, там живым потоком изливается песнь: Аллилуйа!

Икос 4

Когда на землю сходит закат, когда воцаряется покой вечного сна и тишина угасающего дня, я вижу Твой чертог под образом сияющих палат и облачных сеней зари. Огонь и пурпур, золото и лазурь пророчески говорят о неизреченной красоте Твоих селений, торжественно зовут: пойдем к Отцу!

Слава Тебе в тихий час вечера,

Слава Тебе, излившему миру великий покой,

Слава Тебе за прощальный луч заходящего солнца,

Слава Тебе за отдых благодатного сна,

Слава Тебе за Твою благость во мраке, когда далек весь мир,

Слава Тебе за умиленные молитвы растроганной души,

Слава Тебе за обещанное пробуждение к радости вечного невечернего дня.

Слава Тебе, Боже, во веки.

Кондак 5

Не страшны бури житейские тому, у кого в сердце сияет светильник Твоего огня. Кругом непогода и тьма, ужас и завывание ветра. А в душе у него тишина и свет. Там Христос!

И сердце поет: Аллилуйа!

Икос 5

Я вижу небо твое, сияющее звездами. О, как Ты богат, сколько у Тебя света! Лучами далеких светил смотрит на меня вечность, я так мал и ничтожен, но со мною Господь, Его любящая десница всюду хранит меня.

Слава Тебе за непрестанные заботы обо мне,

Слава Тебе за промыслительные встречи с людьми,

Слава Тебе за любовь родных, за преданность друзей.

Слава Тебе за кротость животных, служащих мне,

Слава Тебе за светлые минуты моей жизни,

Слава Тебе за ясные радости сердца,
Слава Тебе за счастье жить, двигаться и созерцать,
Слава Тебе, Боже, во веки.

Кондак 6

Как Ты велик и близок в мощном движении грозы, как видна Твоя могучая рука в изгибах ослепительных молний, дивно величие Твое. Глас Господень над полями и в шуме лесов, глас Господень в рождестве громов и дождей, глас Господень над водами многими. Хвала Тебе в грохоте огнедышащих гор. Ты сотрясаешь землю, как одежду. Ты вздымаешь до неба волны морские. Хвала смиряющему человеческую гордыню, исторгающему покаянный вопль: Аллилуйа!

Икос 6

Как молния, когда осветит чертоги пира, то после нее жалкими кажутся огни светильников. Так Ты внезапно блистал в душе моей во время самых сильных радостей жизни. И после молниеносного света Твоего какими бесцветными, темными, призрачными казались они. Душа гналась за Тобою. Слава Тебе, край и предел высочайшей человеческой мечты!

Слава Тебе за нашу неутомимую жажду богообщения,

Слава Тебе, вдохновившему в нас неудовлетворенность земным,

Слава Тебе, облекшему нас тончайшими лучами Твоими,

Слава Тебе, сокрушившему власть духов тьмы, обрекшему на уничтожение всякое зло,

Слава Тебе за откровения Твои, за счастье чувствовать Тебя и жить с Тобою,

Слава Тебе, Боже, во веки.

Кондак 7

В дивном сочетании звуков слышится зов Твой. Ты открываешь нам преддверия грядущего рая и мелодичность пения в гармоничных тонах, в высоте музыкальных красок, в блеске художественного творчества. Все истинно прекрасное могучим призывом уносит душу к Тебе, заставляет восторженно петь:

Аллилуйа!

Икос 7

Наитием Святого Духа Ты озаряешь мысль художников, поэтов, гениев науки. Силой Сверхсознания они пророчески постигают законы Твои, раскрывая нам бездну творческой премудрости Твоей. Их дела невольно говорят о Тебе; о, как Ты велик в своих созданиях, о, как Ты велик в человеке.

Слава Тебе, явившему непостижимую силу в законах Вселенной Слава Тебе, вся природа полна законов Твоего бытия.

Слава Тебе за все открытое нам по благости Твоей,
Слава Тебе за то, что ты сокрыл по мудрости Твоей,
Слава Тебе за гениальность человеческого ума,
Слава Тебе за животворящую силу труда,
Слава Тебе за огненные языки вдохновения,
Слава Тебе, Боже, во веки.

Кондак 8

Как близок Ты во дни болезни, Ты Сам посещаешь больных, Ты Сам склоняешься у страдальческого ложа, и сердце беседует с Тобой.

Ты миром озаряешь душу во время тяжких скорбей и страданий, Ты посылаешь нежданную помощь. Ты утешитель, Ты любовь, испытующая и спасающая, Тебе поем песнь:

Аллилуйа!

Икос 8

Когда я в детстве первый раз сознательно призвал Тебя, Ты исполнил мою молитву, и душу осенил благоговейный покой. Тогда я понял, что Ты — благ и блаженны прибегающие к Тебе. Я стал призывать Тебя снова и снова, и ныне зову:

Слава Тебе, исполняющему во благих желания мои,

Слава Тебе, бодрствующему надо мной день и ночь,

Слава Тебе, врачующему скорби и утраты целительным течением времени,

Слава Тебе, с Тобою нет безнадежных потерь, Ты даруешь всем вечную жизнь,

Слава Тебе, Ты одарил бессмертием все доброе и высокое, Ты обещал желательную встречу с умершими,

Слава Тебе, Боже, во веки.

Кондак 9

Отчего вся природа таинственно улыбается во дни праздников? Отчего тогда в сердце разливается дивная легкость, ни с чем земным не сравнимая, и самый воздух алтаря и храма становится светоносным? Это веяние благодати Твоей, это отблеск фаворского счета; тогда небо и земля хвалебно поют:

Аллилуйа!

Икос 9

Когда Ты вдохновляешь меня служить ближним, а душу озарил смирением, то один из бесчисленных лучей Твоих падал на мое сердце, и оно становилось светоносным, железо в огне. Я видел Твой таинственный, неуловимый Лик.

Слава Тебе, преобразившему нашу жизнь делами добра,

Слава Тебе, запечатлевшему несказанную сладость в каждой заповеди Твоей,

Слава Тебе, явно пребывающему там, где благоухает милосердие,

Слава Тебе, посылающему нам неудачи и скорби, дабы мы были чутки к страданиям других,

Слава Тебе, положившему великую награду в самоценности добра,

Слава Тебе, приемлющему высокий порыв,

Слава Тебе, возвысившему любовь превыше всего земного и небесного,

Слава Тебе, Боже, во веки.

Кондак 10

Разбитое в прах нельзя восстановить, но Ты восстанавливаешь тех, у кого истлела совесть, но Ты возвращаешь прежнюю красоту душам, безнадежно потерявшим ее. С Тобой нет непоправимого. Ты весь любовь. Ты — Творец и Восстановитель. Тебя хвалим песнью: Аллилуйа!

Икос 10

Боже мой, ведый отпадение гордого ангела денницы. Спаси меня силою благодати, не дай мне отпасть от Тебя, не дай усомниться в Тебе. Обостри слух мой

дабы во все минуты жизни я слышал Твой таинственный голос и взывал к Тебе, вездесущему:

Слава Тебе за промыслительное стечение обстоятельств,

Слава Тебе за благодатные предчувствия,

Слава Тебе за указание тайного голоса,

Слава Тебе за откровение во сне и наяву,

Слава Тебе, разрушающему наши бесполезные замыслы,

Слава Тебе, страданиями отрезвляющему нас от угара страстей,

Слава Тебе, спасительно смиряющему гордыню сердца,

Слава Тебе, Боже, во веки.

Кондак 11

Через ледяную цепь веков я чувствую тепло Твоего Божественного дыхания, слышу струящуюся кровь. Ты уже близок, часть времени рассеялась. Я вижу Твой Крест — он ради меня. Мой дух в прахе пред Крестом: здесь торжество любви и спасения, здесь не умолкает во веки хвала: Аллилуйа!

Икос 11

Блажен, кто вкусит вечерю во Царствии Твоем, но Ты уже на земле приобщил меня этого блаженства. Сколько раз Ты простирал мне Божественной десницей тело и кровь Твою, и я, многогрешный, принимал эту святыню и чувствовал Твою любовь, несказанную, сверхъестественную.

Слава Тебе за непостижимую живительную силу благодати,

Слава Тебе, воздвигшему церковь Твою как тихое пристанище измученному миру,

Слава Тебе, возрождающему нас животворящими водами крещения,

Слава Тебе, Ты возвращаешь кающимся чистоту непорочных лилий,

Слава Тебе, неиссякаемая бездна прощения,

Слава Тебе за чашу жизни, за хлеб вечной радости,

Слава Тебе, возведшему нас на небо,

Слава Тебе, Боже, во веки.

Кондак 12

Я видел много раз отражение славы Твоей на лицах умерших. Какой неземной красотой и радостью светились они, как воздушны, нематериальны были их черты, это было торжество достигнутого счастья, покоя, молчанием они звали к Тебе. В час кончины моей просвети и мою душу зовущую: Аллилуйа!

Икос 12

Что моя хвала пред Тобой! Я не слыхал пения херувимов, это удел высоких душ, но знаю, как хвалит Тебя природа. Я созерцал зимой, как в лунном безмолвье вся земля тихо молилась Тебе, облеченная в белую ризу, сияя алмазами снега. Я видел, как радовалось о Тебе восходящее солнце и хоры птиц гремели славу. Я слышал, как таинственно о Тебе шумит лес, поют ветры, журчат воды, как проповедуют о Тебе хоры светил своим стройным движением в бесконечном пространстве. Что моя хвала! Природа послушна, а я нет, пока живу, я вижу любовь Твою, хочу благодарить, молиться и взывать:

Слава Тебе, показавшему нам свет,

Слава Тебе, возлюбившему нас любовью глубокой, неизмеримой, божественной,

Слава Тебе, осеняющему нас светом, сонмами ангелов и святых,

Слава Тебе, всесвятый Отче, заповедовавший нам Твое Царство,

Слава Тебе, Душе Святый, животворящий солнце будущего века,

Слава тебе за все, о Троица Божественная, всеблагая,

Слава Тебе, Боже, во веки.

Кондак 13

О всеблагая и животворящая Троица, прими благодарения за вся милости Твоя и яви нас достойными Твоих благодеяний, дабы, умножив вверенные нам таланты, мы вошли в вечную радость Господа своего с победной хвалой: Аллилуйа!

Словарь наиболее употребительных славянских слов и выражений, встречающихся в молитвах

Адам воззвася — Адам был вызван из ада.

Ад пленися — ад был пленен.

Аз — я.

Аможе — там, куда.

Блаже (звательный падеж) — благой, милосердный.

Велегласно — громко.

Взбранной воеводе... восписуем — мы поем хвалебную песнь Военачальнице всех небесных сил.

В воню благоухания духовного — подобно благоухающему дыму фимиама, знаменующего духовное благоухание жертвы Христовой.

Винный — виновный.

Внегда — когда.

Владычный — начальствующий, всемогущий.

Во еже пети Тя — чтобы Тебя воспевать.

Вонь — благовоние.

Всесожжигаемая — жертвы за грех, приносившиеся в Храме Иерусалимском и полностью сжигаемые на алтаре.

Вся елика — все, что.

Выну — всегда, непрестанно.

Горе имеем сердца — вознесем сердца к горнему миру и Богу.

Даси — дашь.

Двери, двери премудростию вонмем — начинается великое таинство, будем внимательны к Божией Премудрости, откроем двери ума и сердца.

Девственная похвала — слава.

Днесь — сегодня.

Долги — грехи.

Еликий — какой.

Елицы — все, кто.

Живот — жизнь.

Животно — живущее.

Звездам служащии звездой учахуся — звездам (в смысле Богу, вышним) служившие волхвы были научены звездой.

Идеже несть — там, где нет.

Идеже присещает — там, где пребывает.

Иже — который.

Иже херувимы тайно образующе — мы, которые таинственно изображаем херувимов.

Ижденут — изжить, выгнать, устранить.

Изрядно — особенно.

Исполним молитву — совершим.

Исполнять — наполнять

Иссоп — трава (кропило), которой окроплялся исцелившийся от проказы.

(В) книзе животной — в числе спасенных.

Клятва потребися — была уничтожена.

Крамола змиина — борьба дьявола против Бога.

Купно (вкупе) — вместе.

Милость мира, жертву хваления — дар мира, примирения с Богом; мы приносим жертву благодарности, славословия Богу.

Мирная благая — блага этого мира (в отличие от премирная — для будущей жизни).

Миром Господу помолимся — единодушно.

Молитва Господня — Отче наш.

Мытарь — сборщик податей, грешник.

Наипаче — особенно.

Нечаяние — отчаяние, неожиданность; в нечаянии — в бесчувственности.

Непреобориму адовы враты — врата — символ крепости, власти над городом; ад (зло) не может одолеть Церкви.

Ниже — даже не.

Обстояниях — в трудных обстоятельствах.

Осанна — спаси, сохрани или слава (в вышних — на небе).

Отженить — отогнать.

Паки — снова.

Память смертную — о смерти.

Паче — больше.

Пет быти — быть воспеваем.

Подвизаться — устремляться, спешить.

Предображать — заранее изображать.

Презирати — не взирать на грех, прощать.

Премудры ловцы явлей — соделавший мудрыми простых рыбаков.

Призирати — обращать взор, замечать.

Присносущный — вечный.

Прежде век сый Бог наш — который прежде веков есть наш Бог.

Присно — всегда.

Причастие — участие, соединение.

Причет церковный — священнослужители.

Промысленник — Промыслитель — Бог, заботящийся о спасении и вечном счастии людей.

Прости приимше — с чистой душой и должным вниманием причастившись.

Пришедше на запад солнца — дожив до заката солнца.

Рай словесный — духовный, одушевленный.

Свет разума — свет богопознания.

Се бо — ибо вот.

Семя тли — зародыш греха, ведущего к тлению (смерти).

Сион — гора, на которой находится Иерусалимский храм.

Сокровище благих — источник всего доброго, Святой Дух.

Спрославляемый — прославляемый наравне.

Станем добре — будем стоять благоговейно.

Странные — странствующие.

Сущий — действительный, истинный.

Творче (звательный падеж) — Творец, Бог.

Ти — Тебе.

Точию — только.

Троическое поклонение — поклонение Пресв. Троице.

Тя — Тебя.

Убо — ибо.

Уверяя — удостоверяя.

Уловлей (вселенную) — просветивший...

Утреневати — делать что-нибудь утром, рано вставать.

Утроба — чрево, сердце, тайники сердечные.

Учини я — сделай их.

Царя всех подымем, ангельскими невидимо дориносима чинми — сонм ангелов невидимо сопровождает Сына Божия и поет Ему хвалу, как римские войска высоко подымали императора на щите, поддерживаемом копьями во время его триумфа (дориносима — носима на копьях).

Шатание — превозношение, гордость, неистовство.

Юже — которую.

Ю — ее (душу).

Я — их.

Языки — язычники, языческие народы.

Яже — которая.

Яко — так как, чтобы, как.

Якоже — как и.

Яков — такой как.

Оглавление

Научно-популярное издание

МАЛАЯ ЦЕРКОВЬ

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА ПРИХОЖАНИНА

Издатели *А. Горенков* и *С. Ильинский*

Составитель *В. Никитин*
Редактор *Н. Чунакова*
Художник *Е. Капустянский*
Технический редактор *Ю. Мухин*
Корректор *В. Васюкова*

Издание осуществлено при участии издательско-коммерческой фирмы «Родник» и издательства «Известия».

Сдано в набор 09.01.92. Подписано в печать 1.06.92.
Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Балтика».
Печать высокая. Усл. печ. л. 14,7. Уч.-изд. л. 15.04. Усл. кр.-отт. 19,32.
Тираж 100 000 экз. Заказ 505.

Информационно-издательское агентство «Русский мир».
125040, Москва, Ленинградский просп., 17.

Типография «Известий» имени И. И. Скворцова-Степанова.
103798, Москва, Пушкинская пл., 5.

Малая церковь Настольная книга прихожанина